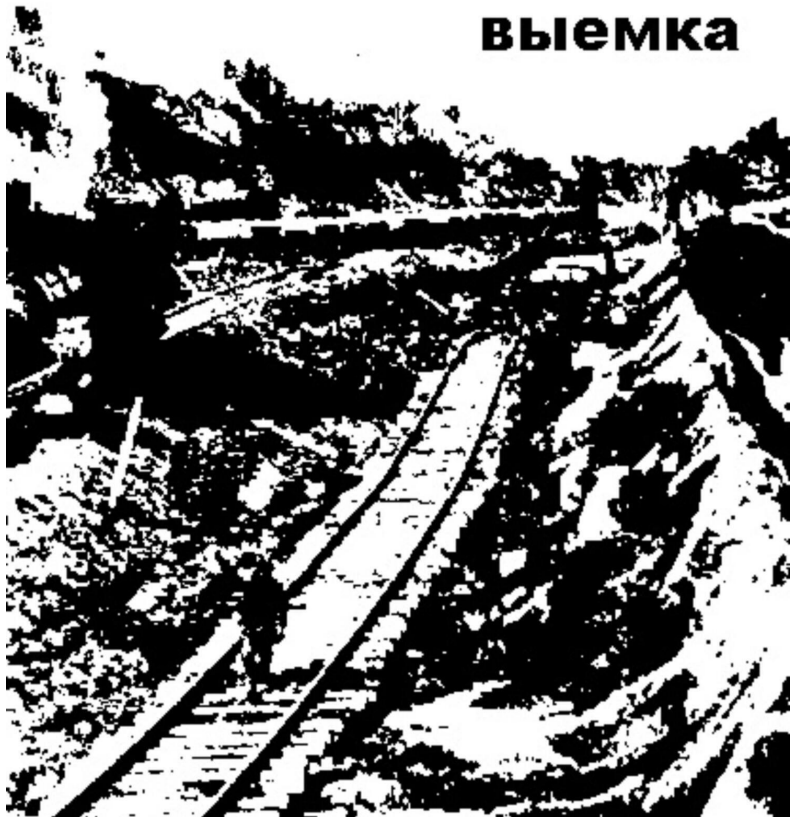

**Всеволод
Шахов**

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Глубокая выемка

Всеволод Шахов

Глубокая выемка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69293671

SelfPub; 2023

Аннотация

Сталинская индустриализация. Первые пятилетки. Невыполнимые сроки и темпы. Сроки строительства и сроки заключения. Решительность в движении к цели у одних и потеря жизненных ориентиров у других. Симбиоз созидания и разрушения. Год 1933. Перед нами небольшой участок канала "Москва-Волга", длиной всего лишь около восьми километров, участок нитки канала между реками Клязьма и Химка, участок самой объёмной выборки грунта, участок, на котором многотысячная армия заключённых Дмитлага, названных каналоармейцами, пробивалась вглубь и вширь, участок официально названный тогда Глубокой выемкой.

Всеволод Шахов

Глубокая выемка

Часть первая.

«Техника решает всё»

1

Свежие опилки образовали два холмика по разные стороны от берёзового полена, лежащего на козлах. Один холмик, освещаемый солнцем, находился ближе к Ковалёву и смотрелся ярким песчаным конусом, второй – в тени, ближе к Ивану, был не такой приветливый и смахивал на серую кучку пыли. Двуручная пила попеременно заходила на сторону то одного, то другого, высыпая из-под зубьев очередную порцию опилок. Ковалёву хотелось, чтобы его солнечная горка была выше и он, с усердием, подтягивал на себя рукоятку, стараясь углубляться. Иван, в свою очередь, будто принял условия игры, отдавал ровно, удерживая минимальный натяг металлического полотна. Ковалёв посмотрел на Ивана, хотел похвалить за хорошо разведённую пилу, но приглушенный крик от дальнего конца барака заставил остановить работу.

– Ну, что там ещё? – Ковалёв в этот раз медленно потянул пилу в свою сторону, – а-а, похоже, те двое, что топор

просили.

– Да, те узбеки, – Иван отпустил рукоятку со своей стороны.

Метрах в ста, у недостроенного барака, на земле лежал человек, обхватив ступню. Другой размахивал руками и неразборчиво кричал, пытаясь обратить внимание.

– Подозреваю, что-то недоброе. Пойдём. – Ковалёв опустил пилу на землю.

Увидев кровь, ускорили шаг.

– Дай посмотрю, убери руку... да убери же! – не обращая внимания на скулящие звуки скорчившегося от боли парня, Ковалёв надавил на запястье его руки и оторвал от раны. Мать честная! Между мизинцем и безымянным пальцем проходила глубокая рубленая рана. – Ты же мизинец почти отрубил, – отпустил руку узбека. Тот, вскрикнув, снова схватился за ступню,

– Ванька, беги за верёвкой, – Ковалёв безалаберно наступил на подол цветастого полосатого халата молодого узбека, рванул, оторвал лоскут, сложил в несколько слоёв и обернул ступню, – Держи крепче. Теперь в изодранном халате ходить будешь, если не помрёшь. Нахрена ты себя посёк? Узбек молчал.

Ковалёв мысленно прокручивал ситуацию. Нашим топором рубанул. Ему сразу не понравилось, что эти двое притащили сюда лопаты и попросили топор. Просил тот, который сейчас справлялся с болью. Второй, намного старше, очень

на монгола похож. Если они и родственники, то не близкие. Кто же их научил или сами быстро смекают? как духу хватает... так топором тяпнуть.

Иван, замешкавшись, начал туго обматывать веревкой ногу, чуть выше щиколотки.

– Ты чего делаешь? не фонтан же бьет, хочешь ему гангрену устроить? Слегка тряпку к ступне примотай и всё, – Ковалёв перекинул свободный конец на ступню. Иван пытался оборачивать, но подвывания и проступающая кровь действовали на него парализующе.

– Ну, чего так слабенько намотал... сползёт же... дай сюда, – Ковалёв уверенно сделал семь оборотов и завязал узел. Оставшийся моток веревки не стал отрезать – ещё понадобится, и всучил в руки второму узбеку, – Держи, неси, – и уже спокойнее, – Ванька, придется тащить его до фельдшера, ты помоложе, давай. Иван завел руку страдальца себе на шею, со стороны рассечённой ноги. Второй узбек подстраховал с другой стороны.

Ковалёв шёл сзади этой троицы. Не зря они выбрали это место. Избушка фельдшера рядом... топор есть... ребята мы еще крепкие, дотащить поможем. Второго на всякий случай, то ли как свидетеля, то ли помочь, если что... Недавний этап с Туркестана... соображают, хоть и басмачи... Зачем их сюда навезли под зиму? половина без обуви... с лаптями здесь и то беда. Еще на земляные работы поставили, нормы не выполняют, пайка усеченная... дохнут, как мухи.

Перед ступеньками наспех собранной избы – часть из брёвен, часть из неряшливо сколоченных щитов – остановились. Ковалёв шагнул на крыльцо, дёрнул на себя дверь, вошёл.

– Эй, Никитишна, ты на месте? – через мгновение Ковалёв узрел её в дальнем углу комнаты.

– О, Александр Павлович, я всегда на месте, – Никитишна поднялась из-за письменного стола и подошла, – что случилось?

Их знакомство состоялось месяца три назад, когда Ковалёв, как сотрудник культурно-воспитательного отдела, проводил очередную плановую агитационную работу. Ещё тогда, он удивился, как она управляется без левой руки. И сейчас поймал себя на мысли, что уставился на закатанный по самое плечо рукав белого халата.

Никитишна спокойно перевела взгляд на появившихся в дверях троих человек и сказала: "Понятно, вон туда давайте..." Широкий деревянный стол в центре комнаты – на нём проводились операции, на нём же можно было и улечься заночевать, при необходимости. Единственная тусклая лампочка без абажура нелепо свисала над ним на тонком проводе.

Ковалёв развязал верёвку и открыл рану. Никитишна прокомментировала: "Рана свежая... струпы не образовались... срезать ткани не надо... делов-то..." Повернувшись в сторону соседней комнаты, откуда доносился звон металлических предметов, крикнула: "Анька, готовь инструменты, шить бу-

дем". Девушка, лет двадцати, выскочила из-за двери, подбежала к высокому железному ящику, стоявшему на полу, достала всё необходимое, зажгла спиртовку и прокалила скальпель, пинцет и иглу.

Никитишна подняла из-под стола литровую бутылку со спиртом и отмерила грамм пятьдесят в мензурку. Тонкой струйкой влила содержимое в стакан, на четверть наполненный водой. Не долго думая, достала из металлической коробки кусочек бинта, смочила и единственной рукой провела им по кровавым краям. Посмотрела на дрожащие ресницы полуприкрытых глаз узбека и заставила его сделать несколько глотков из стакана.

– Александр Павлович, придави ему ноги, а ты, – обратилась к Ивану, – держи здесь...

Двумя пальцами стянула мягкие места между пальцами ноги, которые должен держать Иван.

– Ну-ну, парень, ты-то чего бледнеешь? – Никитишна пару раз встряхнула Ивана за плечо, сунула ему в руки стакан с разведённым спиртом и приказала пить. Тот допил, поморщился и покорно свёл рассечённые части ступни, стараясь не смотреть на рану.

– Товарищ врач, а мне почему спирт не предлагаете? – Ковалёв широко, заискивающе улыбаясь, посмотрел на Никитишну.

– У тебя не такая важная обязанность, – Никитишна отодвинула бутылку со спиртом подальше от Ковалёва. Её расши-

ряющиеся зрачки, наливаясь, как спелая чёрная олива, заполняли коричневую радужку. – И, вообще, культурно-воспитательный работник, вы и без меня выпивку легко находите, – не поворачивая головы, крикнула, – Анька, нить заправила? Давай! – взяла иглу, – даже зажимов здесь нет, не то что морфия, всё наживую делаю: зубы дёргаю, ноги-руки отпиливаю... кому-то вот везёт – куски соединяю... – Никитишна бормотала и орудовала, то иглой, то пинцетом, не обращая внимания на стоны узбека. Иван отрешённо следовал её указаниям, переставляя пальцы вдоль раны, стараясь лишний раз не смотреть на ступню.

– Ну, вроде всё, зашили... ну, что ж, все свободны... этот пусть полежит пару часов. Анька, повязку наложи, – Никитишна повернулась к Ковалёву и уже вполголоса сказала, – подожди меня на крылечке, на пару слов.

– ...Потряхивает? – Ковалёв тонкой струйкой лил воду на подрагивающие руки Ивана, смывая кровь, – не часто человеческую плоть приходится ощущать.

– Да уж, не-при-ят-но, – Иван смущённо растягивал слова. Набрал в ладони воды, умылся, – Ладно, надо к работе возвращаться.

– Давай, я сейчас, подойду.

Второй узбек уселся прямо на ступеньки крыльца и, обхватив руками голову, запричитал. Ковалёв отошёл к берёзе и закурил. Минут через пять вышла Никитишна, передала ему забытый на столе моток верёвки. Вынула из карма-

на кисет с табаком, но Ковалёв галантно протянул коробку папирос с изображением цыганки. Отточенным движением стукнул пальцем по дну коробки, так, чтобы из надорванного уголка высунулась на пару сантиметров одна папироса – мол, угощайся. Никитишна вытянула папиросу, сплюснула конец трубочки, вальяжно вставила между зубов и потянулась к Ковалёву за огоньком.

– Саша, откуда саморуба притащил? – выдохнула густой дым.

– Да вот, с Ванькой, у клуба дрова готовили... пару полен распустить собрались – к зиме щели заделать... Подходят двое, один на топор тычет, второй несколько черенков для лопат держит. По-русски не говорят, руками машут – изображают. Ну, Ванька – добрая душа, и кивнул, мол, берите... Отошли они в сторону, мы – за работу, они – стругать, потом слышим – крики.

– Хорошо, что только один рубанулся. Правда второй плохо выглядит, почти старик, и так, похоже, здесь не жилец. Скорее всего, третий отдел заинтересуется, вчера новый уполномоченный приходил знакомиться. Парня твоего муржить будут, если его топор, как бы в пособничестве не обвинили. За последнюю неделю три случая – кто лопатой ногой секанул, кто молотком пальцы разбил... в общем, конечности бьют...

– Как они на это решаются-то?

– Ну, если доказать, что производственная травма, то ме-

сяца на два можно передышку получить без ограничения питания, а потом и на слабосилку перевестись.

– Это я знаю. Не пойму только, как они, по-человечески, на это решаются? – Ковалёв поёжился и передёрнул плечами, представив нависающий топор над своей голой ступнёй.

– От безысходности и не на такое решишься, – Никитишна забычковала папиросу о ствол берёзы.

2

От громогласно ухнувшего "Приехали!" он вздрогнул, быстро посмотрел по сторонам, подхватил потрёпанный коричневый портфель, лежащий рядом, поправил торчащий оттуда рулон плотной бумаги, с торца обернутый газетой, сунул вознице денег, отрывисто произнёс "Спасибо!" и поспешно соскочил с телеги.

Крутой поворот грунтовой дороги, почти под прямым углом, разделил десяток сумбурно стоящих крестьянских изб от выверенного ряда из четырёх двухэтажных добротных деревянных домов. Около входа в один из них висела яркая красная табличка "Администрация 3-го участка". Туда он и направился, попутно отмечая для себя, что чуть в стороне, справа, стояло неказистое строение с ажурной вывеской "Магазин", а в глубине, – за стройными тополями, – длинные бараки, отделённые от домов вольнонаёмных двойным кольцом ключей проволоки.

Он сразу сориентировался: из настежь открытой двери одной из комнат на первом этаже валил табачный дым такой плотности, что не позволял, даже переступив порог, разглядеть всех собравшихся. Тем не менее, ему удалось обнаружить и занять свободный стул около длинного неокрашенного стола. Он опустил к ногам портфель, снял кепку, обнажив полностью лишённую волос голову, и услышал шushingанье, доносящееся от дальних углов. "Будасси приехал..." Тогда он слегка кивнул в сторону того, кто его узнал и стал смотреть на напористо говорившего человека в выцветшей фуражке с красной звездой.

Да, Афанасьев за два года внешне не изменился: глубоко посаженные глаза под нависающими тёмными бровями и всё тот же прямой твёрдый взгляд. Будасси, ещё на Беломорстрое, замечал, как Афанасьев, из живого паренька с чистыми идеалами, постепенно превращался в матёрого управленца, действующего лозунгами системы: "Выполнить задачу к сроку любой ценой... Темпы, темпы..." Но всё же мальчишеская безалаберность не покинула его – речь явно не была заранее подготовленной. На лету нелепо сформированные предложения, из-за нехватки словарного запаса, иногда заканчивались словесным тупиком и приходилось выкручиваться неизощрёнными матерными выражениями. Будасси, в целом, изучил чекистов, их методы работы, цели и задачи и, в общем-то, подстроился различать людей, с кем можно иметь дело, а кого лучше избегать. Афанасьев был из тех,

кому Будасси доверял.

Будасси перевёл взгляд на стол. Газетный листок с знакомым названием: "Перековка" от 20 сентября 1933 года. Оригинально нарисованное, в виде ручного молота, крыло буквы "к" наносило сокрушительный удар по букве "о", да так, что соседние буквы трепетали. Художник показал это через брызжащие искры, высекаемые молотом и скукоженные формы остальных букв. Сколько раз Будасси видел этот художественный замысел и, всякий раз, подспудно ухмылялся, что надписи "Орган культурно-воспитательного отдела Дмитровского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР", обрамлённой в широкую прямоугольную рамку, ничего не угрожало. Разлетающиеся во все стороны осколки её не задевали.

Центральную часть выпуска "Перековки" занимал портрет Сталина. Проникновенно устремленный вдаль взгляд, в этот раз, казался сильным, но не деспотичным, сосредоточенным, но не сведённым в одну точку. Казалось, редакторы специально подобрали такую фотографию, чтобы она придавала заголовкам, окружающим портрет и призывающим к трудовым свершениям, особую значимость.

Афанасьев периодически заглядывал в точно такой же газетный листок, лежавший перед ним, и цитировал обязательства, касающиеся земляных работ. Будасси усмехнулся про себя: "Что ж, Григорию Давыдовичу почти удаётся копировать образ вождя".

– Теперь хочу представить нового начальника производственной части Хлебниковского участка – инженера Будасси Александра Владимировича, которому и предоставляется слово, – Будасси, очнувшись от мыслей, огляделся, выигрывая время для концентрации внимания, и поднялся.

Афанасьев всё ещё продолжал, выдав заранее приготовленную, дежурную фразу: "Перед нами стоит сложная и трудоёмкая задача, справиться с которой возможно только применением механизации, поэтому мы должны сосредоточить все наши усилия на освоении новой техники, на правильной ее эксплуатации и на подготовке кадров".

Будасси кашлянул в кулак, потянулся к портфелю, негромко произнёс: "Ладно, теперь к делу". Освободил листы ватмана от старых газет и расстелил на столе. На края, норовящие свернуться, расставил предметы, попавшие в его поле зрения: пепельницу – металлическую коробочку из толстой жести, чернильницу из мутного сине-зелёного стекла с отколотым горлышком, потрёпанную толстую книгу с жёлтыми страницами без обложки. Повертел в руке большую гайку со следами ржавчины, осмотрел резьбу, хмыкнул.

– Это Егорыч заставил притащить, говорит, будет напоминанием, что необходимо заказать запчасти для второго экскаватора, – неуверенный голосок принадлежал тёмноволосому парню с острыми скулами.

Будасси встревожено поднял глаза.

– Что за запчасти?

– Да ремни на привод, кольца уплотнительные...

– Фу, напугал, так и говори, расходные материалы, – Будасси примостил гайку на нижний угол листа, сделал жест рукой, мол, подходите ближе. Десятки пар глаз сосредоточились. Несколько человек затаились из махорочных самокруток и выпустили клубы дыма.

– Итак, наш участок, участок Глубокой выемки

На топографической карте с множеством изолиний, испещрённых цифрами уровней высот, ярко красным цветом была нанесена трасса будущего канала. Пересекая железнодорожные пути Савёловской железной дороги, она бесцеремонно вклинивалась в реку Клязьма и, сделав пару поворотов большого радиуса, уходила к Москве, разрезав маленькую речку Химка. Обозначенное тонкой линией русло Клязьмы утопало в широком поле голубого цвета – небольшом заливе около села Котово.

– Насколько я знаю из отчётов, уже проведена предварительная выемка грунта глубиной около трёх метров, – Будасси выделил среди нескольких человек, одного, с задумчивым взглядом и когда говорил, вскользь, посматривал на него, и получая очередной утвердительный кивок, продолжал, – следующий шаг, организация экскаваторных работ...

Будасси освободил правый край верхнего листа и он, свернувшись в рулон, открыл следующий лист. Железнодорожные пути, чёрно-белыми змейками, сначала проходили внутри границ канала, а затем, минуя деревни Ивакино и Павель-

цево, уходили к пойме реки Клязьма, разветвляясь на множество тупиков.

– В Дмитрове разработано два проекта вывоза грунта. Первая схема простая – составы движутся челночным методом к свалкам на Клязьме. Вторая, более сложная, – кольцевая организация движения: все составы движутся по кольцу и сбрасывают грунт по откосу, также в пойму реки. Пути нормальной ширины, не узкоколейка... управляться с этим, конечно, посложнее, но и объёмы выборки запланированы гигантские...

Будасси, пока говорил, чувствовал на себе пристальный взгляд откуда-то сбоку. Выбрав момент, мельком заметил у окна человека в форме с ромбами в петлицах. Молодое гладкое белое лицо с маленькими глазками, готовыми просверлить насквозь, открытый высокий лоб, зачёсанные назад волосы. И эта предельная, до неприятного ощущения, опрятность.

– ...конечно, исходя из реалий местности, и, самое главное, исходя из наших технических возможностей, любой проект требует уточнения.

– Это всё красивые картинки... – пожилой человек в однорортной тужурке флотского покроя придавил в пепельнице скуренную папиросу и представился, – прораб Павлов, – продолжил, в упор уставившись на Будасси, – да, мы получили три экскаватора, но пока только один удалось вывести на трассу.

– Работать на экскаваторах некому! – дерзкий возглас донёсся из задних рядов.

– Запчастей нет, ремень пришлось с третьего экскаватора на первый перекидывать...

– Покажите, где опытный участок организовали? – Будасси не обращал внимания на нарастающий гул.

– Вот здесь экскаватор, – прораб указательным пальцем очертил в воздухе над схемой окружность, – вот сюда ветку проложили, пару платформ гоняем, – палец сместился на ближний участок свалки.

– Хорошо, давайте завтра на месте посмотрим.

Возникла пауза, которой воспользовался Афанасьев. Почувствовал – необходимо завершить совещание.

– Все должны понимать, что сроки, поставленные товарищем Сталиным и правительством, должны быть выполнены любой ценой. Несмотря на лозунг “Техника решает все” мы должны использовать все наши ресурсы.

Люди поспешно выходили из комнаты.

Будасси заметил в углу ведро, прикрытое дощечкой. На расстоянии поинтересовался у Афанасьева: “Пить можно?” Получил короткое “угу” и зачерпнул металлической кружкой. Привкус медицинского бинта заставил поморщиться.

– Александр Владимирович, извиняй, привыкай к аптекарскому вкусу, приходится дезинфицировать, из речки воду черпаем, а сейчас там столько живности.

Будасси выпил. – Ну, Григорий Давыдович, здравствуй! –

улыбнулся, подошёл к Афанасьеву и крепко пожал руку, – год не виделись, я так понимаю на новом месте далеко не всё хорошо?

– Наконец ты хоть нормальные усы отпустил, а то совсем без растительности был, – Афанасьев посмотрел на Будасси и зачем-то сделал суровое лицо, – ты же знаешь и не в таких условиях работали. Предварительную подготовку трассы сделали. Сколько смогли – выбрали, дальше тачками и грабарками не получится, все уже понимают, техника нужна.

– Что ж, будем заниматься, Григорий Давыдович, – Будасси снова повертел в руках гайку, – Ты мне скажи, что за человек с ромбами сидел у окна?

– А, этот из особого отдела, – по-новому, оперуполномоченный по району, – Макаров Николай Владимирович. Недавно прислали, не знаю, где он до этого работал.

3

– Ага... третий злополучный барак! – Макаров скользнул взглядом по длинной неровной стене без окон. Гнилыми обрезками досок, внахлёт, заколочены щели стыков деревянных щитов. Входная дверь, по центру барака, разделяла строение на две части, каждая сторона метров по пятьдесят длиной.

В пяти шагах от двери Макаров остановился. Остановились и все сопровождавшие его.

– Ковалёв, чего-то с окнами не густо?

– Николай Владимирович, самый первый барак, по привычке, как на Беломорстрое, сколотили. Там, из-за холодов, не очень-то окна жаловали.

– Да уж, по сравнению с этим, те остальные, что посещали, вроде ничего были: и окна, и несколько дверей. Клуб, так вообще, шедевр зодчества, – Макаров, приближаясь к двери, перешагнул через заполненную земляной жижей колею от колеса телеги.

– К зиме два барака планируется достроить, Афанасьев хочет туда передовиков переселить, – Ковалёв проявил осведомлённость о планах начальства.

– Даже цифру нарисовать не могут – на гнилой доске намалевали, – Макаров пальцем скovyрнул щепку с таблички над дверью. – Не хочется в этот пенал заходить, ну и служба!

Дежурный, заранее предупреждённый о визите, стоял у входа в ожидании комиссии. Пять вохровцев решительно пробежались по бараку.

– Много отказников? – Макаров упёрся взглядом в дежурного, вытянувшегося перед ним.

– По итогам утреннего построения десять отказников, пять больных, и ещё...

– Ладно, посмотрим, – Макаров оборвал на полуслове, больше не в силах смотреть на выкрошенный гнилой передний зуб дежурного, не прикрываемый заячьей губой.

– Ковалёв, давай шагай, – Макаров ткнул того в спину и

последовал за ним.

Три тусклые лампочки едва освещали проход, разделявший ряды двухэтажных нар.

– Всем встать! Строиться! – пророкотал Ващенко.

Замельтешившие тени вохровцев и глухие удары палок по нарам в полутёмном помещении создавали иллюзию какого-то средневекового действа. С коек медленно сползали люди.

Макаров шёл по проходу, останавливался, жёстко заглядывая каждому в лицо.

– Почему не работаешь? – задавал вопрос, про себя оценивал и, получая однообразный ответ "болен, сил нет", шёл дальше.

Возле одного человека Макаров постоял подольше. Ответный острый напористый взгляд, тёмные глаза, чуть тронутые сединой виски. Вполне цивильная тужурка и не дырявые шаровары. И, самое главное – сапоги.

– Как фамилия?

– Клещёв.

– Почему не работаешь, на вид совсем не больной? – Макаров сощурился, напряг губы.

– Я коновод, а лошадь сдохла, – Клещёв опасно не отводил глаз, – новую не дают.

– Почему на другую работу не идёшь? Триста грамм хлеба хватает?

– Староват я тачку таскать.

Макаров заметил, что Ващенко, в волнении, подает знаки.

– Что там у тебя? Нашёл чего-то?

– Николай Владимирович, жмурик, похоже.

– Ну, что, Клещёв, скажешь? – Макаров закипал, не нравилось ему такое поведение зека.

– Болел он долго, – в этот раз Клещёв отвёл глаза, ответил спокойно .

Макаров медленно подошёл к койке. Ващенко приподнял край рваной грязной простыни.

– Суки, надо же, всё подчистили, даже трусы не оставили, – Макаров ухмыльнулся, про себя подумал: "Очередной нацмен. Вот вам пополнение из Туркестана".

– Ну, ему теперь незачем, – Ващенко опустил простыню.

– Ващенко, организуй-ка нам профилактику, а потом и поговорим с ними...

Ващенко с размаху ударил палкой по поперечине нар. Ковалёв вздрогнул. Заключённые вытягивались в струнку, судорожно пялись друг к другу.

– Ковалёв, ты-то чего вздрагиваешь? – Макаров направился к выходу, – пойдём прогуляемся.

– ...от неожиданности... – Ковалёв следовал за ним, – немного отвык.

Макаров хлопнул входной дверью, вполголоса произнёс в сторону: "Тьфу, вонища, кислятиной какой-то несёт".

– Этого Клещёва давно знаешь?

– Да, еще с Беломорстроя, сильный человек, плотно дер-

жит: кого запугивает, а с кем и договаривается.

– Чего, он и тебя запугивает? или договариваетесь? – Макаров посмотрел, прищурился, – ты для чего поставлен? Ты хоть и временно, но вроде обязанности начальника культурно-воспитательной части исполняешь... надеюсь, не пятьдесят восьмую отбываешь...

– Нет, не пятьдесят восьмую... – Ковалёв пытался увильнуть от ответа, понизил голос, – не всё так просто... пытаемся, как на Беломорстрое быт организовывать: бараки для ударников, сдельщину вводим и...

– Чего ты мне о тряпках вещаешь? И так вижу, – Макаров поморщился. – С Афанасьевым говорил? Он в Дмитров постоянно мотается, пусть занимается.

– Говорил. Он тоже "за", но сейчас всё тяжело, дела со жратвой только начали выправлять. Вот только недавно подвоз воды на трассу организовали, летом люди замертво от жажды валились...

– Ты жмурика этого знал? – Макаров снова оборвал на полуслове.

– Тяжело с этими нацменами. Этот, вообще, старик. Порусски не говорил, забьётся в угол, лопочет чего-то. За ним помоложе приглядывал, ну тот, который мизинец рубанул. На пару дней разъединились и вот...

– Ты про Джебраилова говоришь?

– М-м, фамилию не знаю. В бараке две сотни человек... всех фамилий не запомнить... нацменов раскидали по сво-

бодным койкам в пяти бараках.

– Вот я и смотрю, как работаешь... – Макаров недовольно пробурчал.

– Как могу... – Ковалёв замялся, – Вообще, этот барак между двух групп поделён. Одна – под Клещём ходит, сплошь отказники, хотя сам Клещ числится работающим. Другая – большинство, не сказать что ударники, но работают. Костяк там зародился человек из пятнадцати. Нормы выполняют, живут сплочённо, в основном, бывшие кулаки. Многие к ним жмутся. Случай был: один из клещёвских сапоги стянул, так поймали, чуть не забили... вохровцы еле растащили. Я тогда Клеща спрашиваю: "Что делать будем?" Он отвечает: "Надо как-то уладить". И как-то уладилось, никого из кулаков не тронули.

– Ну, если доказали, что сам виноват... – Макаров вставил реплику, показывая, что слушает внимательно.

– Так вот, потихоньку удаётся выманить по несколько человек... из сомневающихся. Практика проста. Пообещаю, то новую телогрейку, то брюки ватные, то сапоги. И ультиматум: "Поработаешь по норме две недели – выдадут". Конечно, не верят, но некоторые покумекают, деваться некуда, всё равно сидим, а скоро зима. Правда, если из стаи клещёвской выбиваются – по головке не гладят. Пришлось пятерых перевести в другой барак.

– Ты не боишься, что контра, эта кулацкая, соберётся и свои условия начнёт тебе выдвигать? – Макаров посмотрел

в глаза Ковалёву.

– Кулаки – это, в основном, единоличники. Да, для защиты могут сплотиться, а как до благ доходит, так они управляемы. Если понемногу ставить в состояние неравенства, то они начинают как бы соревноваться, – Ковалёв даже крикнул от удовольствия, показывая осведомлённость в вопросах психологии, – а дальше: кого в передовики записать, кому дополнительную порцию на ужин, о ком в "Перековке" написать. Самый большой стимул, это конечно, зачёты срока. За это они готовы на многое.

– Насколько я знаю, под Москву рецидивистов не велено переводить, – Макаров решил поглубже изучить Ковалёва.

– Предыдущий начальник... ну, до вас... говорил, что не слишком матёрого пахана стоит держать... за порядком пусть смотрит, а заменить всегда можно... – Ковалёв пожал плечами.

"Не зря, похоже, этому Ковалёву и свободное перемещение, и отдельную конуру, и двойную норму жратвы назначили", – подумал Макаров, провёл ладонью по волосам и тыльной стороной большого пальца вытер лоб. – Ладно, пойдём в барак, посмотрим, что там наковыряли.

Вохровцы, на взводе, как челноки рыскали вдоль строя.

– Ещё раз спрашиваю, откуда здесь эти вещи? – Ващенко палкой приподнимал и опускал сваленную в центр барака одежду: новые кальсоны, телогрейки, стоптанные сапоги, но вполне пригодных для носки.

– Вот и тряпки нашлись, которые прибывшим выдавали. Так... этого... этого, – Макаров обрадовался, наметил троих из непонравившихся, – в штрафной изолятор.

Вохровцы выталкивали из строя назначенных. Макаров повернулся в сторону Клеща, вперился взглядом, беззвучно сообщил: "Пусть твои в ШИЗО посидят, посмотрим, как в следующий раз заговоришь".

4

Пока колонна из вновь прибывших ста пятидесяти заключённых, рядами по шесть, не пересекла ограждение из колючей проволоки, красноармейцы держали винтовки наперевес. Теперь же они могли позволить себе закурить и перебраться новостями с теми, кто охранял по эту сторону. Заключённые же, стояли, с трудом удерживаясь на ногах, в ожидании дальнейших распоряжений. Их лица не выражали никаких эмоций, лишь некоторые пытались осмотреться – всё же это была конечная точка их этапа.

Ковалёв знал, что в выходной день быстро расселить новеньких по баракам не удастся. И, действительно, в подтверждение этой мысли, их потеснили к большой поляне между двух барakov, где уже толпа из давнишних обитателей лагпункта обступила деревянный помост в ожидании выступления Дмитровской агитбригады. Помост, возведённый полгода назад, выполнял не только функцию сцены, его использо-

вали и для общих собраний. Сегодня же планировалось и то, и то другое.

Решение начинать начальство приняло, и из недр двухэтажного строения расчётно-распределительного отдела выскочил Афанасьев, энергичным шагом пересёк чудом сохранившийся не затоптанный пяточок травы и запрыгнул на помост. Оглядел собравшихся, снял фуражку, вероятно, желая показать себя без головного убора новеньким, чтобы запомнили, и стареньким, чтобы не забывали, снова надел фуражку, украшенную большой пятиконечной звездой, вздёргнул подбородок и напористо заговорил: "Каналоармейцы! Вы призваны выполнить великую задачу строительства канала Москва-Волга – этого величайшего в мире и важнейшего для реконструкции Москвы сооружения, призванного коренным образом изменить лицо столицы Советского Союза. Центральный Комитет партии и лично товарищ Сталин непосредственно с исключительным вниманием следят за стройкой канала".

Афанасьев сделал паузу. Заключённые безразлично смотрели на него, но Григорий Давыдович, не получив ответной реакции, продолжил уверенно говорить.

Ковалёв, внимательно следивший за оратором, толкнул в плечо стоявшего рядом Егорыча.

– Всё-таки у чекистов не отнять их напористость.

– Да уж, – коренастый Егорыч поддержал разговор, – только действует ли она на голодных людей? Героям красного

знамени, кроме храбрости, нужно научиться реальному пониманию вещей.

– Ловкое слово придумали – "каналоармеец". Конечно, нас товарищами не назовёшь, а зеками величать, при воззвании к свершениям, не удобоваримо, – Ковалёв продолжал рассуждать. Двести грамм водки, принятые им по случаю выходного дня, понемногу развязывали язык.

– Насколько я знаю, это слово Коган придумал, когда стал начальником Беломорстроя, – Егорыч поглядывал на вновь прибывших заключённых, – Саша, тебе не кажется, что знакомые лица попадают?

– Так с Беломорстроя переводят, а этот этап как раз с Медгоры.

В подтверждение, Афанасьев рокотал: "...как недавно на Беломорканале, так скоро и на Мосволгострое наш боевой коллектив победит... Мы дадим волжскую воду Москве!"

– Егорыч, а знаешь, нам с тобой ведь повезло: у тебя срок закончился, а я вовремя пристроился. Чую, здесь скоро ещё хуже станет, – Ковалёв продолжал серьёзное, – народищу навезли, а новые бараки ещё и не начинали, с едой, вообще, беда...

– Ну да, правда пришлось у чекистов на поводу пойти, срок скостили, но в обмен... хотя, есть на что менять... вольняшкам и зарплата, и обед, – Егорыч кивнул.

Афанасьев заканчивал пламенную речь: "Строительство подходит к завершающей стадии. Глубокая выемка – самый

сложный участок... Руководство это понимает и будет всячески помогать. Основная задача – механизация, но пока экскаваторов мало и руководство надеется на пополнение строительства опытными каналоармейцами – ударниками труда. Я уверен, что мы с вами справимся. Остался последний рывок. И мы его осуществим. Всех вас досрочно освободят и вы разъедетесь по домам на кораблях по созданному вами каналу. А сейчас выступит агитбригада из Дмитрова".

– Во заливает, соловей, – Ковалёв искренне усмехнулся, – как бы нам на этих кораблях на тот свет не уплыть... С каждым годом, у него всё лучше получается. А помнишь, как этот юнец первый раз на Олонце выступал, когда, дамбу прорвало? Двух слов не мог связать..

– Да, напугался тогда не только он... хотя энергия у него никуда не делась, И тогда, в воду он полез вместе с нами... Учится понемногу, – Егорыч задумался.

На сцене, вместо Афанасьева, появился гармонист и заиграл медленную мелодию. Заключённые заинтересовались, подходили ближе, плотнее сжали полукольцо вокруг сцены. Девушки из агитбригады, друг за другом, плавно перемещаясь в такт мелодии, закружились в танце. К гармонисту присоединился гитарист, девушки построились в ряд, зазвучала песня.

"Широкими просторами лежат вокруг поля,
Под мощными ударами – гудит земля.
Киркою и лопатою, воды струёй

Бьёмся смело мы с землёй... "

Зрители замерли, вслушиваясь в слова.

– Егорыч, как думаешь, такие песни способствуют улучшению труда? – Ковалёв ехидно шептал в ухо Егорычу.

– Хм, вообще-то, марш, а марш... должен... – Егорыч пожал плечами.

"...Плотинами и шлюзами вздымаются они,

Новым счастьем расцветают наши дни.

Стальные экскаваторы на помощь к нам идут,

По трассе разливается весёлый труд."

Послышались недовольные возгласы: сначала уверенные – с дальних рядов, потом потише – с передних.

– Эй, хватит врать, какие экскаваторы? сходи на трассу, посмотри!

– Да, вообще-то, сегодня выходной, спойте, что-нибудь стоящее!

– Мы уже слушали официальную часть...

– Ну ладно, тогда, мужики, выходите на танцы, – девушка из агитбригады, в красной косынке, выступила вперёд, топнула ногой по помосту, подала знак гармонисту, и тот заиграл. Ритм танго нарастал. Заключённые оживились, но не решались выйти на сцену.

Из шеренги агитбригады вперёд шагнул массивного телосложения солист и запел:

"Ах, эти чёрные глаза, меня пленили.

Их позабыть нигде нельзя – они горят передо мной..."

– Ладно, тогда девушки будут выбирать, – проигрыш мелодии заполнил звонкий голос самой бойкой девушки. Пять красных косынок сделали вид, что высматривают себе партнёров. Самая бойкая выбросила руку в сторону толпы. – Ванька Лыков, выходи, ты уже знаменитость, о тебе в газете пишут. Покажи, на что способен в танце.

– Я... я не умею танцевать... вот работать – это запросто, – Иван оправдывался, вертел головой по сторонам, смущенно улыбался, но его потихоньку выдавливали по направлению к помосту.

"Ах! Эти черные глаза меня любили.

Куда же скрылись вы теперь? Кто близок вам другой?"

– Не бойся, смотри, какая красавица приглашает, – из толпы послышался чей-то громкий голос, – ты ж ведь тоже настил стелил, теперь попробуй!

Иван вышел на помост, неловко положил левую руку на талию девушки, правой – взял ее руку. Движения получались корявые, но девушка повела, и со стороны смотрелось вполне сносно.

"Ах! Эти черные глаза меня погубят,

Их позабыть нигде нельзя,

Они горят передо мной."

Нежные лучи сентябрьского солнца, тёплый ветерок и музыка потихоньку расслабили заключенных, некоторые тоже решились выйти на танец.

– Егорыч, во..., я и говорю, Ванька – способный, вот ещё и

танцует, у меня глаз-алмаз! – Ковалёву хотелось похвастаться, он достал из планшетки сложенный вчетверо листок "Перековки".

– Чего, выработку хорошую даёт? – Егорыч мельком взглянул в газету. На фотографии – улыбающийся парень, лет восемнадцати, с едва пробившимися после стрижки тёмными волосами. Живые светящиеся глаза и беззаботно оттопыренные уши как-то художественно гармонировали, вызывая ответную улыбку.

– Ну, здесь проще, он плотником работает, главное, для агитации нужны герои. А он – безотказный, техникой интересуется, учиться пошёл, – Ковалёв загибал пальцы. – Представь, если правду писать: план не выполняется, люди на работу не выходят, жрать толком нечего, смертность невыносимая...

– Да-а-а, уж, – Егорыч ухмыльнулся, – я так понимаю, у него семь восьмых?

– Хм, ну, е-ес-стественно, – Ковалёв показно протянул, – типичная история и такая же глупая, как у многих из тех, кто вон там стоит, – Ковалёв кивнул на угрюмую толпу прибывших с Беломорстроя. – Не знаю, Егорыч, жалко мне как-то этих крестьянских детей, ладно мы, городские, там попробовали... там-сям, там сорвали, там сбегали, а эти, они же... с утра до ночи, не разгибаясь... и вдруг нарушили весь уклад с этой коллективизацией... вон, Ваньку плотницким делом лет с трёх небось начали учить.

– Чего... на подразвёрстчиков с топором напал? – Егорыч, сегодня трезвый, решил поиграть в труднопроизношение.

– Не совсем. Колхоз там у них организовали. Председатель попросил Ваньку крышу местного клуба поправить. Ну, тот всё сделал, чин–по чину, председатель ему полмешка картошки отвалил...

– Неплохо так, – Егорыч поджал губы, – в голодное-то время прилично.

– Ну и чего! Через два дня пришли чекисты, оказалось, только и ждали, за что председателя взять, чем-то он там им не угодил. Ну и картошку эту колхозную пришили, с ней и Ваньку Лыкова, как соучастника расхищения социалистической собственности. Ну, и "от седьмого-восьмого", получил, правда, по минималке.

– Чувствую, практичные знакомства заводишь, не зря свой хлеб ешь... культурный воспитатель, – Егорыч посмеиваясь, похлопал Ковалёва по плечу.

– А то! – Ковалёв засмеялся, – ладно, пойдём, выпьем, еще осталось.

– У меня сегодня смена в ночь, не могу, – Егорыч отнекивался.

Чёткий музыкальный ритм сменился на беззаботную мелодию. Подошла очередь актуальных частушек. Агитбригада выстроилась в ряд гуськом, женщины и мужчины чередовались. Первый пел куплет и отбегал, становился в очередь

сзади, следующий подхватывал.

"Командиры, будьте зорки!

На канал гляди не с горки,

Чаще опускайся вниз,

Там за качество борись".

– Ну, это я уже слышал, – Ковалёв сложил газету и убрал в карман, – в конце августа, на последнем слёте ударников Беломорстроя.

– Это который в Дмитрове проходил? – Егорыч смотрел на сцену.

– Да, там действительно праздник ощущался. Чувствовалась неподдельную радость. Странно, в основном, заключённые. Через ад прошли, а радовались, как дети, вместе с чекистами. Вот где загадка.

– Ну, смотря сколько выпить, – Егорыч не отвлекался от сцены. Юркая пигалица декламировала.

"Мы канал построим в срок

Образцово, крепко, впрок,

Хорошо и начисто,

Одним словом, качество".

– Я слышал, сам Горький приезжал? – Егорыч еле заметно водил плечами в такт ритма.

– Да, речь сильную сказал, искренне говорил.

– Рассказы свои ему не показывал?

– Шутишь? Всё смеёшься... конечно, нет, – Ковалёв смутился, сделал паузу, – кстати, основной руководящий состав

с Беломорстроя переводится на эту стройку. Фирина начальником Дмитлага утвердили. Ну, ты знаешь, он мужик с выдумкой.

– Сторонник творческой интеллигенции... – Егорыч язвительно пробормотал.

– Зря скалишься, многих от смерти спас, сам посуди: художники, музыканты, писатели – всем место придумал, а то сгноили бы этих малахольных, – Ковалёв обозначил свою позицию.

Со сцены дружно неслось:

"Шмурыгают пилы, звенят топоры,
Работа шумит до вечерней поры,
И знамя, как песня, колышет над нами,
И песня горит, как ударное знамя..."

– Александр Павлович... Александр Павлович, хорошо, что я вас разыскала, вот посмотрите, пожалуйста, – запыхавшаяся девушка, на ходу доставала из полевой сумки блокнот, уткнувшись в него, споткнулась, но Ковалёв ловко выставил руки и поймал. Девушка смутилась, поправила берет, затараторила, краснея, – Посмотрите, такая строчка подойдет для заметки в завтрашний номер?

Ковалёв сделал серьёзное лицо, вскинул подбородок, как бы в шутку, приказал: "Так, лагкор, товарищ Брендлер... Нина, читайте! "

Девушка снова потрогала берет и стала выразительно читать звонким голосом: "Художественной зарядкой ударники

очень довольны и с ещё большим подъёмом принялись за работу. Приезжайте к нам почаще, а мы будем лучше работать, – вот какими словами провожали каналоармейцы агитбригадчиков".

Ковалёв кивал и, незаметно для девушки, перемигивался с Егорычем: мол, вот какие кадры растут. Дослушал и вынес вердикт: "Отлично, лагкор Брендлер, даже редактировать не нужно".

5

Картинка с трассы не выходила у Будасси из головы.

Всё так же, как на Беломорстрое. Вручную. Он шёл вдоль восточной границы, отмеченной основательными бровочными столбами, расставленными через двадцать метров, от которых расходились колышки, разделявшие территорию на квадраты. Заглубление медленно, но шло. Где-то даже сформировались ярусы, покрытые разветвленной сетью деревянных дорожек. Ручейки оживлённого муравейника – деревянные настилы под одну тачку, по мере подъёма, сходились в широкую, добротню сколоченную дорогу, позволяющую разъехаться уже встречным: гружёной и порожней тачке. Непрерывная череда тачек, толкаемая людьми за сотни метров. Наверх – надсадно, натужно, балансируя на пружинящих досках. Вниз – легко, беззаботно, лишь слегка держась за рукоятки. Забои кипели. Кто скалывал плотную по-

роду киркой, кто, более лёгкую, – штыковой лопатой. Крупные пласты снимали подборной лопатой, разбивали и переносили в тачки. Десятники с блокнотами деловито обходили забои, измеряя рейками с насечками текущую выработку. На одном из участков, – глубоко выбранного кармана, – откуда снимали настилы и переносили на верхние ярусы, рабочие обступили десятника, вероятно, спорили о нормах текущей выработки. Позвали контролёра, тыкали пальцами то в записи, то на деления измерительной рейки – что-то доказывали. Спор разгорался, ругательства становились громче.

Будасси шёл, не останавливаясь, изредка ловил на себе укоризненные взгляды зеков.

Чуть подальше, где снимали верхний слой, загружались грабарки – телеги-кузова, запряжённые одной лошадью. Лошади были настолько худые, что даже при незначительном уклоне с трудом выползали наверх по глинистому склону. Гнедые, вороные, пегие, когда-то получавшие изрядную порцию корма, тёплые стойла, надсмотр хозяина и посильную работу, теперь же, грязные, со сбитыми в кровь ногами, понурив голову тянулись неспешной вереницей, чтобы получить в конце рабочей смены пучок гнилой соломы и, в один из дней, замертво упасть. А потом, в качестве наградного куска мяса, лежать в миске какого-нибудь заключённого, перевыполнившего норму на десяток процентов.

Грабари матюгались, стегали лошадей, сами наваливались сзади на телеги. Наверху, у кавальеров, землю с грабарок пы-

тались сгребать, ставили кузова под углом. Получалось не очень – тяжёлый грунт приходилось опять брать лопатой.

Будасси вздохнул.

Как там агитбригада поёт: "Бегут земли добытчики – монтеры, динамитчики, торопятся враскачку ударники за тачками".

За год всего на два-три метра заглубились. А по проекту около шести тысяч кубометров надо выбрать на протяжённости семи километров. Да ещё этот хребет водораздела... почти двадцать пять метров срезать.

– Э-хе-хе.... сдача Глубокой через два года.

Как и обещал, он осмотрел опытный участок с единственным работающим экскаватором и уже два дня пребывал в подавленном состоянии. Чадающая коробка, на кое-как уложенных рельсах, с неуклюже поворачивающейся стрелой. Грохот цепей и медленно открывающийся ковш. Прораб сказал, что за три дня прошли пять метров по неглубокому забою. Будасси тогда подбодрил: "Дело новое, действительно, опыта нет, но, ничего, путём проб и ошибок...", а сейчас, сидя за широким столом в маленькой комнате на втором этаже здания управления, всё больше хмурился.

"Ковровец"... Смущала надёжность этих машин. Вот, где ждёт неприятность. Качество сборки просто пугало. Из остатков старых вагонов. В Дмитрове он просил, чтобы нашли хотя бы старые иностранные экскаваторы. Ответом было: "И не думай... со всех уголков Союза просят, а уж там

точно нужней".

Будасси разложил на столе планы местности и схемы железнодорожных путей. Пододвинул ближе готовальню. Любо-дорого посмотреть. Наградной набор – отметили за сдачу каскада шлюзов. Кому – наградные сапоги, а кому – готовальню. Да... дорого в прямом смысле. Немецкое качество... за хлеб голодающий страны. Притопленные в синем бархате стальные блестящие чертёжные инструменты вызывали восторг: тончайшая гравировка "Richter" на ножках большого циркуля, чёткое рифление на колёсике крон-циркуля, острейший носик пера рейсфедера.

Задумался. Переключился на Дмитровский проект организации работ.

Челноками составы уж точно не стоит гонять – только кольцевая схема. Железнодорожное кольцо. Два моста через Клязьму все-таки строить придется. Так, прикинем... Взял крон-циркуль. Здесь радиус поворота на мост надо увеличивать. Здесь – уклон слишком большой – из забоя не выберем. Разъездные пути придется уточнять по факту уплотнения трафика движения... А вот, что с тупиками на свалку делать? Будасси размышлял, наносил поправки в схемы, на свободном месте чертежей делал наброски, писал вопросы.

Вершина водораздела. Парадоксальное сочетание понятий высоты и глубины... Строим, но вниз. Усмехнулся.

Достал из портфеля планшет с карандашными набросками, которые сделал, когда стоял на самом высоком месте во-

дораздела. Так... северная часть. Нитка трассы в сторону реки Клязьма. Запланированы забои под десять "Ковровцев" по восточной стороне трассы, по западной останется ручная выборка. Хм... Ручная выборка. Максимальная глубина – двадцать четыре метра, при средней – пятнадцать-двадцать. Ладно, поймут со временем – без экскаваторов тут работы ещё лет на пять. Никуда не денутся, найдут экскаваторы, вроде обещали дать в течение месяца два "Ковровца", в дополнение, к тем трём.

Передвинул следующий лист.

Что с южной? В проекте на южный склон экскаваторов не планировалось. По объёму выработки ненамного меньше северного склона – вручную даже пытаться не стоит. Так, а если прикинуть расстановку экскаваторов. Сколько их тут нужно? Всё равно придётся, к весне же будет сколько-нибудь.

Будасси чёткими штрихами разбил рисунок профиля канала на прямоугольники – границы забоев. Так, здесь можно шесть "Ковровцев" поставить. Куда отвозить грунт? Через северный склон не очень удачно... а на юге не хватает длины для путей – упираемся в Октябрьскую жэ-дэ. Зараза, поперёк проходит, да ещё река Химка недалеко. Взять немного в сторону? Здесь уклон позволяет. В идеале хорошо, а как на местности будет? Согласовывать еще надо... тягомотное это занятие. Хотя, может поднырнуть под базовый проект. Резервные экскаваторы в проекте есть, для начала их и ис-

пользовать. Авантюра конечно, но время можно выиграть... Не раз за авантюры приходилось расплачиваться, но когда как: то орденом, то заключением.

Осторожный стук в дверь прервал размышления. Высокий молодой человек, лет двадцати пяти, со спокойным лицом показался на пороге. Белая рубашка с закатанными рукавами, прямые чёрные брюки и чистые ботинки. Будасси насторожился. Современные молодые люди довольно быстро продвигались по карьерной лестнице, неужели какой-то новый проверяющий?

– Здравствуйте... вы – Александр Владимирович? – молодой человек немного смутился.

– Да.

– Меня к вам из Дмитрова направили... в инженерную группу... Виктор Соболев. – Будасси облегченно выдохнул и поднялся из-за стола.

– Да, точно. Афанасьев говорил, что подкрепление прибует. Проходите, как раз смотрю проект, – доброжелательно протянули руки для рукопожатия.

– ... Знакомые схемы. Это – профиль выемки с расстановкой экскаваторов в забое, это – кольцевая схема путей, – Виктор деловито переключался между листами, его острый нос поворачивался то к столу, то к собеседнику. Будасси оценивал молодого человека, чувствовалась заинтересованность в деле. Решил проверить поглубже.

– Как вы думаете, зачем в проекте сделаны повороты трас-

сы такого большого радиуса, когда можно напрямую проложить, ведь выборка грунта больше будет?

– Мм-м... – Виктор потёр рукой шею, – наверное, это вопрос к геологам... Не знаю, я учился на механическом факультете.

– И не интересовались?

– Думаю незачем. Вот границы забоев, вот экскаваторы, вот объёмы грунта, – Виктор вальяжными движениями руки проводил по линиям чертежа.

– Как у вас всё просто получается... – Будасси нахмурился, – Странно, а я думал, инженер должен хоть немного разбираться во всех смежных вопросах, касающихся основной задачи... – и уже язвительно произнёс, – Чем же вы хотите заниматься, с вашей узкой специализацией?

– В Дмитрове, в проектном бюро, я делал детализацию прокладки железнодорожных путей, но возникли разногласия с руководителем и... меня направили сюда, – Виктор, к концу фразы, понизил голос.

– Ну вы, молодой человек, наверное, очень тенденциозны, хотите сразу, чтобы ваш проект – и в дело. Действительно, поработайте на местности, – Будасси улыбнулся.

– Я не боюсь работы, готов на любую, – Виктор вздёрнул подбородок.

– Вот и хорошо, для начала перенесите на этот план местности мои наброски, надеюсь, черчением вы владеете, – Будасси положил перед Виктором свой эскиз, взял карандаш

и начал объяснять, что-куда перенести, – Сначала мысль и принятие решения, потом действие, – его рука четко наносила линии на бумагу уверенными движениями. – Да, не удивляйтесь, это изменение проекта. И он будет меняться на ходу неоднократно, адаптироваться под местность. Всё невозможно предусмотреть, сидя в кабинетах... Понятно?

–

Вполне, – Виктор кивнул.

6

– Николай Владимирович, по вашему запросу я подготовил справку о Будасси, – Ващенко положил перед Макаровым лист бумаги с текстом, набранным на печатной машинке.

– Так-так, почитаем, присаживайтесь, Сергей Алексеевич, – Макаров небрежно махнул рукой на стул перед своим столом и начал читать вслух.

"Будасси Александр Владимирович родился 10 июня 1878 года в селении Ингульская Каменка Александрийского уезда Херсонской губернии, русский, из служилых дворян, беспартийный, образование – высшее. Окончил в 1903г. Санкт-Петербургский Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I. Инженер-путеец.

Арестован 18 мая 1928 года на Днепрострое и этапирован в Кзыл-Орду. В числе группы из 14 руководителей и

сотрудников строительных организаций, участвовавших в строительстве Кзыл-Орды обвинён в многочисленных служебных злоупотреблениях, вредительских и контрреволюционных действиях. Виновным себя не признал".

– Ну, это понятно, они никогда себя виновными не считают, – одобрительно произнёс Макаров.

"1 ноября 1928 года решением выездной сессии Верховного суда РСФСР осуждён по статье 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением) к 4 годам содержания в ИТЛ строгой изоляции. Срок наказания был снижен в 2 раза по применению амнистии в ознаменование 10-летия Октябрьской революции. Место отбытия наказания неизвестно. Освобождён 18 мая 1930 года."

– Как это, неизвестно место отбытия наказания? – Макаров поднял голову и посмотрел на Ващенко.

– Нет сведений, архив в Дмитрове в беспорядке. По имеющимся источникам несколько раз освобождался ... точнее не знаю... нет сведений.

– Ладно, читаем дальше, – Макаров провёл ладонью от виска, приглаживая волосы, лежащие и так плотно.

"Арестован 10 января 1931 года ПП ОГПУ по УзССР в составе группы инженеров-мелиораторов Средазводхоза. Обвинён в контрреволюционной и вредительской деятельности в составе разветвлённой преступной организации в области мелиорации. 23 декабря 1931 года был осуждён по ст.58 п.7 УК РСФСР (вредительство) к лишению свободы сроком

на 10 лет. Отправлен на строительство Беломоро-Балтийского водного пути. Срок заключения впоследствии был снижен до 5 лет. Досрочно освобождён в 1933 году за «энергичную работу».

– М-да, интересно, – Макаров положил справку, перевёл взгляд к дальнему углу комнаты и побарабанил пальцами по столу, – то сажают, то освобождают, теперь и на должность начальника ставят. Ну, и как нам тут быть с таким рецидивистом. А, Ващенко?

– Да, чего там... они же – как дети... эти инженеришки... главное, чтобы они увлеклись процессом, – Ващенко рассуждал, жестикулируя, – помню на Медгоре... таких целую группу завезли. Сначала сидели, бычились, то не нравится, это не нравится. Отопление им подвели, столы ошкуренные поставили, книг целую гору навезли. Начальники к ним ходили, убеждали. Я тогда вроде ответственного за них, присматривал – да куда они денутся. Через месяц смотрю: один, другой... какие-то наброски карандашные... формулы... кончилось тем, что в кружок соберутся, кричат, чего-то обсуждают, доказывают. Да и не до антисоветчины им уже... тут кто-кого умней.

– Вообще-то, с этой Средней Азией очень долгая и мутная история, – Макаров высказывал своё, – Еще в восемнадцатом году, при Ленине, хотели возобновить работы по мелиорации для выращивания хлопка. Правда, ставку сделали на старорежимные спецов. Ну, те, естественно, начали кани-

тель – то денег нет, то рабочие неграмотные. Хотя деньги потихоньку тянули у правительства, а сами липовыми отчётами прикрывались, с горем пополам каналы поддерживали, которые еще с царских времён остались. Так что, не такие они уж им безвредные

– Про Будасси много чего рассказывают, – Ващенко робко посмотрел на Макарова. Увидев заинтересованный наклон головы, продолжил, – слышали, как он, будучи заключённым на Беломорстрое, нагрел карельскую администрацию на десять тысяч рублей?

– Да, был какой-то шум, – Макаров прекрасно знал эту, то ли придуманную, то ли действительно, произошедшую историю, но хотел услышать ее по другим каналам, – вот подробностей не помню, расскажи.

– В Дмитрове, в архиве услышал, пока собирал дела заключённых. Будасси была поручена отгрузка диабазы, закупленной администрацией Карелии у Беломорстроя. Для этого выделили баржу, в которую влезает пять тысяч кубометров диабазы. Чтобы не обмерять груз при каждом рейсе, его количество определяли по огрузке баржи в воде. Будасси, погрузил на баржу сначала две тысячи кубометров и настелил поверх груза отлично подогнанный фальшпол из досок. Затем догрузил оставшиеся три тысячи кубометров. Уровень воды у борта отметили красной чертой на борту. В пункте назначения преспокойно сгрузил лежавшие сверху три тысячи кубометров и отправился в обратный рейс. У

приёмщиков никаких подозрений не возникло – обмерить сгруженный диабаз они не пожелали. Теперь, чтобы получить нужную огрузку баржи, надо было погрузить уже не пять тысяч кубометров, а всего лишь три. Баржа сделала пять рейсов, не выгружая неизменные две тысячи кубометров. Получилось, что десять тысяч кубометров дибаза остались в Беломорстрое.

– Во даёт! – Макаров театрально усмехнулся, – а кто же заказал такую махинацию?

– Тёмная история. Вроде расследовали, но во всём обвинили Будасси. Мол, он это сделал, чтобы чекисты стали лояльнее к нему относиться, мол, в их интересах старается... Поругали, поругали, а потом Афанасьев как-то замял эту историю.

– Наш Афанасьев? – Макаров машинально переспросил.

– Ну да, который теперь начальник Южного района Строительства канала "Москва-Волга", – не то с насмешкой, не то серьёзно, медленно проговорил Ващенко.

– Ин-те-ресно, – протянул Макаров и замолчал.

– Николай Владимирович, я пойду, надо еще отчёт писать по саморубам, – Ващенко привстал.

– Да, можете идти... А, кстати, там что-нибудь по Джебраилову проясняется?

– Пока не очень складывается... – Ващенко направился к выходу.

Макаров задумался. Вспомнил свои ощущения, когда

первый раз увидел Будасси на совещании у Афанасьева. Высокий, крепкого телосложения человек. Большие глаза, пышные усы, еле заметная усмешка и полное отсутствие волос на голове. Несмотря на то, что по национальности считается русским, проглядывают откровенные отголоски грузинских кровей. Интересная личность. Как ему удастся договориваться? Подружился с Афанасьевым... будучи заключенным на Беломорстрое добился постройки дома в Повенце для жены и детей... теперь здесь на руководящей должности. Что-то плутовское в нём есть. Неспроста за ним такая характеристика закрепилось.

7

Да, неплохо получилось! В который раз, Ковалёв удивлялся одному из первых строений лагеря, возведённому, то ли в шутку, то ли всерьёз, после спонтанно брошенной Егорычем фразы: "Если быстро, то можно юрту поставить". Конечно, великим зодчеством не назовёшь, но довольно практично. Скорее, не юрта, а цирковой шатёр с главным элементом в центре – большой печи, равномерно отдающей тепло по всему пространству. Да и строить, в общем-то, было не сложно. За месяц воздвигли, как тогда казалось, этот временный деревянный клуб. Ковалёв подсуетился сделать для себя небольшую хозяйственную пристройку, где соорудил лежанку и выделил место для небольшого стола. Постепен-

но, пристройка стала для него и домом – ночевал тут же, как говорят, не отходя от рабочего места. Мечта лагерника – работа и дом в тёплом месте, в прямом и переносном смысле.

И вот сейчас, после обеда, Ковалёв отворил дверь клуба и вошёл через основной вход. Ближе к печке расставлены столы, как парты в школе, на стенах-перегородках развешаны плакаты: для ликбеза – азбука и простейшие правила русского языка, подальше – детальная схема конструкции грузового автомобиля, рядом – насыщенная подробностями схема экскаватора "Ковровец". Справа от входа обрастал наглядной агитацией Красный уголок. Правда, для него настоящего угла в необычном строении не нашлось, но это не мешало культурно-воспитательной работе. В глубине, слева, за отдельными столами сидели двое подчинённых Ковалёва.

Ковалёв остановился перед большим посылочным ящиком – можно, наконец-то, разобрать. Что-то здесь оставить, что-то по жилым баракам распределить. Перебрал содержимое: большие плакаты, маленькие брошюры-агитки, скатанные в рулон транспаранты. На одном ярко красном плакате глаз задержался. Два человека. Землекоп, вгрызающийся в землю штыковой лопатой. Налитые мощью мускулы широкой груди – широкий хват рук-рычагов. Свободного края брюки идеально сидят на поясе. Основательные ботинки обеспечивают упор о землю. Нашим землекопам такие бы ботинки! Взгляд сосредоточен, волосы образуют плотную чёлку, нет не безвольно свисающую, – только жёсткая чёлка

помогает свершениям. В этом, художник, возможно, и переборщил. Второй человек... с профессией определиться труднее. Закатанные по локоть рукава рубашки, чёрный фартук закрывает грудь и спускается к коленям. В руках четыре прута арматуры с загнутыми концами. Можно предположить, что этот человек – банальный крючник, но головной убор с широкими полями, как у панамы, не оставляет шансов – похоже, сталевар. Но к чему он здесь... на Строительстве? Может всё-таки задействован на бетонных работах? Тогда добротные ботинки, действительно, не помешают. Что ж, художник позаботился. Плакат гласил: "Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок".

Ковалёв нашёл свободное место на стене. Через маленькое отверстие в доске сифонило и плакат с жаркими каналоармейцами пришёлся кстати. Оценив правильность горизонта верхней части плаката, Ковалёв, в подтверждение себе, кивнул и направился к щупленькому пареньку, лет шестнадцати, притулившемуся за столом, ближе к печке. Тот, обвив правую ногу вокруг левой, скрючился над листом бумаги и что-то увлеченно рисовал. Казалось он водил по бумаге носом, спрятавшись от посторонних взглядов под ярко-рыжими кудрявыми лохмами, свисающими с головы.

– Привет, Ватрушка! – Парень от неожиданности вздрогнул и опасливо задвинул клочок бумаги под большой лист ватмана, – когда стричься будешь?

– Дядя Саша! Вы же знаете, я в агитбригаде выступаю.

Там по роли положено. Мне начальник разрешил, – Ватрушка повернул к Ковалёву лицо, почти круглой формы, усеянное веснушками, растянул улыбку, обнажив проём на месте передних зубов. – И, вообще, в лагере воспитатели клички не должны употреблять.

– Неужели? ... да посмотреть на тебя. Владимиром величать не к лицу. С таким именем только князя... да Ленин. Ладно, показывай, чего прячешь?

– Ничего... – Ватрушка смутился.

– Ты чего, старого дельца думаешь обмануть? У меня же глаз намётан. Опять за старое взялся? Липовые командировки рисуешь?

– Да, что вы, дядя Саша, я работу делаю, какую поручили, – Ватрушка всё же нехотя вытащил листок с карандашными набросками.

– Я ж велел тебе для стенгазеты сценку нарисовать, – Ковалёв в запале продолжал говорить, всматриваясь в рисунок, но вдруг осёкся и замер. Надменная женщина взирала вдаль. Жёсткий взгляд близко сдвинутых глаз, нос, нависающий над маленьким плотно сжатым ртом – всё указывало на недовольство и величие. Густой парик с вензелеобразными локонами, аккуратно укреплённые невидимыми стяжками. Обнажённая открытая крупная шея окаймлялась воротом, стилизованным под лавровый венок. Мощный стан женщины прятался за пышной мантией, убранной декоративными складками и пересечённой по диагонали широкой лентой –

атрибутом власти.

– Да, это ж, Катька! ... с царской сторублёвки. Ты чего на плакат её хочешь? – Ковалёв расплывался в улыбке, – кстати, откуда ты такие деньги-то знаешь?

– Вот! – Ватрушка вытащил из-под ватмана несколько купюр царского времени и пару своих набросков на клочках бумаги, расположил их на большом листе плаката, – так, по быстрому получается. Посмотри, дядя Саша, нормально?

Ковалёв расхохотался.

Второй персонаж, уже с пятисотрублёвки, угадывался сразу. Насупленные брови под широким лбом, длинный тонкий нос и жиденькие усики. Озабоченность лицу придавали и многочисленные складки на лбу, около щёк и на подбородке. Волнистые волосы спускались на шею с макушки головы, и трудно было понять, парик это или нет. Вопросы вызывало и облачение, похожее на средневековые латы – очень уж обтягивала верхнюю часть торса гладкая плотная материя. Хотя, может, это была и кираса.

– Ударница-императрица отлынивает от работы, как злостный филон, а царь Пётр катит гружёную тачку. Тебя не как фальшивомонетчика надо было сажать, а как политически опасного.

– Так, это ж, цари-кровопийцы, их же свергли, больше их не будет, – Ватрушка тоже повеселел, – я же знаю, с новой властью шутить не надо, поэтому с ненужных денег срисовываю.

– А, по-моему, неплохо, и с умыслом, – лагкор Нина Брендлер оторвалась от своей части стенгазеты, на цыпочках, подошла посмотреть.

– Ладно, рисуй. Я дела доделаю и подумаем, как быть, – Ковалёв направился к своему столу, напротив чуланчика. Подумал, как повезло с этим пацаном – чудной приказ удалось быстро выполнить. В памяти проступили строки из недавнего приказа: по Дмитлагу: “...в целях большего развития живописи в деле отображения строительства, быта лагеря и зарисовки лучших ударников, организовать специальные художественные мастерские со штатом 2-4 человека, а при КВО создать должность инструктора по ИЗО”.

Если бы также легко удалось справиться с другой напастью. Последнее время, это кажется приобретает широкие масштабы. Даже папку пришлось заводить. Помятый лист серой бумаги не хотелось брать в руки. Три дня назад к Ковалёву подошёл невысокий скуластый человек с прищуренными глазами и попросил одобрить заметку для "Перековки". Да, прямо так и заявил: "Хочу, чтобы в "Перековке" напечатали, но лагкор Брендлер к вам направила для согласования". Ковалёв перечитал и недовольно пробурчал: "Давай так сделаем, оставь на пару дней, я посмотрю". И вот, этот человек встретил его сегодня около столовой и, с наигранной смущённостью, заявил: "Товарищ Ковалёв, я, третёвась, вам заметку передавал. Как там она? Есть ответ?" Конечно, для таких внезапностей, у Ковалёва всегда заготовленный ответ:

"Несколько номеров вперёд свёрстано, надо подождать".

И снова он бегло просмотрел текст.

"Старший нарядчик участка Ларионов занимается укрывательством лодырей. Лодыри из бригады Рябенко и других бригад в лагере баклуши бьют, а Ларионов в рабочих сведениях проводит их, как работающих. Такие случаи не единичны. Старостат, пользуясь покровительством Ларионова, сквозь пальцы смотрит на отказчиков. Ларионов всё равно покажет их работающими. Надо привлечь к строгой ответственности этого очковтирателя".

Подпись – "Орлик". Это фамилия такая или придумал псевдоним? Надо ж ведь, и не боится, так прямо в лоб. Похоже, не боится. А я вот стал бояться... Как там этот человек проямлил: "...так нельзя, надо сразу выявлять врагов, пока они сетями вредителей всё не окутали". Если бы было так просто. Должность в КВО потерять из-за какого-то дерьма не хочется. Старый я уже – с тачкой на стройке бегать. А если он выше пойдёт? Хотя... Так может это и выход? Пусть другие решают, враскоряку себя ставить не хочется. Как же неоднозначны люди! Да, у всех здесь одна цель – жить. Ну, это кто как может... Новое время, новая система: недостараешься – влетит, перестараешься – влетит. Нужно пройти в аккурат по лезвию, только вот часто глаза завязаны.

Ковалёв бросил неприятную кляузу обратно в папку и достал из ящика стола толстую тетрадь, наполовину исписанную мелким почерком. Он начал заниматься литературными

ми экспериментами ещё на Беломорстрое и не считал своё творчество чем-то выдающимся. Тем не менее, ему казалось, что зарисовки из жизни он когда-нибудь сможет довести до вполне сносного состояния и, возможно, показать кому-нибудь, может быть и самому Максиму Горькому. Недостижимая мечта, но всё-же... Человек-глыба и, в то же время, такой простой человек. Как же патетично на последнем слёте беломорстроевцев в Дмитрове, Алексей Максимович сказал: "Я уверен, вы сделаете грандиозный канал Москва-Волга, который изменит лицо нашей страны, её географию, будет обогащать всех нас изо дня в день... Обо всём этом нужно писать. Да, сначала появляется факт, а затем художественный образ. И фактов этих уже достаточно. Я чувствую себя счастливым человеком, что дожил до момента, когда могу говорить о таких вещах и знать, что это правда". Да, Алексей Максимович, но не так всё просто и не так всё однозначно.

Ковалёв перелистал назад несколько страниц тетради и, в очередной раз, принялся читать и вносить поправки в текст.

* * * Записи Ковалёва. Дожить до весны. * * *

Вадим подкатил тачку для загрузки и сел на землю. "Нет, только не лежать – потом не встану". Привалился спиной на земляной уступ забоя, растёр негнущиеся пальцы, усеянные занозами, и кое-как примотал веревкой подошву разбитого ботинка на левой ноге. "Каши просит... самому бы пожрать". В животе зажурчало. Пирожок с капустой, проглоченный в

полдень, сил не добавил.

Игнат сыпал в тачку глинистую землю, большие комки норовили скатиться с лопаты. Вадим прикрыл глаза.

"Никогда не думал, что в тридцать третьем году буду рыть канал. Как такое могло случиться? Объявить вредителем за то, что не допустил нарушения технологии литья. И кто? Те, в кого верил... с кем мечтал... вот страну сделаем, через пятьдесят лет не узнаете. И получи... перековывайся! Волосы на лобке выбрили – с клеймом зека от нас не убежишь, не спрячешься! Вернём тебя в общество другим человеком! Теперь вот половник баланды с утра и выдавай куботаж десять часов. Сдохну скоро..."

– Вадим, вставай! – С трудом разлепил глаза. Перевернулся, опёрся на колено, поднялся. Расстегнул верхнюю пуговицу ватной куртки и поправил будёновку. Игнат наполнил кузов тачки с избытком. Кусок глины, величиной с футбольный мяч, едва не выкатился. Вадим смахнул его на землю.

– Куда ж ты столько навалил... Воды попить не осталось?

– Нет, час назад опорожнили. Наверху бочка стоит.

Вадим услышал скрипучий звук, почувствовал шевеление сбоку и повернулся к стене забоя. Деревянная рейка с грубыми засечками спускалась сверху. Вадим медленно поднял голову. Скрип издавали калоши, натянутые на лапти. Десятник в стёганных ватных штанах и потёртом длинном пальто, оценивающе изрёк: "Еще пять ходок до нормы".

Колесо гружёной тачки наполовину вошло в землю. Ва-

дим взялся за рукоятки мозолистыми ладонями, попытался вывести тачку на деревянные настилы. "Не к добру... совсем ослаб".

– Где крючник? – Игнат посмотрел по сторонам, крикнул, – Фёдор, подсоби!

Игнат, хватившись двумя руками за деревянные борта тачки, тянул на себя, помогая Вадиму раскачивать вперёд-назад. "Тяжелая, зараза..." Колесо, со скрежетом, провернулось и вышло из колеи. Игнат махнул рукой подошедшему Фёдору. Тот накинул на кузов металлический прут арматуры, один конец – согнутое кольцо, вроде рукоятки, второй – крючок для зацепа за борт, и потянул, заводя тачку на деревянные мостки. Вадим толкал, удерживая баланс рукоятками. Наконец удалось выйти на широкий трап.

"Дело к вечеру. Опять колонна по пять. Холодный барак. Вонь от испражнений. Только и думаешь, как успеть жратву в утробу загнать, пока урки не подрезали. И ради чего? Да, стройка грандиозная, проект "МоскваВолгострой" на картинках красивый, но за пять лет сто двадцать восемь километров почти вручную..."

Вадим опустил голову. Верёвка на ботинке сползла. "Еще наступить не хватало..." Останавливаться здесь нельзя – узкий деревянный трап висел на опорах на двухметровой высоте над землей.

– Эй, толкай сильнее, чего я за тебя тащу, – Фёдор недовольно прикрикнул.

– Да-да, – Вадим еле проговорил, собрав оставшиеся силы. "Ну, давай, десяток шагов до верхней террасы". В ушах зашумело, пелена выступила перед глазами.

– Только не отключись, – Фёдор почуял неладное.

Вадим остановился и подсел, рукоятки тачки вслед за руками ушли вниз, кузов перекосясь и начал заваливаться. Комки глины покатались. Пытаясь удержать баланс, Вадим ринулся вперёд, наступил на волочившуюся верёвку и повалился. Из последних сил, чудом схватился одной рукой за край трапа. Этого было достаточно, чтобы не воткнуться головой в мёрзлую землю с двух метров. Отцепился. Пролетел. Вес пришёлся на левую ногу. Покатился вниз. Глина. Глина...

– Живой? Как же так угораздило? – Вадим различил лицо Фёдора.

"Похоже, ногу сломал, пару месяцев дадут отлежаться. А там и весна. Может этой зимой и не сдохну..."

8

Виктор пробуждался медленно – сначала где-то вдалеке слышались голоса и шум посуды, потом недовольное бормотание за перегородкой, затем скрип потолка, служившим полом жильцам верхнего этажа. Венцом всем этим звукам стал хруст суставов вечно недовольного соседа, приступившего к утренней гимнастике. Виктор уже неделю жил в

одном из двухэтажных домов для иностранных инженеров. Правда иностранцев числилось всего трое и жили они в другой части дома. Да и бывали в посёлке редко – работали в Москве или Дмитрове. Но всё же дома были построены для иностранцев и жильцы, – советские инженеры, – чувствовали себя на голову выше остальных строителей канала, хотя и размещались по двое, в комнатах, с трудом, вмещающих две кровати и стол.

– Ильфат, сколько часов? – Виктор открыл глаза.

– Часы у меня одни, а время уже шесть, – сосед, сорокалетний низенький черноволосый татарин, делал приседания.

Виктор кивнул себе, мол, так тебе и надо – изъясняться следует правильно. Усмехнулся, вспомнил, как позавчера Ильфат, раздражённый чем-то, высказал Виктору: "Ты, смотри, клопов сюда не натаскай. Меня с трудом уговорили тебя подселить... уверили, что ты, городской, клялись – чище не найдёшь! Хотя с иностранцем лучше – по зековским баракам не шляется, да и язык иностранный можно пытаться учить". Виктор только и смог пролепетать: "Я тоже по зековским баракам не шляюсь".

Ильфат работал старшим нормировщиком второго участка, что уже давало повод для превосходства, но он, в первый же день знакомства, заявил: "Называй меня по имени, без отчества", – и воткнул свою небольшую ладонь-лодочку в шершавую лапу Виктора.

– Виктор, я сегодня раньше пойду, аврал намечается, зе-

ков сегодня на четырнадцать часов погонят – похоже, последние сухие деньки. А я сметы не все сделал... Воду вскипятил, так что давай... я пошёл, – Ильфат выскочил из комнаты.

Виктор быстро влез в изрядно разбитые ботинки. В очередной раз, напомнил себе, что до весны они вряд протянут и что, по возможности, надо подыскать им замену. Открыл дверцу тумбочки, пошарил рукой. Уф, что за дурак! Вчера закинул кусок хозяйственного мыла вместе с сухарями. Сквозь пелену только пробудившегося ото сна сознания, вспомнилось недовольное лицо сухой старухи-продавщицы в магазине, долго резавшей ниточкой кусочек мыла. Сухари и мыло. И не поймёшь, где что... для всего – ворсистая жёлтая бумага.

Размачивая золотистый ломтик сухаря в остывающем кипятке и проглатывая размякшие кусочки, Виктор строил планы на день: дочертить ветку на отвал, зайти в управление – забрать планы на ноябрь, заскочить на опытный участок, посетить столовую... да, кстати, талоны. Виктор вскочил, сделал два огромных шага к кровати, вытащил из-под неё серый чемодан, откинул замки, вытянул оттуда длинную розовую ленту пятикопеечных талонов, оторвал часть. То же самое проделал и с голубой лентой двадцатикопеечных. Так... это на два яйца, котлету, пюре и чай – попробуем с утра успеть. А на обед... Решил оторвать от голубой ленты ещё. Задумался, хватит ли на месяц. Ладно, пора идти. За-

кинул в рот оставшийся кусочек сухаря, запил водой и выскочил на улицу.

Виктор прокручивал в голове события, произошедшие в Дмитрове три недели назад, и никак не мог определить, правильно ли он поступил.

– Виктор Петрович, расчёты придётся пересмотреть: увеличить ширину террасы под железнодорожные пути, накинуть пару-тройку метров, – начальник группы механизации вернул черновики расчётов.

– Александр Андреевич, почему? Ведь по разным формулам, в том числе, зарубежных авторов, получается именно эта величина.

– Мы не знаем состояние грунта на глубине, нарвёмся на пловун, мало не покажется. Да, и в свете последних событий, я бы не стал на зарубежных авторов ссылаться.

– Геологи дали пробы – везде плотный суглинок. Под этот грунт и расчёты. Если так много оставлять, потом вручную выборку серьёзную делать – в сроки не уложимся, – Виктор попытался выйти на диалог.

– Молодой человек, за проект отвечаю я и подставляться не намерен, аварии устранять гораздо дольше и ... дороже.

– Это будет необоснованное затягивание работ... – Виктор осёкся, почувствовав в словах двусмысленность.

Александр Андреевич фыркнул, демонстративно развернулся и вышел из комнаты.

Проектный отдел... Виктор был чуть ли не единственным

вольнонаёмным. Остальные, в основном, расконвоированные заключённые – старые инженеры царского времени, у каждого пятьдесят восьмая статья. Естественно, перестраховываются... саботажники. В тоже время, не боятся разглагольствовать о своей значимости, мол, мысли – это абстракция, за мысли не судят. "Вот сам Герберт Уэллс проповедует идею о праве инженеров на власть", – это который помоложе говорил, за антисоветчину осуждён. Программа Промпартии... суд всего-то пару лет назад прошёл, и ничему жизнь не научила. "Мы не продаём большевикам душу. Мы ее никому не продаём. Мы мечтаем о технократии", – этот постарше, за вредительство сидит. Рассуждают: "Большевики ведут страну к гибели". Старьё... ждут возвращения буржуазии, ждут и боятся, естественно, возвратятся и учинят суд над спецами, кто с большевиками снюхался. Боятся большевиков, боятся и буржуев, всех боятся, но зато легко получается говорить: "Мы за совесть, но платите нам довоенные оклады".

Срок отбывают, а ведут себя как последние чопорные дураки. Нарядятся: где-то галстуки нашли и кусочки ослепительно белой материи – манишки сделали и под борта пиджака приладили; расшаркивают друг перед другом: то новости обсудят, то понасмежаются над молодыми.

Конфликт разрешился быстро. На следующий день Виктора вызвал заместитель начальника Строительства и сообщил, что ему необходимо ехать на Глубокую выемку, в качестве представителя проектного отдела "для взаимодействия

между проектировщиками и производителями работ. Процесс требует постоянного присутствия на месте". Ну, что ж, наверное, находиться непосредственно на стройке интереснее, чем сидеть в переполненной недружелюбными людьми комнате.

С такими мыслями Виктор пересёк пропускной пункт с часовым и уже подходил к опытному участку с двумя экскаваторами. Плотный чёрный угольный дым висел над забоем. Виктор встал у края: осматривался, оценивал. Глубина около трёх метров. Два параллельно проложенных железнодорожных полотна нормальной ширины. На первом, упирающемся в глиняную стену, испещрённую бороздами от клыков огромного ковша, стоял экскаватор. Второй путь – транспортный – с уклоном уходил к реке. Это хорошо, уже тянут пути для кольца. Ух, чёрт... Виктор вздрогнул от резкого гудка паровоза. Состав из пяти платформ – часть засыпана землёй – начал перемещаться, подставляя порожнюю платформу под новую порцию грунта из ковша.

"Ковровец" – гласила надпись на борту экскаватора. Экскаватора, построенного на базе обычного пульмановского вагона. В передней части установлен поворотный механизм с огромной стрелой. Остальная часть привода и паровой котёл скрыты под кузовом вагона. Из трубы в центре вагона повалил дым и стрела начала поворачиваться. Виктор смотрел на человека, сидящего в центре стрелы на специальной площадке под брезентовым навесом. "Машинист стрелы" –

вспомнилось из руководства по работе на экскаваторе. Человек потянул на себя рычаг и ковш опустился вниз. "Как со-вочек у детей в песочнице, только огромный..." Ковш подвешен на рукоятке к средней части стрелы. Огромные цепи, перекинутые через внушительных размеров блоки, начали перемещаться и ковш полез вверх, вгрызаясь в пласты глины. Чувствовалось напряжение – четыре домкрата около катков экскаватора, опёршись о землю, приняли на себя усилие. "Теперь должен работать машинист крана..." Виктор посмотрел на второго человека, рядом с поворотным столом. "Сейчас он закроет подачу пара на механизм подъёма и откроет для поворотного механизма..." Ковш поднялся вверх и стрела стала разворачиваться к порожней платформе. "Готов выгружать..." Виктор снова переключился на машиниста стрелы. Тот подал рычаг от себя. Звенья освобожденной цепи пронеслись через блок, нижняя часть ковша открылась и грунт с грохотом вывалился на платформу, разметая мелкие комья во все стороны. "Далее цикл повторяется..." – отметил про себя Виктор, но, после разворота, стрела замерла параллельно путям. К экскаватору устремился человек с ведром и длинной палкой. Оценивающе поднял-опустил голову – явно намереваясь лезть на стрелу. "Смазчик..." Но пауза в работе была вызвана не только необходимостью смазать механизмы. Требовалось перемещение экскаватора вперёд. Нижняя бригада начала готовить место под шпалы для укладки нового рельсового отрезка.

"Пока земля сухая, довольно быстро делают". Виктор заметил в нескольких шагах от себя деревянную лестницу и спустился в забой. Споткнулся. У основания валялись два угольных брикета. "Сверху сбрасывали, что ли?" Виктор подобрал брикеты, отнёс к общей угольной куче и направился к неподвижно стоящему второму экскаватору. "Что же там со вторым?" Отчитываться в Дмитров требовалось каждый день. По проекту процесс выборки грунта предусматривал одновременную работу – экскаваторы должны перемещаться, как бы, клином. На место, очищенное первым экскаватором, укладывались пути для размещения следующего. И уже тот начинал грызть свою земляную боковую стену, по кусочку, постепенно выходя на всю рабочую длину стрелы.

Размышляя, Виктор заметил, что мазанул куском угля по своей белой рубашке. "Ну вот, опять..." Невольно посмотрел и на другое, едва проступающее пятно на рукаве. Вспомнилось, как после защиты дипломного проекта пили вино и белая рубашка перешла из разряда праздничной одежды в повседневную. Виктору нравился белый цвет, казалось, он позволял открыто общаться даже с незнакомыми людьми: "Вот, я чист перед вами и прошу от вас тоже искренности".

За поворотом показался второй экскаватор.

– ...какой ещё винтик? – крепкий с виду, старичок размахивал руками, как птица в попытке взлететь, остатки седых волос на голове колыхались, – нет никаких винтиков, в технике есть только винт.

– Ну, Егор-рыч, посмотри-ри, какой он маленький, – картавый голос принадлежал парню в измятом картузе. Он тыкал пальцем на головки маленьких винтов тонкой защитной крышки, – а вот какой настоящий винт, – его рука вытянулась в направлении огромного винта, крепящего перекидной блок на конце стрелы.

– Сейчас покажу, – Егорыч подбежал к деревянному ящику, стоящему на земле, вынул оттуда кипу чертежей, перелистал, выхватил нужный лист и развернул, – на... на, читай... вот позиция тридцать два. Читай: винт! – провёл пальцем по строчке в спецификации деталей.

– Ладно, ладно, не шуми, – парень невозмутимо продолжал, – последний откр-ручиваю.

– Да что ж это такое, шантрапа! – Егорыч взорвался, – отвернуть, надо говорить... последний винт отвернуть осталось. Инструмент такой есть – отвёртка, называется... то, что у тебя в руке... это башку откручивают... что вы как бабы кудахчете? Когда научитесь техническим языком говорить?

– Да понял я, понял, пошутить уж нельзя, – парень сдвинул картуз на затылок.

Ремонтная бригада облепила экскаватор: трое возились у парового котла, двое висели на стреле, копаясь с перекидным блоком, пятеро, во главе с Егорычем, расположились у поворотной машины.

– Как успехи, Егорыч? – Виктор дождался паузы в пере-

палке и обратился к сменному механику. Егорыч спрыгнул с платформы, подошёл и протянул руку.

– Новый горизонтальный вал вроде установили, скоро пробовать будем. Вот никак не могу добиться от представителя Ковровского завода, когда новые шестерни привезут. – Егорыч кивнул в сторону высокого человека в однобортной тужурке флотского покроя и белых туфлях, стоявшего на возвышении из сложенных шпал и невозмутимо наблюдавшего за ходом ремонта. – У них на заводе переполох, передали под управление НКВД, да что толку, это ж, ремонтные мастерские, надо цеха новые строить, а это ещё пару лет, вот и собирают экскаваторы из чего могут. Завтра приходи, будем запускать поворотный механизм, с котлом тоже закончили, колосники сменить осталось.

– Егор-рыч, мы уже все гаечки откёрнули, – из-за котла показалось извасюканное в саже, улыбающееся лицо.

– У-у-у, шельма! – Егорыч театрально погрозил парню кулаком. Тот скрылся. Егорыч зацепил взглядом курившего около котла ещё одного парня: – Эй, Петька, новый колосник не забудь поставить.

– Ладно, Егорыч, иди, гоняй свою ватагу, – Виктор крепко пожал руку неунывающему старику и направился к дальним мосткам, выводящим из забоя.

Очередь к заветному окошку в деревянном строении, напоминающим сторожевую будку, растянулась метров на тридцать. У каждого получающего обеденную пайку в одной руке была миска или пустая консервная банка, пальцы другой руки сжимали заветный клочок бумажки с отметкой о выполненной норме. За выполнение нормы полагалось семьсот грамм хлеба и большой половник баланды, перевыполнившие получали килограмм хлеба, кусок вареной рыбы или мяса и порцию картошки или перловки. Отказники за своим трёхсотграммовым кусочком хлеба подходили позднее.

Иван передал дежурному бумажку, на которой значилось "110", протёр краешком рубахи дно миски, испещрённое царапинами, достал из-за голенища сапога деревянную ложку и сунул миску в окошко. Из ближнего к окну огромного котла шёл приятный дымок. Иван потянулся на запах, но дежурный ткнул того в плечо, и Ивану пришлось выпрямиться. Порция перловой каши нехотя перевалилась из небольшого половника в миску. Маленький кусочек мяса стал наградой. Иван воткнул ложку в кашу, прижал подмышкой ломоть хлеба и, двумя руками удерживая миску, торопливо отошёл к длинным, наспех сбитым, столам из обрезков кривых досок. Эту временную столовую под открытым небом предполагалось держать до ноября, пока достраивали пристройку к сараю-кухне.

Чтобы есть стоя, столешница, расположенная на уровне груди, была вполне удобной. Иван загородил руками миску,

оберегая её от возможных попыток бродивших рядом зеков лишить Ивана обеда. Не раздумывая, начал с мяса. Не особо церемонясь, прихватил зубами за край куска и потянул. Кони́на. Кусок достался вполне проваренный – волокна легко отделялись. Придавил нёбом, ощутил сладковатый вкус, в наслаждении, смежил глаза и, уже не в состоянии удержаться, жадно проглотил. Эту процедуру он проделал три раза и только потом стал черпать перловку. Теперь он позволял себе делать паузы и осматривать окружающих.

Каждый надёжно охранял свой обед. Между неплотных рядов столов бесшумно перемещались те, кому на сегодня было назначено только триста грамм хлеба и тоскливыми глазами просили оставить хотя бы ложку баланды. Выпросить удавалось немногим – прикармливать не практиковалось.

Мясо сегодня досталось не только Ивану. Справа, у самого края доски, исподлобья косясь на соседей, стоял худенький мужичок с большим чёрным родимым пятном над правой бровью. Иван не раз его встречал, слышал, что зовут Павлом. Тот владел большой железной миской, в диаметре сантиметров двадцать, похожей на тарелку. Странно, но такое блюдо он не обменял на что-то более практичное, хотя основная масса зеков довольствовалась маленькой мисочкой или консервной банкой с ржавчиной по краям. Павел неторопливо начал с жидкости в миске – черпал её ложкой, громко хлопая и причмокивая. Закончив, он поднял миску над

головой, аккуратно наклонил и залил остатки бульона в рот. Кусок мяса он оставил на десерт и теперь решил приступить к действию. Вероятно, какие-то светские нормы поведения заставили его отделять волокна конины прямо в миске, используя ложку в качестве подручного средства. Два раза ему это удалось, он неспешно пережёвывал, когда маленький кусочек мяса попадал в рот. Но потом случилось невообразимое. Павел прицелился ребром ложки в оставшийся в миске кусок, воткнул ее, надавил, и... переусердствовал. Кусок мяса стремительно выскользнул и вылетел из миски. Павел рефлекторно пытался удержать соскользнувшую ложку, но ладонь как-то неудачно попала и ударила о край миски и ложка полетела в другую сторону. Павел, от неожиданности, обомлел и на пару секунд замер. Выйдя из оцепенения, матюгнулся и сначала наклонился за ложкой, улетевшей на пару метров. Это была роковая ошибка. Из прохода к куску мяса, лежащему на земле, рванулся Шпингалет, вмиг схватил и, не замечая налипшей грязи, закинул в рот. Павел не мог поверить, приоткрыл рот, округлил глаза и уставился на Шпингалета. Тот, довольный, жевал. Павел в два прыжка подскочил к нему со спины, руками обхватил живот, и, с силой, несколько раз надавил.

– Сука, нет... пусть тебе поперёк встанет... не твоё...

Но юркий Шпингалет хлётко ударил Павла костлявой рукой в пах и успешно заглотил злополучный кусок мяса. Павел согнулся.

– Я его на земле нашёл, теперь это не твоё. – Шпингалет назидательно погладил Павла по спине.

Иван отломил кусочек хлеба и подобрал им оставшуюся в миске клейкую массу. Тщательно облизал ложку, завернул в тряпочку и сунул в сапог под голенище, про себя отметил. "Практичнее надо быть: с мяса начинать".

Скамейка, рядом с входом в барак, не пустовала – пять человек оживлённо общались. Иван не спешил, шёл медленно, наблюдал, как двое громко ругаются. Один стоял, нависая над сидевшим, размахивал руками, что-то доказывал. Наконец, сидевший не выдержал, докурил, бросил остатки самокрутки в ржавое ведро, вскочил и решительно направился в сторону соседнего барака. Ему вдогонку неслось: "Туфта всё это!"

Иван остановился у скамейки.

– Вот скажи, Егор Фомич, – долговязый парень взволнованно продолжал, – как можно сто пятьдесят процентов дать на выборке грунта. Я к ним в забой заходил, там такая же глина, как у нас. Мухлюют, сволочи...

– Согласен, не дело это... – приземистый мужик с добрыми глазами глухо заговорил, – Ты, Коля, молодец, вроде новенький, а чувствуешь, чем кончится. На Беломорстрое, тоже пара бригад столбики переставляла. Десятников как-то уговорили, те покрывали. Проверяющие пришли только к сроку сдачи, это когда инженер не дал добро на затопление. Смотрят, на бумаге всё выбрано, а на деле работы, ми-

нимум, еще на три дня. Ну, начальство кричит: "Мы их накажем!", но на носу-то срок затопления участка, а посему, давайте вместе поднажмём. И знаешь, как-то с рук сошло... вышли все бригады на участок, в режиме авральных суток. Многие даже обрадовались – двойную порцию каши выдавали... только многие там и полегли.

– Вот и я про то же, твари, сейчас они из первого котла жрут, а нам потом всем расхлёбывать, – Коля взволнованно ходил взад-вперёд.

– Да, не завидуй, ты же знаешь, часть этой усиленной порции уркам отходит... подвязки, и с десятниками, и с контролёрами. – Егор Фомич был спокоен.

– Коля, а разве много там удаётся подтасовать? – Иван заинтересовался, но спросить более старшего Егора не решился.

– По-разному. Схема проста. Ну, знаешь, трасса по границе промаркирована бровочными столбами, напротив них, обычно в поперечине, и проводят измерение выборки. А уж тут есть возможность: по этой линии местное заглубление сделать. Квадраты широкие, по двадцать метров. На таком расстоянии уклоны в полметра и не заметны. По договорённости с проверяющим, так вообще, измерительные рейки нагло в ямки ставят. Всё от обстоятельств зависит. Все мухлюют, только нормальные бригады обычно по погоде ориентируются: при плохой мухлюют – при хорошей навёрстывают.

– Ну, это, наверное, справедливо, нормы на еду ведь к погоде не привязаны. – Иван кивнул. Егор Фомич поднялся, за ним поднялись и остальные. Потихоньку поплелись по своим делам.

– Эй, тебя Клещ просит зайти поговорить, – кто-то потыкал пальцем в спину. Иван вздрогнул и обернулся. Низенький Шпингалет улыбался, показывая рукой в направлении дальнего угла барака.

Иван часто выполнял плотницкие работы за территорией лагпункта, что ценилось. Контакты Ивана с гражданской жизнью щедро вознаграждались, прежде всего, уголовниками. Периодически, Иван выполнял и поручения Клеща. Конечно, он осознавал, что, обычно, это было пособничеством в сбыте краденого, но вопросов никогда не задавал, да и выхода у него не было. В обмен ему позволялось, без проблем, отправлять заработанные деньги семье. Да и безопасность внутри лагеря... гарантировалась.

Иван прошёл по коридору барака и остановился перед импровизированным карточным столом, перегородившим проход – двумя широкими досками, переброшенными между нижними нарами и тумбочкой. Четверо азартно выбрасывали на стол карты.

–.. потаскуха... потаскуха... потоскует, потоскует и другого найдёт, – Цыпа вскинул руку с картой и хлёстко ударил ею о три другие, лежащие на досках, – бита. Поднял бесцветные глаза, посмотрел на Ивана, не забыв прикрыть оставшиеся в

руке карты.

– Ну, чего стал? Шагай! – Крупа ослабился, засунул мизинец в ноздрю, вытянул тягучую соплю и избавился от неё под доской. Непринуждённо вытер измазанный палец о штанину. Двух других Иван не знал. "Вроде виделись у соседнего барака, новенькие, наверное".

Только Иван переставил через доску одну ногу, перенёс на неё вес, поднял вторую, как Крупа и Цыпа синхронно приподняли доску и Иван, зацепившись, неловко повалился на пол.

– Гы-гы, ну вот, перешагнуть даже не может, а ещё в газетах про него печатают, – Цыпа поднял общий гогот, потом обернулся на Клеща. Тот сощурил глаза – гогот оборвался. Иван молча поднялся, смахнул со штанины пыльное пятно и подошёл к Клещу.

– Ванюша, присядь, – ласковый голос Клеща заставил аккуратно пристроиться на койку напротив, – обычно я редко непосредственно к тебе обращаюсь, но просьба, так сказать, конфиденциальная. Иван сосредоточенно смотрел на Клеща, не понимая, к чему произнесены такие необычные слова, тем не менее, кивнул.

Громкий вопль покрыл все шумы барака. Иван подскочил. Клещ привстал, посмотрел на картёжников и гаркнул.

– Эй, что творите?

Иван повернулся, к горлу подкатил ком. Незнакомец из соседнего барака сдавливал руку Крупы за запястье, прижи-

мая к доске тыльной стороной ладони. Цыпа сжимал в кулаке огромный гвоздь, пронзивший мякоть между большим и указательным пальцем Крупы.

– За что-о? – Крупа орал.

– Гнида, меченые принёс... ты кого за лохов держишь?

– Смотри, засечка на рубашке, вот в углу, – Цыпа перевернул пикового короля и червового туза, – здесь и здесь...

– Цыпа выдернул гвоздь.

– Это не моя колода... – Крупа обхватил руку. Брызги крови сначала оставили яркую дорожку на доске, теперь же, капли падали на пол.

– Знай, с кем садишься... Ещё раз поймаю, костыль в ребро забью, – угрожающе проговорил урка из соседнего барака.

Клещ проворно подскочил к нему и, коротким ударом под ребро, осадил. Тот согнулся.

– Ты, плохой гость, если не можешь свои проблемы тихо решать... а здесь, я решаю, вали отсюда, – глазами показал и второму гостю в сторону выхода. За шиворот, с показной брезгливостью, пинком вытолкнул и Крупу.

– Суки, всё кровью замызгали... Цыпа, подтирай теперь это говно! – Клещ зыркнул на Цыпу и медленно возвратился к Ивану.

– Завтра, ты вроде в здании администрации работаешь? – теперь Клещ размеренно и мягко выговаривал слова, – так вот, найди время в обед, зайди по этому адресу в Мысово и передай письмо. Вложил Ивану в ладонь крохотный конвер-

тик и показал схему, – тебе передадут небольшой свёрток. В лагерь зайдёшь, Шпингалет тебя подстрахует. Иван повторно кивнул, – Ну и молодец, ступай.

– Эй, Шпингалет, шамать охота, чего-то ты сегодня долго собираешь, – Клещ мотнул головой, ухмыльнулся, – говорят, ты сегодня мясцом с земли полакомился.

10

Макаров с трудом подбирал слова для ответного письма сестре. Долго обдумывал каждое слово, тщательно строил предложения, нерешительно выводил буквы стёршимся карандашом на серой ворсящейся бумаге. Бытовые проблемы не стоили того, чтобы их расписывать. Восторга от маленькой служебной комнатёнки, в типовом двухэтажном доме для администрации лагеря, он не испытывал. Так, только короткие фразы о вполне сносной пайке в столовой для служащих, новом обмундировании, отдельном рабочем кабинете и повышенном окладе.

Всё бы хорошо, но эти письма от сестры... длинные, монотонные – обо всём и ни о чём. О чём можно и о чём нельзя. Неужели ей непонятно? Ну, и как поступить? Не реагировать? Аккуратно успокоить? Обойти стороной скользкие моменты? Скорее всего, письма просматривают и замалчивание проблемы может вызвать вопросы. Но как на это отвечать? Макаров снова развернул письмо от сестры и ещё раз

пробежался по корявым строчкам.

"...Ох, Коленька, перед самым праздником, в очереди за хлебом с четырёх утра до шести вечера стояла. Чего только не наслушалась. Одна женщина, со швейной фабрики, громко говорила: «С каждым днём всё хуже и хуже. Кричим о достижениях к пятнадцатой годовщине, а какие достижения? Плакать надо, а не радоваться. Пятнадцать лет прошло, а положение рабочих хуже, чем до революции». Мужчина рядом говорил: «О рабочих вспоминают только по праздникам, а теперь смотрю, и по праздникам не вспоминают». Где-то в хвосте очереди слышалось: «Пусть празднуют коммунисты, лишь им одним хорошо живётся». Люди очень недовольны, что же, Коля, будет?

А ещё наш председатель фабкома Якимов дал такую установку: «Кто не пойдёт на демонстрацию и у кого не будут уплачены членские взносы за два месяца, те будут исключены из профсоюза, лишены звания ударника и сняты со всех видов снабжения». Знаешь, как наши рабочие возмущались... страшно становится..."

Макаров долго пытался набросать ответ, вымучивал фразы об антисоветских элементах, ненавидящих молодую страну. Написал, как этой зимой, ещё до получения нового назначения, участвовал в операции по предотвращению массового бегства крестьян в города, как ему поручили командовать специальным кордоном ОГПУ на вокзалах Киева. "... Думаешь, так всё просто? Да знаешь ли ты, что у нашего

Правительства имеется огромное количество доказательств, что массовый исход крестьян организован врагами Советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами с целью антиколхозной пропаганды в частности и против советской власти вообще. Подумай сама, бессмыслица получается – бежать в город от голода – так ведь в городе еда не растёт. Глупость ведь. Неграмотным крестьянам легко голову заморочить".

Макаров вспомнил ещё одну историю. Год назад он участвовал в партийной чистке.

"...Был такой тип – Мироном звали. Имя и то неприятное – что-то кулацкое. Вот же, как получается – кричит на собраниях, клеймит позором саботажников, а тут раз, и бдительные люди нашлись, говорят, сам-то ведь нечист, шельмует.

Ну, что ж, проверку назначили. Меня в комиссию включили. Наведываемся к нему домой.

– У меня всё нормально, – тычет в бумагу, подписанную проверяющим, – выкиньш у коровы.

– Нет, – говорит секретарь парткома, – эту протухшую мертвечину, с белым пятном на спине, ты у Тимофея взял. Её уже показывали в трёх дворах, такие же, как ты, дельцы. Что думал, не будем проверять? Слишком много выкидышей за месяц. Говори, сколько Тимофею заплатил? Ты ведь обязан был молоком поить своего телёнка, выкормить и сдать в колхоз. Что, самому свежей телятинки захотелось? Ладно, народ у нас такой, но ты, партиец, как мог? Стране мясо нуж-

но, обязан был вскармливать... а он режет... да ещё мертвечиной прикрывается.

Тот, чуть не плачет: "Ребёнок у меня страдает – больной совсем, без мяса пропадёт".

В это время, дверь из соседней комнаты открывается, выходит пацан лет трёх, такой розовенький, не скажешь, что помирает от недокорма, посмотрел в угол избы, где обычно образа стоят, и вдруг заявляет плаксиво: "А хде бозенька?"

Тут, конечно, секретаря не остановить: "Ах, ты ещё и от религии не отошёл. Надо же, успел перед нами и икону спрятать? Молодец! Что, мол, уйдут эти комиссары, я и мяска поем и богу помолюсь?"

Макаров даже усмехнулся. Зачем такой писаниной заниматься? Вынул из верхнего ящика стола чистый лист белой бумаги, коробочку с металлическими перьями и деревянную державку с облупившейся красной краской на примятом торце (сколько ни пытался, не мог до конца подавить детскую привычку – периодически прикусывать кончик державки). Выбрал подходящее на вид перо, завёл под тугой зажим державки. Открыл баночку с чернилами, макнул перо и старательно вывел прописью букву "Д". Контур получился неравномерным с красивыми утолщениями. Снова макнул. Полилась аккуратная вязь букв – каллиграфия очень нравилась Макарову. Его и заметили за это качество – "Нам очень нужны такие кадры". Дальше писал не останавливаясь, не обращая внимания на вымученные ранее карандаш-

ные записи.

«Дорогая сестрёнка!

Как можешь видеть, мой почерк не так уж и изменился. Помню, как тебя восхищали мои работы по чистописанию, как ты удивлялась витиеватостью и красотой букв. Да, не скрою, я поддерживаю этот навык и теперь, работаю над его улучшением. Нужно постоянно прилагать усилия, иначе легко всё потерять. И поэтому, хочу сказать – нынешнее время очень непростое. Перед страной стоят грандиозные задачи. Даже сложно представить масштабы тех грандиозных строек какие преобразят нашу страну в будущем. Уверен, великую страну. Мне легко это видеть. Каждый день выхожу на трассу канала "Москва-Волга" и вижу масштабы. Десятки тысяч людей участвуют в грандиозном проекте. И я рад, что тоже участвую в огромной стройке. А хлеб? Будет много хлеба. Скоро наши огромные хозяйства завалят зерном весь мир.

Милая сестрёнка! Работай на благо Родины. А я заверяю тебе, что буду бороться с контрреволюционерами со всем упорством!"

Утренние лучи осеннего яркого солнца отражались от капелек воды на колючей проволоке, натянутой между двухметровыми деревянными столбами, расставленными вдоль всей трассы. Благодаря ночному дождю, даже издалека уда-

валось рассмотреть каждую нить – пару скрученных металлических проволок, на которые, через равные промежутки, угрожающе навиты шипы-иголки с четырьмя острыми концами. Будасси насчитал двадцать горизонтальных проводочных рядов дополнительно усиленных крест-накрест диагональными нитями. Рубеж из двух изгородей, отстоящих друг от друга шагов на десять, не только обозначали границы, но и служили препятствием для желающих нелегально покинуть место работы. Вышки, похожие на четырёхгранные пирамиды и попки с винтовками не давали усомниться в серьезности строящегося объекта. Знал ли американский фермер-скотовод, насколько универсальным окажется его изобретение, запатентованное для огораживания периметра пастбищ?

Предзимье. Трудные дни ещё впереди.

Будасси повернулся к забою. Пар прокатился между колёс подошедшего паровоза.

– Ну что, Александр Владимирович, поедем смотреть кольцо? – Афанасьев переминался с ноги на ногу, балансируя на кое-как уложенных шпалах, – четыре платформы есть, пятую заканчивают грузить.

– Не спеши, Григорий Давыдович. – Полтора кубометра тяжёлой глины вывалилось из ковша на платформу.

– Пока идём, расскажи, что такое "джойка"? – Афанасьев ловко переступал по шпалам, – когда в Дмитрове делили, сколько кому паровозов, меня спросили "овечки" или

"джойки" брать будешь? Я помню, ещё в двадцатых, все паровозы, которые встречал "овечками" называли. Я сразу и сказал: "Естественно, овечек". А может зря, поспешил? "Джойки" – лучше?

– Да нам без разницы, – Будасси ухмыльнулся, – "овечка" – прозвище паровозов типа "о-вэ" – основной с парораспределительным механизмом Вальсхарта, а "джойка" – паровозы типа "о-дэ", там, вроде, кулиса другая в парораспределителе и колёса меньше.

– Ишь ты, наплодили всяких модификаций, – Афанасьев резво взобрался по металлической лестнице в кабину паровоза. Большие комки глины с сапог шлёпались на землю. Немного обождав, Будасси последовал за ним. Машинист дал короткий гудок. Афанасьев вздрогнул от резкого звука. Клубы пара вырвались из сопла парораспределителя, и паровоз медленно тронулся. По мере продвижения по забою чувствовалось, как железнодорожные пути "дышат" на глинистой почве, пропитанной водой.

– Мы не завалимся? – Афанасьев забеспокоился, но машинист лишь махнул рукой, прокомментировал, – всякое бывает...

– На кольцо выйдем, будет спокойнее. Там основательно проложили, даже подкладки под рельсы ставили, – Будасси успокоил, – все ответвления на первую свалку вдоль трассы сняли – теперь только на дальней вываливаем.

Состав вышел на насыпь. На прямом участке ход ускорил-

ся. Впереди показалась извилистая река Клязьма.

– Здесь сбавь скорость, не надо спешить, – Будасси чуть тронул за локоть машиниста. Тот перевёл рычаг на несколько делений ниже. Грузёные платформы медленно переползли по деревянному мосту из шпальных клеток.

– Григорий Давыдович, вот вдоль того склона и будет новая свалка, – Будасси очерчивал рукой границы территории, – на схемах под номером два. Сюда предполагается вывозить всё, что будем выбирать из Глубокой.

На подходе к ветке на разгрузку, машинист высунулся из кабины и подал знаки стрелочнику. Тот махнул рукой, мол, стрелка переставлена.

– Следующим шагом необходимо телефонную связь по всему кольцу наладить, – Будасси продолжал рассказывать, – диспетчеров ввести, чтобы всем хозяйством управлять. Составов всё больше будет, простыми отмашками управлять не получится.

Паровоз остановился на откосе свалки.

– Ну, что ж, посмотрим, что с разгрузкой получится, – Афанасьев засёк время на часах, выискал среди рабочих десятника и направился к нему.

Лязг открываемых запоров и грохот откидываемых бортов. На каждую платформу забралось по двенадцать человек. Вес набухшей глины не позволял набирать полную лопату – приходилось откидывать глину метра на два под откос. Будасси задумчиво наблюдал за разгрузкой, перебирая в уме

возможные варианты решения проблемы.

– Александр Владимирович! – Будасси повернулся на тонкий голосок. Небольшого роста человек в обтрёпанном пальто с каракулевым воротничком и студенческой фуражке со сломанным козырьком, – меня Германом зовут, хочу с вами поговорить о лопатах. Вернее, об организации хранения и выдаче.

– Вы кто? – Будасси недоумённо рассматривал суетного человека.

– Я из научно-исследовательской станции, из Дмитрова, мне поручено подготовить материал в журнал..

– Вы думаете, сейчас организация выдачи лопат – это главная задача?

– Не только это, – Герман затараторил, – я провёл анализ и смотрите, что получается. Срок службы совковой подборочной лопаты с завода получается всего лишь одна неделя, потом приходится приклёпывать новые хвостовики. Она послужит ещё месяц – и на выброс.

– Ну, что ж, такая советская продукция, – говорить такое конечно не стоило, тем более незнакомцу, но сейчас Будасси был занят планированием новой железнодорожной ветки для свалки грунта.

– Не надо всё валить на изготовителей, мне кажется, стоит посмотреть на организацию дел.

– Да? – Будасси напрягся. Бывало, такие выпады приводили к неприятным последствиям, – а я здесь причём?

Герман, не обращая внимания на вопрос, продолжал.

– Первое: неправильная неглубокая посадка черенка, я посмотрел, обычно просто плотно забивают черенок, чтобы держался без гвоздя; второе: неправильная форма черенка, необходим небольшой выгиб черенка в нижней части для некоторой упругости, к тому же он должен быть из берёзы, а не из сосны; третье: приходилось наблюдать как штыковой лопатой песок грузят, а подборочной в забое разработку ведут. Я уж не говорю, что лопаты не затачивают и что пункт выдачи находится на удалении двухсот метров от маршрута развода рабочих.

Будасси выслушал замечания этого странного человека средних лет. Судя по виду, этот Герман – из заключённых. Конечно, мог быть, и в качестве, своеобразного контролёра, из центра.

– По какой статье срок отбываете? – Будасси решился на вопрос в лоб, чтобы сбить с толку.

– Пятьдесят восьмая... но это к делу отношения не имеет, у меня одна цель, улучшить состояние работ, – Герман замялся, опять затараторил и как-то смутился.

Будасси вздохнул с облегчением. Наверное, один из горемычных учёных, попавших под общий каток. Проблем от него не должно быть. Уточнять не стал.

– Герман, вы видели, какой контингент работает? Голодные, больные. Какие формованные черенки? О чём вы говорите? Для меня главная задача выйти на максимальную ме-

ханизацию. На прошлой неделе ещё три экскаватора запустили. Хотя и получается в сумме семь, но что толку – половина простаивает: то цепи рвутся, то с рельс на плывунах валяются, а тут еще разгрузка платформ вручную по полчаса. Вон гляди...

– Да, верно, но всё же, посмотрите мой проект организации кладовой для лопат...

Будасси усмехнулся. Понятно, тоже выживает, вот какой-нибудь проектик протащит, в журнале опубликует, может норму пайки увеличат или переведут в барак ударников. Но...

– Герман, а вы сами лопату в руках держали по десять часов? Не хотите попробовать на разгрузке? Черенок правильный возьмите, правильно загоните, заточите и покажите, как работать, – Будасси лукаво прищурился, оценив не совсем истощенную фигуру Германа.

– Вы думаете, я не смогу? – Герман насадил фуражку по самые уши.

– Вот и посмотрим, как теория от практики отличается. Будасси подозвал бригадира.

– Андрей, проводи товарища, пусть подберёт себе лопату и поставь на разгрузку, – обернулся к Герману, – восемь часов поработаете, а потом и проект новой кладовой рассмотрим...

– Александр Владимирович, платформы разгружены, едем дальше, – звонкий голос Афанасьева соперничал с ляз-

гом буферов – сцепщик накидывал сцеты. Будасси был рад, что отделался от навязчивого Германа.

Пересекли очередные стрелки разъездов, показался второй мост через Клязьму. Его построили быстро – помог опыт возведения первого. Тем не менее, пришлось повозиться с насыпями – всё же необходим пролёт для прохода по реке небольших лодок.

Паровоз и пять вагонов без видимых проблем преодолели тридцатиметровый участок моста.

– Надо будет пару дней погонять гружёный состав и подправить насыпь. Думаю, местами укрепить придётся, – Будасси озвучил планы.

Афанасьев отвёл на затылок фуражку и потёр лоб.

– Сегодня в центр докладывать буду, что кольцо готово.

– Рановато докладывать, давай покатаем ещё.

– Я тебя знаю, всё осторожничаешь. Покатаем. Только боевые составы, – Афанасьев хлопнул Будасси по плечу, – не бойся, мне отвечать, – сделал паузу, – и вот ещё... мне тут доброжелатели нашептали, что объёмы, заявленные в последних квартальных отчётах липовые – завышены процентов на двадцать. Говорят, с тобой согласовано.

Будасси скривился. Он подозревал, что кто-то озвучит проблему, но не ожидал услышать это от Афанасьева – не любит тот в цифры вникать, да и не считал нужным.

– Да, Григорий Давыдович, есть тут одна неприятность. На пионерную траншею под экскаваторы и сливные каналы

нормы не запланированы, а к морозам надо сделать, иначе зимой экскаваторы простаивать будут.

Только вчера Будасси проходил по квадратам западного склона и прорабы, в который раз, спрашивали, что делать с невыполнением норм – половину людей забрал на свои траншеи. Ответ не допускал возражений: "Наряды подписываю я, а вы делайте, сколько сможете".

Состав подошёл к месту, где замыкалось кольцо, и машинист остановил паровоз – стрелочник не давал добро. К свалке номер два шёл длинный гружёный состав.

Будасси вопросительно посмотрел на Афанасьева.

– Да, Александр Владимирович, я приказал, как только мы проедем – запускать на кольцо следующих.

"Когда-нибудь, из-за спешки, попадём в неприятную ситуацию", – Будасси не решился высказаться, сконфуженный, только помотал головой.

Чёрный угольный дым заволакивал забои, трудно было определить, откуда вышел состав. Будасси отметил, что уже ввели в эксплуатацию четвёртый забой – вот и пришли к простоям на транспортной сети. Десятники перебежали между стрелочниками, договариваясь на какую ветку заводить очередной порожний состав. В набросках Будасси уже присутствовали десятки веток-ответвлений, да еще на разных уровнях. Пока не уменьшим время простоя экскаваторов – дело не пойдёт.

Стрелку перевели, и состав направился к первому забою.

Неожиданно машинист остановил ход.

– Что происходит? – Афанасьев выглянул из открытого окна и увидел ковш экскаватора, нависший над путями, нахмурился и вдруг засиял, – смотрите, фотограф наконец-то приехал...

Прямо на путях, аккуратненький человек, в поношенном костюме и пенсне, крутился около большого фотоаппарата на треноге. Он, то переставлял треногу, пытаясь найти устойчивое положение между шпалами, то наклонялся к объективу, то растягивал-сжимал гармошку, выставя фокус. Бригада рабочих, человек тридцать, расположилась на фоне огромной шестерни подъёмного механизма экскаватора, некоторые прижались к ковшу. Процесс шёл без предварительной репетиции: люди, ещё разгорячённые работой, не особо заботясь о своём внешнем виде, – кто в майке, кто в распахнутой косоворотке, – компактно сучковались, повернув лица к фотографу. Будасси, с интересом, смотрел. В основном, молодёжь. Это хорошо, молодые гораздо быстрее осваивают новую технику.

– Стойте, – Афанасьев уже мчался, – подождите. Он быстро оценил обстановку и занял место напротив удивлённых людей, встал вполоборота, как бы обращаясь к собравшимся. Затянул ремень, поправил гимнастёрку, суетливо снял фуражку, встряхнул густые волосы и снова ее надел. Вскинул руку, как будто что-то вспомнил, открыл свою полевую сумку и вытащил газету. Разгладил, отвернул краешек с заголов-

ком "Правда" и портретом Сталина, направил его к объективу и устремил свой взор вдаль.

– Давай, снимай!

– Не спешите, не так быстро. Искусство не терпит суеты, – фотограф говорил и суетился. Наконец, выпалил, – Внимание! Замрите! Снимаю!

12

Ивану оставалось закрепить ось последней отремонтированной тачки. И он свободен на оставшийся день. Потянулся к ящику с инструментами и краем глаза заметил высокого парня, склонившегося над грудой деревянных обрезков. Вероятно, искал что-то подходящее: поднимал небольшие бруски, смотрел и отбрасывал в сторону. Иван вогнал пару гвоздей – закрепил проушину, перевернул тачку и подвёз к остальным пяти. Парень, так и не нашёл ничего подходящего, рассеянно посмотрел на Ивана, задумался, наверное, оценивая возраст – ровесник или нет, и решил подойти.

– Не подскажешь... мне нужен брусочек длиной где-то полметра, ну и сечением миллиметров тридцать на десять.

– Хм, ишь чего хочешь, – Иван смотрел на парня, смущённо заглядывающего в бумажку с карандашными линиями, – а тебе зачем? – заинтересовался.

– Понимаешь, направляющая у рейсины рассохлась... расщепилась... а мне надо сетку на чертежи наносить... вот

хотел отремонтировать, – парень жестами пытался показать, как он работает с доской для черчения.

– А-а, в техническом отделе работаешь? Чертишь, значит... Я там, месяц назад, столы подправлял... кривые при-слали. Будасси жаловался моему начальнику. – Иван снова посмотрел на бумажку с эскизом. – Я эти науки, к сожалению, не понимаю... пойдём в сарай, подберём тебе рейку.

– А ты – вольняшка? – Иван подбегал, то к одному углу, то к другому, вытаскивал что-нибудь подходящее.

– Угу, – парень выбрал плохо оструганную рейку, почти необходимых размеров, – тут... это... рубанок нужен... ну, ещё и паз фигурный сделать... можно стамеской у тебя воспользоваться?

– Хм, паз... Так тебе лучше рейку из липы взять, а не из берёзы, – Иван сунул другую рейку, – инструменты там, – расслабленно махнул рукой в сторону ящика, мол, пожалуйста. – Только мне сейчас по делам надо, – Иван подольше посмотрел в лицо парню, чтобы запомнить, кому доверил инструменты. – Ладно, поработаешь, инструменты отнесёшь моему бригадиру, он вон в той будке, – Иван махнул в сторону сарая на входе в хозчасть, – я пойду мимо, скажу, чтобы от тебя инструменты принял. Кстати, как твоя фамилия?

– Соболев, – парень смущённо улыбнулся, – Виктор.

Иван шёл в сторону бывшего господского дома усадьбы. Тяготило поручение Клеца. Гравийные дорожки, когда-то предназначенные для особ непростого происхождения, пет-

ляли между возрастных стройных лип. Внизу, слева высокий берег Клязьмы и узкая полоска воды. Справа двухэтажное здание, украшенное небольшой башенкой с зубцами. Чуть ниже – балкон с массивными перилами, украшенный витиеватой лепниной. Представил, как женщины светского общества, как королевны, в пышных белых платьях, стояли на этом балконе, общались друг с другом, обмахивались пёстрыми веерами, то размеренно и широко – при спокойном созерцании собеседницы, то учащённо и мелко – при волнении в споре.

Время, начавшее отсчёт с того момента, как хозяева уехали за границу, действовало нещадно. Штукатурка, окрашенная в зеленовато-голубой цвет, прикрывавшая основательную кирпичную кладку, с каждым годом, понемногу, осыпалась, белая краска, нанесённая на декоративные выступы, оконные и дверные рамы – отшелушивалась.

Иван остановился перед входом в подвал с торца здания. Запустил руку в нагрудный карман спецовки, нащупал записку, ещё раз прокрутил в памяти все действия, которые предстояло совершить. С опаской посмотрел вниз. Скрошенные каменные ступеньки. Скрип несмазанных петель навел мысль о средневековых темницах. Достал спичечный коробок, посмотрел на оставшиеся три спички, вздохнул и шагнул. Темнотища. Постоял, пытаюсь приучить глаза к темноте. Получалось лишь едва различать контуры стен. Длинный коридор. Велено было идти до конца. Не распластаться

бы. Нога ткнулась во что-то твёрдое. Ага, вроде порог. Мелкими шажками, как столетний старикан. Тьфу-ты... что-то липкое. Иван произвольно одёрнул ногу. Хорошо, что в сапогах. Какашки, небось, кошачьи. Переставил ногу чуть в сторону. Стоп. Чьё-то дыхание. Иван замер. Вроде тихо. Где-то поодаль – шуршание. Крысы, что ли... Совсем не хочется их видеть. Ух... Опять дыхание, почти над самым ухом. Мороз по коже. Становилось не по себе. Иван медленно повернулся на звук, чиркнул спичкой и подскочил на месте... Проявилось обросшее лицо из темноты.

– Не бойсь... рыжевьё принёс?

– Чего? – Иван не узнал своего голоса.

– Золотишко, говорю, принёс?

– Не-е-т, у меня записка от Клеща.

Обросший зажёл керосиновую лампу. Иван суетливо передал обросшему записку. Тот посмотрел в бумажку и вдруг крикнул, задрвав подбородок: "Анька, спустись, от Клеща посылный!". Только сейчас Иван заметил деревянную лестницу справа от себя. Торопливые лёгкие постукивания босых пяток и Иван узнал девушку – помощницу Никитишны. Анька прочитала записку и сообщила обросшему: "Марафет просит". Обросший поставил лампу на полку, махнул рукой, ну ладно, мол, сама разберёшься, и ушёл в темноту.

– Что, у Клеща – новенький? Теперь ты будешь приходить? – Анька, с опаской, смотрела на Ивана.

– Не знаю, – Иван замялся.

Анька вернулась к лестнице, на ходу бросив: "Подожди немного". Лязг ключа наверху. Перешёптывания. Женские голоса. Звон посуды. Иван покорно ждал – смотрел на пламя керосиновой лампы. Анька спустилась через пару минут, молча подошла и передала холщовый мешочек, уместившийся в кулаке. Иван непроизвольно помял в руке, пошутил: "Мука?" Анька ухмыльнулась: "Скорее, мука", – сделала ударение на первый слог.

Когда выбрался из подвала, вздохнул полной грудью. Сначала письма, потом хлеб, а теперь, вот... это. Вспомнились перешёптывания в бараке: "Откуда марафет?" А вот откуда... Ну, что ж такого? Попросили – принёс. Да, на побегушках, но зато никто не ворует его деньги, которые он каждый месяц отправляет жене, никто ни разу не взял его сапоги, когда сплошь и рядом только и кричат о пропажах. Всего-то... в обмен на свободный выход из лагеря.

Иван не забыл и о просьбе красноармейца, стоявшего часовым на входе в лагерь – купил ему в деревне пачку папирос. Хотел предъявить пропуск, но тот доброжелательно кивнул: "Да ты чего и так тебя знаю". От такого обращения у Ивана приподнялось настроение, и он бодренько зашагал на точку встречи со Шпингалетом.

...А сизый голубь всё не шёл в петлю – топтался на месте, механически кивая головой. Шпингалет подбрасывал ему маленькие кусочки хлеба, провоцируя переступить через белую нитку, растянутую в кольцо-петлю. Но, голубь не шёл.

Как будто нарочно, издеваясь, он поджимал одну лапку, стоя на другой, замирал на месте, уставившись на большой кусок хлеба в центре петли. Шпингалет ругался, даже попробовал схватить птицу, прыгнув на неё с расстояния трёх шагов. Голубь исхитрился и выпорхнул почти из сомкнутых ладоней Шпингалета. И охота начиналась сначала. Шпингалет сыпал крошки, завлекая голубя в петлю. Голубь, вертел головой, прицеливал на хлеб немигающий глаз, приближался, но останавливался перед ниткой.

– Присыпь нитку! – Иван подошёл из-за спины Шпингалета. Тот, от неожиданности, вздрогнул, сердито оглянулся.

– Без сопливых обойдёмся. Принёс?

Иван похлопал по карману штанины.

– Подожди, надо поймать, – и всё же последовал совету: соскрёб щепкой сухую пыль и пальцами покрошил на нитку, маскируя незамысловатый силочок. Снова стал приманивать голубя. На удачу подлетел ещё один, менее осторожный, и безропотно пошагал в самый центр петли. Шпингалет дёрнул за конец нитки. Голубь успел только раз хлопнуть крыльями, завалился на бок, попытался взлететь, но Шпингалет схватил его за шею и ловким движением повернул голову набок.

Иван сглотнул, выдохнул, отвернулся.

– Чего такой впечатлительный?... Ну, давай чего принёс! – Шпингалет ослабил, протянул открытую ладонь. В другой руке сжимал красные лапы обмякшего голубя.

Иван торопливо вытянул из кармана холщовый мешочек. Шпингалет ловко забросил его в свой карман. Посмотрел в сторону дальнего барака.

– У десятого барака обещали огонь развести. Хотя особо жрать с этой птахи нечего, но ничего, желудок побаловать стоит, – похлопал себя по брюху и пошагал.

В барак Иван пришёл поздно вечером – задержался на занятиях в клубе. Нездоровое оживление чувствовалось сразу. Цыпа стоял в проходе и разглагольствовал: "...зачёт рабочих дней и досрочное освобождение – это приманка для дураков. Это, чтобы заставить вас, дураков, работать на советскую власть, на самом деле, всех досрочно освобождённых ловят и рассылают в другие лагеря".

"Мы сейчас, – в противовес Цыпе громко вещало лагерное радио, – на первый план, на первое место ставим работу – сознательную, настойчивую, ударную и творческую. Нужна была огромная вера, огромное организационное умение, чтобы в такой сравнительно небольшой срок создать такое большое дело".

– Что же вы все такие доходяги доверчивые, – Цыпа, вне себя от злости, кричал, – вас, как скот согнали, а вы ещё им и поклоняетесь. Вот я – не работаю и ничего, живу, вот штаны – не драные, фуфайка – новая, а у тебя? Он ткнул пальцем в грудь Егора Фомича.

– Успокойся, Цыпа, кайф словил, ну и кумарь в своём углу. Тут каждый сам выбирает, на кого ставить, ты ведь то-

же... так себе, – Егор Фомич смахнул от груди палец Цыпы.

– Это я то «так себе»? – Цыпа запрокинул голову, артистично и угрожающе поводил ею по сторонам.

– Эй, Цыпа, прикрой пасть! – Клещ поднялся.

"Поэтому так много вдохновения в вашей работе, – возторженный голос из радио продолжал, – поэтому каждый работающий здесь на мой неизменный вопрос: «Что дает здесь вам работа?» – отвечает: «Много бодрости и удовлетворения». Единая идея господствует во всем строительстве, единый дух владеет работающими. Мы работаем со всеми над первой пятилеткой".

Цыпа забесновался. Он метался по проходу той половины барака, где жили раскулаченные, подбегал к очередным нарам, со злостью, не разбирая, наносил несколько ударов кулаками, по лежащему там человеку, пока не напоролся на встречный удар в переносицу, от которого опешил.

– Ты, ты кто такой? чтобы на меня... на меня... да я... – Цыпа не мог поверить.

– Гадина, об тебя руку чуть не сломал, – Егор Фомич морщился, сдавливал левую руку,

Цыпа встрепенулся, замахнулся, но Клещ схватил его за запястье и резким движением потянул руку за спину, отчего Цыпа развернулся, скорчившись. Клещ, не долго думая, придавил руку Цыпы к поперечине нар, выхватил из сапога заточку и вогнал в центр ладони. Скулящий вопль разнёсся по бараку. Посыл был понятен – Цыпу пустили в расход.

Вся злость и боль, накопленная за последние годы, обрушилась на бывшего приближённого Клеща. Люди действовали. Кто наносил отточенные смачные удары ногами, кто неумело тыкал маленьким кулачком, стараясь попасть по носу, кто усердно колошматил куда попало. Цыпа сначала орал, потом стонал, потом затих.

Радио восклицало: "...Мы вносим наш вклад в это дело, мы соревнуемся наравне со всеми. Мы ударяем не менее крепко, чем весь ударный коллектив, мы, многие тысячи строителей, имеем право считать себя одной из ударных бригад нашей пятилетки!"

13

Ковалёв присел на корточки около набросанных в углу тоненьких картонных папок. Вечный беспорядок в учётно-расчётной части никого не волновал.

– Яков, эти что ли?

– Да эти. Афанасьев теперь требует, чтобы и ты свою подпись в акте на списание поставил. – Угрюмый Яков достал из кармана тряпку бледно-голубого цвета, выполнявшую функцию носового платка и подоил нос. Потом снова уткнулся в какие-то бумаги.

Акт, отпечатанный на машинке, лежал поверх папок. Ковалёв перенёс в угол табурет и сел. Прочитал бумагу. Четырнадцать фамилий. Всё вперемежку: где – полные имя и от-

чество, где – непривычные, вроде Полад Асиф Салех Оглы, где – непонятно что, похожее на выдуманную фамилию или кличку.

Открыл первое дело. Фотография. Взъерошенные тёмные волосы, острый нос, ошалело плятятся глаза. Похоже, силой заставили запечатлеть себя "в века", сразу после поимки... в века... вот и кончился его век. И двух лет не прошло. "Семь восьмых. Десять лет... Находясь в лагере участвовал в бандитском нападении..." Ковалёв закрыл папку – поставил в акте плюстик напротив фамилии.

Второе дело. Обтрёпанный картон обложки. Побывала не в одном лагере. Уф... Смиренные уставшие, спокойные глаза, ёршик волос, Лагерный снимок. Виделись с ним на Беломорстрое, Бригадир толковый был. Оставалось сидеть все-го-то год. "Пять лет... по обвинению в нецелевом расходовании финансовых средств в мастерской". Плюстик в акте. Странно плюстик ставить, когда из жизни выписан.

Третье. Картофельное лицо. Комки под глазами. Здесь-то что... "антисоветчина". Плюстик.

Следующий... следующий... следующий... и половины живыми не видел.

– Какой смысл в этой процедуре? – Ковалёв пытался заставить Якова повернуться, – Чего Афанасьев думает, что я всех знаю?

– Ну, кого-то ты подтвердишь, кого-то другие, – Яков, шмыгая носом, не захотел отрываться от бумаг.

– Может и логично.

Ковалёв пролистал оставшиеся папки. Вот так – под списание. Как поломанный инвентарь. Тела уже закопаны, осталась формальность – собрать подписи и статистику в Дмитров отправить.

– Готово, – Ковалёв поставил подпись в акте.

Яков наконец поднял голову и показал рукой на стол у окна.

– Там приказ смешной пришёл, тебе ещё не передавали, можешь почитать.

Ковалёв взял лист серой бумаги с машинописным текстом. Приказ по Дмитлагу гласил:

“...Отдельные слова уголовного жаргона в лагерях начинают принимать права гражданства. Такие слова как “туфта”, “блат”, “филон” и т.п. становятся словами общеупотребительными, не изгоняемыми даже из официальной переписки, докладов, и т.д.

Засорение языка словами взятыми из жаргона уголовного элемента представляет громадную опасность которой к сожалению не понимают даже ответственные работники строительства и лагеря. Они не понимают, что введение в практику таких слов, как “туфта”, “блат” и т.п. является следствием того, что явления ими определяемые стали обычными”.

Ковалёв рассмеялся.

– Что, нравится? – Яков доброжелательно поинтересовался.

– Да уж, – Ковалёв продолжил читать.

"...Самые отвратительные виды вредительства, борьба с которыми всеми мерами должна была бы вестись не только чекистами, но и всеми добросовестными лагерниками, из-за того, что эти виды вредительства квалифицируются новыми не мобилизующими внимания словами, не стали предметом немедленного пресечения их.

Нет никакого сомнения, что при правильной квалификации явлений, при квалификации, например, “туфта” как “очковтирательство”, “дача заведомо ложных сведений” и т.п., “блата” – как “взятка”, “использование служебного положения” и т.п., на них сразу же было бы обращено необходимое внимание и были бы приняты соответствующие меры воздействия как административного, так и общественного.

Предлагаю по линии КВО провести кампанию за изгнание из лагерного лексикона в первую очередь слов “туфта” и “блат”.

– Хм, и как же? – Ковалёв тряхнул головой и прокомментировал вслух, – как это изгонять слова?

– Во, метлой гони эти слова, – Яков повеселел, снова подоил нос, – кампанию целую надо организовать.

Ковалёв снова уткнулся в бумагу.

"Лагерникам должны быть разъяснены причины этого. Должно быть внушено, что одним допущением этих слов они занимаются укрывательством ряда вредительских актов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ответственные

работники должны иметь в виду, что если указанное требуется от рядового лагерного работника, это тем более относится к ним. Они должны понять, что изгнание указанных слов из обихода является необходимым для того, чтобы сами явления ими определяемые не могли бы в лагере иметь место.

В частности, не оправданную разницу, которая будет получаться между ежедневными оперативными данными по земляным работам и данными контрольных инструментальных обмеров, в дальнейшем надлежит квалифицировать как заведомо ложные сведения”.

– Да, получается слова изгоним и не будет явлений, вот это подход, – Ковалёв отложил приказ.

– Видишь, а вот матерные слова можно употреблять, они не несут разрушающего явления, – Яков перенёс со стола в шкаф стопку каких-то бумаг,

– Ладно, Яков, больше от меня ничего не нужно?

– Да, можешь идти по своим делам.

Ковалёву внезапно пришла мысль, какие фразы вставить в очередной рассказ и он направился в клуб.

* * * Записи Ковалёва. Экскаваторный забой * * *

Дождь. Чёртов дождь... Вроде слегка капает, но уже сутки напролёт. Андрей пытался на глаз оценить устойчивость конструкции. Шпальные клетки в семь ярусов не давали полной уверенности, что экскаватор не просядет. Грунт заса-

сывал сложенные попарно и соединённые металлическими скрепами деревянные шпалы. Разбитые шпалы. Рабочие, по колено в грязи, устанавливали еще один ярус, подбирая для него шпалы получше – без продольных трещин. Старались подгадать равномерное распределение нагрузки от рельс будущего пути. Поперёк этих шпал клали путевые шпалы.

Экскаватор заканчивал выгребать боковую часть забоя, из которой очередной слой водоносных песков тягучей жижей сползал под основание экскаватора. Ещё пару ковшов и нужно перемещать экскаватор на следующие пять метров по перекладным путям. Как назло, именно здесь и оказался хлипкий грунт, к тому же, разбухший от воды. Да, на карте геологи так и указали – линзообразные отложения мелких песков.

Насос для водоотвода больше не тарахтел – дежурный механик объявил: "Мотор сгорел". Осушительная траншея за час доверху заполнилась мутной водой.

Андрей пытался контролировать ситуацию. Поставил пять человек черпать воду вёдрами и перетаскивать в соседний забой к исправному водоотводу.

– Бригадир, клетка вроде готова. Можно рельсы ставить? – Андрей обернулся на разгоряченного работой Николая. Тот, мокрый, то ли от пота, то ли от дождя, провёл тыльной стороной ладони по лицу, смазывая капли воды.

– Страшно конечно, но будем пробовать, – Андрей прошёлся по сооруженной клетке, попрыгал.

– Так не проверишь, нужно загонять экскаватор, там и

видно будет, – Николай косвенно дал ответ на свой вопрос.

– Хм, там уж поздно будет... – Андрей попытался перебрать в голове варианты, но, вероятно, их не было, – ладно, ставим рельсы, – махнул рукой рабочим, уже отбиравшим рельсы нужной длины, – только подкладки под рельсы обязательно ставьте.

– Так нет подкладок, на кольцо забрали и на выездные пути, – Николай развёл руками, – давно уже не ставим и, вроде, нормально, – потом нерешительно добавил, – правда на сухих и ровных участках.

– Ну, давай, хотя бы стыки звеньев накладками соединим, – Андрей поморщился.

– Это можно... Можно рельсы в распорку закрепить, по несколько костылей на точку загоним – всё понадёжнее будет.

– Как назло, в этом месте, – Андрей смотрел на бурые ручьи, сочившиеся из пластов земли, взрезанные зубьями ковша.

Резкие звуки ударов кувалды чередовались с глухими. Николай заметно выделялся из бригады – лихо вгонял костыли по обе стороны рельса.

– Ещё и шаблон куда-то утащили, – Андрей пробормотал про себя, ухмыльнулся, достал из кармана кусок бечёвки с двумя узелками, зафиксированные на расстоянии полутора метров, прошёлся по шпальной клетке и наметил ось второго рельса на крайних шпалах. По мокрому дереву мел тол-

ком не оставлял следа – пришлось острым концом костыля царапать засечки.

– Всё, пришивай второй, – Андрей дал отмашку и стал проверять стык с предыдущим звеном, на котором стоял экскаватор, – вроде на одном уровне.

Девять человек пристраивались вдоль бортов экскаватора. Многие скинули рубахи, кто-то берёт лапти и оставил их на небольшом земляном бугорке. Голые по пояс, лоснящиеся, как тюлени, люди руками толкали многотонную махину, скользя на мокрых шпалах, падали и быстро поднимались. Когда стронули экскаватор, Николай вдруг высоким тенором запел: "Белый пудель, шаговит...", остальные натужно поддержали в такт шага: "...шаговит, шаговит". Экскаватор медленно заползал на новый участок. "Чёрный пудель шаговит...", – голоса уже казались более задорными: "...шаговит, шаговит".

Настил вроде держал – колёсные пары незначительно вдавливали шпалы в нетвёрдый грунт. Экскаватор остановился, рабочие вывели упоры-домкраты, подложив под пятки обрезки шпал. Верхняя бригада экскаватора разбегалась по своим местам. На соседний путь подогнали порожний состав. Оператор стрелы поднял ковш, затем переставил рукоятку на поворот стрелы.

– Коля, а что это за пудель? – Андрей спрыгнул с настила.

– А... это в старину бурлаки пели, когда встречное течение проходили. Мой дед всегда наставлял: белый пудель – на

порыв, чёрный пудель – на упорство. Вот я и ребят в бригаде, как бы в шутку научил.

– Красиво получается, – Андрей, с восторгом, смотрел на ещё не обмякшую от недоедания, мускулистую фигуру Николая. Тот, всего лишь месяц назад ещё был на свободе, – ладно, пойду попробую накладку заказать. Он направился к связному пункту – переносной деревянной телефонной будке.

Но его на полпути остановил неожиданный вопль Николая.

– Бля... завалится же...

Ковш, зачерпнув грунт, не поднимался. Движущиеся тросы, со скрежетом, притягивали стрелу к ковшу. Экскаватор кренился, Упоры погружались в земляное месиво вместе с ближними к ковшу рельсами. Катки, находящиеся на дальней стороне оторвались от рельс. Экскаватор медленно сползал вбок, вместе со шпальной клеткой.

Андрей, от неожиданности, рефлексивно рванулся к экскаватору, но спохватился – многозвучный мат разбегающихся от экскаватора людей отрезвил. Машинисту стрелы всё же удалось остановить движение, и экскаватор замер в полуподвешенном состоянии, опираясь коленом стрелы в стену забоя.

– Накрылась норма на сегодня, – Николай, выждав пару минут, повернулся к Андрею, – чего делать будем?

– Да уж, – Андрей снял ватную будёновку с голубой звез-

дой, вытер проступивший пот со лба, – можно с параллельного пути стропами зафиксировать корпус экскаватора и домкратами выправлять клетку, подкладывая брёвна.

– Давай так. Пойду людей ещё найду.

В голове у Андрея вертелось: "Хорошо, что уже по статье о вредительстве сию – новый срок не грозит. Чёртов дождь... "Чёрный пудель шаговит... шаговит, шаговит..."

14

Службы спецотдела размещались в отдельном добротном бревенчатом здании. Виктор постучался в дверь начальника особого отдела, постоял в ожидании ответа, и услышав "да-да", вошёл. За массивным столом сидел худощавый человек средних лет. Высокий открытый лоб и небольшие, только появляющиеся, залысины. Бросилась в глаза удивительно гладкая тонкая кожа лица. Первая пара морщин в области крыльев носа плавно расходилась к уголкам рта. Человек что-то дописал пером, положил лист в папку, папку бросил в общую стопку слева от себя и посмотрел на Виктора.

– Соболев? Проходи, с чем пожаловал? – Виктор, удивился, но виду старался не подавать. В голове пронеслось: "Вроде ещё ни разу с Макаровым не встречался, а тот его знает".

– Николай Владимирович, я к вам по поводу разрешения на статью в журнал. Тема – "Механизация работ...", – настоятельность привела к скованности движений, но всё же пять

листов, исписанных неровным почерком, легли на стол Макарову, – вот...

– Давай, давай, посмотрим, – Макаров наигранно улыбнулся и кивнул на стул у стены, – присаживайся. У-у, какой почерк, тут напрячься надо, чтобы прочитать, торопился писать, что-ли... – проговорил себе под нос, потом громче, – чертёжным пером писал?

Виктор кивнул.

– А я вот пробую перо "Пионер", – Макаров повертел в руке державку с блестящим пером, – острое оно уж очень, собирает ворс с бумаги и забивается. Хотя если не налегать, то писать впринципе можно... Да, насчёт статьи – затея хорошая, в какой журнал?

– Журнал "МоскваВолгоСтрой". Афанасьев просил написать, – Виктор произнёс тихо.

– А, в наш... Григорий Давыдович толк в нужных делах знает. Только надо еще в Дмитрове согласовывать, – Макаров погрузился в чтение.

Виктор перевёл взгляд на зарешёченное окно. Старался не бегать глазами по комнате и открыто не смотреть на Макарова. В комнате четыре на три метра всё было просто: массивный стол с зелёным сукном, выстроенные в ряд пять стульев для посетителей, большой сейф тёмно-коричневого цвета, загораживающий часть окна, отчего дневной свет попадал лишь на ту часть комнаты, где сидел Макаров. Единственное, что отличало это убранство от таких же комнат в

управлении, так это картина с изображением Сталина, занимавшая полстены. Сталин в сером френче стоял за неброским столом, вероятно, служившим трибуной на партсобрании. В порыве возражения кому-то, вытянул вперёд правую руку, развернув ладонь с полусогнутыми пальцами, как бы взывал аудиторию внять его риторике. Левая рука лежала поверх стопки бумаг, рядом – книжица в красной обложке. Его взгляд твёрд, в усах спрятана доброжелательность, служившая доказательством уверенности в себе.

– Нравится? – Макаров, не поднимая глаз, слегка дёрнул головой в направлении картины.

– Да, – Виктор не врал, – настоящая картина... масло?

– Верно, не репродукция какая-нибудь. Говорят один зек, ещё на Беломорстрое, сделал.

Виктор посмотрел на пол, в голове прокрутилось: "Почему у меня какая-то напряженность в общении со спецотделом? Как будто я в чём-то повинен. Они свою работу делают, я – свою".

Макаров шумно сменял листы.

– Хм, тут в нескольких местах слово "эксплоатация". Разве оно не через "у" пишется? – зеленоватые глаза Макарова, казалось, хищно улыбались.

– Всё верно, – Виктор старался говорить непринуждённо, но всё же слышал неуверенность в голосе. – Через "у" пишется, если речь идёт об эксплуатации людей, а в технике принято писать через "о". Эксплоатация экскаваторов заме-

нит эксплуатацию трудящихся, – добавил что-то вроде лозунга-шутки.

Макаров выдержал паузу, не отводя глаз от Виктора, затем снова уткнулся в чтение. Через пару минут резко вскинул подбородок и напористо посмотрел на Виктора.

– Соболев, что же у тебя в тексте только мёртвые цифры: сплошные кубометры и норма-часы, а где люди, где проблемы? Ведь здесь идёт борьба, как на войне. Ты же видишь, что происходит. Семь экскаваторов, из них исправных то пять, то три, где цепи рвутся, где с котлами проблема. Экскаваторы вроде есть, а, на самом деле, их нет. А кто виновные?

– Но, Николай Владимирович, цепи некачественные приходят, – Виктор, непонятно зачем, попытался приподняться со стула.

– Соболев, это как посмотреть на проблему. Если не организована работа по смазке цепей, если котлы допускают остывать, если... да много этих "если". Знаешь, мне кажется, необходимо некоторые проблемы осветить. Напиши, там посмотрим, что изъять, что оставить. Фамилий, в общем-то, не требуется, если надо сами установим – всё же за журнал "МоскваВолгострой" комиссариат внутренних дел отвечает, а не какой-нибудь "Наркомвод". Я вижу ты понял, давай, действуй, – Макаров подбил листки и протянул через стол, – да, кстати, как у тебя отношения с Будасси? Сработались?

Виктор вздрогнул. "К чему бы это?"

– Вроде нормально, Александр Владимирович дает рабо-

ту, я выполняю. Есть некоторые расхождения, но мы договариваемся.

– Я слышал, ты предлагал идею уменьшения ширины террас для железнодорожной колеи. – Виктор замер, где-то в глубине пронеслось: "Откуда он знает?"

– Да, но эту идею забраковали еще в Дмитрове, – Виктор опять пытался быть невозмутимым.

– А-а... ну ладно... – Макаров, как бы нехотя, переключился, – кстати, что ты знаешь об изменении Будасси проекта кольца?

– Так он согласовывает с главным инженером Строительства по телефону.

– Тебе не кажется, что идёт сознательное затягивание работ? – Макаров вдруг резко сменил тон, – с таким окладом, какой ему положили, не выгодно быстро делать. Несмотря на то, что Александр Владимирович – хороший инженер, за ним три судимости по пятьдесят восьмой статье. Как бы нам всем не попасть в неприятности...

Виктор, вышел на воздух, глубоко вдохнул-выдохнул. "Чёрт, что происходит?" И сам себе ответил: "Всё то же".

...Это была первая лекция на старшем курсе в институте. Полная аудитория, затаив дыхание, не отрывая устремленных на профессора глаз, поглощала каждое его слово, строила образы будущего, в котором техника будет основой экономики. Профессор живо и красочно описывал огромные машины – добывающие, строящие, перемещающие. "Та-

кая фантастика возможна?" – спрашивали распахнутые глаза. "Да, возможна, если учиться", – отвечали живые движения жестикулирующего молодого профессора, – "не просто так же вы пришли в институт. Вы будете теми, кто это всё осуществит". Профессор рисовал волшебные картины, мы ему верили, хотя вокруг была нищета, голод и громкое дело Промпартии, но мы хотели осуществлять те грандиозные проекты – быть участниками этих великих строек, быть там первыми, лучшими.

И, как гром среди ясного неба, через неделю профессора арестовали и осудили на десять лет, как агента капиталистических стран. Никто из нас тогда не высказывался по этому случаю, даже между собой, хотя, наверное, лишь потому, что ещё не успели узнать о жизни этого профессора.

Странное чувство... Может именно тогда Виктор начал с оглядкой относиться к остальным студентам и преподавателям, больше сосредотачиваться на самостоятельной учебе. Общественная работа его тяготила, он участвовал в ней безынициативно, не выдвигаясь на лидирующие позиции. К тому же, его природная застенчивость помогала быть осторожным.

Будасси открыл изрядно потрёпанную папку: подшитые листки-наряды на земляные работы. Углубился в цифры

с каждого участка, потом просмотрел цифры квартальных сводок. "В итоге за 1933 год: 1200 тыс. куб. м тачками, 500 т. куб. м – ручная погрузка на платформы 586 тыс. куб. м – экскаваторы". Выводы были неутешительные: только одна треть экскаваторами, да и то цифры завышены.

Будасси всё ритмичнее почёсывал лоб, замаячили слова пятилетней давности.

"... Обвинитель. Когда советская власть перешла ко второй стадии НЭПа, вы уже считали возможным работать? Как вы НЭП понимали – как сдачу советской власти своих позиций, как переход на капиталистические рельсы, или по-иному, как-нибудь?"

Подсудимый. НЭП, мною и подавляющей частью инженеров был понят как начало перерождения советской власти, как постепенный переход на позиции государственного капитализма.

Обвинитель. Вы пришли работать не для того, чтобы помогать и укреплять советскую власть, а потому что верили в то время, что она перерождается на почве НЭПа. Какая же это советская платформа?

Подсудимый. Я считаю, что это была советская платформа, потому что та позиция, на которой я стоял, вполне отвечала тому курсу, который в то время наметился у советского государства

Обвинитель. Почему этот курс вас удовлетворял? К че-

му вы думали, должна прийти советская власть при помощи этого курса?

Подсудимый. Я считал, что при той экономической политике, которая была взята, имеется полная возможность правильно организовать и вести народное хозяйство. Никакой борьбы с советской властью я не вёл, работал добросовестно и честно на восстановление советской промышленности и народного хозяйства... "

Дребезжащий звук вывел Будасси из оцепенения. Крупная муха билась об оконное стекло. Пыталась выбраться с разлёта: удалялась внутрь комнаты, разворачивалась и, реагируя на свет в проёме окна, летела навстречу ему. Стекло преграждало путь. Глухой удар и она падала на подоконник. Очнувшись, вставала на лапки, набиралась сил и пыталась карабкаться по стеклу, тренькая крыльями. Всё кончалось очередным падением. И чего не спит? Уже снег скоро выпадет. Будасси положил перед собой план размещения экскаваторных забоев: корытообразное поперечное сечение профиля канала, заполненное прямоугольными областями в три вертикальных яруса с номерами экскаваторов в верхней части. По краям помечены места под ручную выборку тачками.

Решение нужно принимать сейчас, времени не оставалось. Конец года. Планы, планы... Приличное отставание от графика и надвигающаяся зима ставили крест на лихие замашки энкэвэдэшной власти. Пионерную траншею кровь из

носу необходимо сделать до сильных морозов, иначе зимой экскаваторами не осилим верхний ярус северного склона.

Будасси надавил на выключатель настольной лампы с зелёным абажуром. Неяркий свет. Взял карандаш и, с нажимом, обвёл маленький квадратик с пометкой "пионерная траншея". Завтра надо бригаду найти незаезженную. Человек триста, надеюсь, достаточно. Правда, придётся двойную порцию ужина через Афанасьева пробить. Успеть... успеть до январских морозов... пока оттепель.

"...Обвинитель. Среди инженеров взяточничество распространено?

Подсудимый. Нет, не распространено.

Обвинитель. Но мы имеем это по приёнке и продаже хлопка. Как только есть контакт с фабриками, то обязательно взяточничество. Это что же бытовое явление?

Подсудимый. Может в последнее время.

Обвинитель. А почему в последнее время, а раньше? Значит выходит, что при капиталистическом режиме инженеры совестились брать взятки, а при советском режиме это в порядке вещей?

Подсудимый. Я бы сказал так, что при прежнем режиме трудно было получать взятки, потому что сам хозяин близко стоял к финансовым делам.

Обвинитель. Значит не потому, что совестились, а потому что трудно было брать?

Подсудимый. Одним словом, этого явления я не встретил..."

Муха прожужжала рядом с ухом Будасси и тяжело села под тепло настольной лампы. Совсем некрасивая: облезлая, пыльная... Тёмно-серые тона полуспящего насекомого навели тоску. Смирись, лети в дальний угол и спи. Будасси небрежно смахнул муху рукой, но та поднялась в воздух. Оттепель... С одной стороны помогает, а с другой... Остро отточенный грифель карандаша оставил на ватмане два креста поверх номеров экскаваторов, застрявших на несколько дней в мокрых забоях первого яруса. Новые цифры, недавно поступивших экскаваторов "47" и "22", появились на втором ярусе.

"...Обвинитель. Не относились ли вы критически к проекту Днепрострой?"

Подсудимый. Днепрострой я не мог оценивать с точки зрения строительства, никакой критики я не навел. Может быть я лишь говорил в отношении целесообразности тех или иных размеров..."

Нагревшись от лампы, муха оживлённо наматывала по комнате круги. Упорная... Будасси вспомнил сегодняшней невесёлый разговор с бригадиром.

– Андрей, а куда тот учёный делся? Помнишь, который с

организацией "лопатного хозяйства" суетился?

– Поставил я его на разгрузку, ну и... хватило часа на три, ладони все раскровил, ребята матом облаяли, мол, мешается. Черенок от лопаты как насаживал... умора. Он – биолог. Крупнее скальпеля и микроскопа ничего в руках не держал.

– С одной стороны жалко, а с другой... Нет, ну нахрена за наш счёт вылезать... – Будасси был категоричен.

Будасси смотрел сквозь пыльное стекло окна. Серая дымка постепенно заполняла пространство. Последние одинокие тёмно-жёлтые листочки клёна ожидали дуновения ветра, чтобы сорваться с ветки и завершить ежегодный природный цикл.

"...Обвинитель. Можно ли вредительскими работами водного характера влиять на урожай хлопковых культур, запланированный в определённый год?

Подсудимый. В такой форме это не делалось. Планировались слишком крупные работы, в таком объёме, что найти соответствующих специалистов в области мелиорации было трудно, и не всегда руководителями работ являлись лица хорошо знакомые со строительством водного хозяйства. К тому же, приходилось проводить работы по недоработанным в деталях проектам. Из-за этого строительство задерживалось...

Обвинитель. Значит, можно считать установленным, что с 1928 года вы уже отчётливо становитесь на путь вредитель-

ской работы...

Подсудимый. Я не согласен и всячески отрицаю, что занимался вредительской работой".

Ещё один день, ещё один напряжённый день. Кажется, всё труднее и труднее. А с другой стороны, интереснее. Сложное сочетание непредсказуемых факторов и, как следствие, неизвестность: получится – не получится, сработает – не сработает. Воплотится ли идея? Технические решения на бумаге, без подтверждения практикой, всего лишь игра мысли, да технической, инженерной мысли, но только лишь... а когда видишь, как утренние карандашные намётки, спросонья брошенные на поля газеты в виде закорючек, перерастают к вечеру в изящный чертёж; когда случайно обронённое замечание собеседника, вовремя подхваченное твоим сознанием, доведено до желания пару недель, почти безотрывно, увлечённо корпеть над чертежами; когда едкая матершина изнурённого землекопа по поводу отвода воды из сочащегося пласта заставляет не забывать о мелочах, когда ... когда это всё приводит к цели, рождает агрегат, машину или сложный процесс организации производства, вот тогда и можно позволить себе улыбнуться и сказать: "...а всё-таки мы ещё чего-то могём..."

Да, бывает... Кажется порой, настолько грандиозна задумка, что не под силу, но опыт берёт и... маленькими шажками, по чуть-чуть, и вырисовывается... по чуть-чуть, и вот,

в процесс вовлекаются другие люди и уже огромная махина человеческих мыслей, навыков и напряжения свершает грандиозное. Сколько же их, казалось маленьких, но таких нужных... вот, поди ж, всего лишь... да только по нашему участку сколько задач.

А посмотреть пошире... Да, ведь, банально, чтобы только начать, чтобы только нанести проект нитки на карту, нужны и топографы, и геодезисты, и гидрологи, и рабочие с бурами. Представить только, сколько у проектантов вопросов: не будет ли грунт забирать воду? не будет ли разрыва береговой линии? нет ли ошибки при планировании отвода воды из забоя? не просядет ли бетонное сооружение заградворот? Ох, сколько у них неизвестных.

Порой удивляешься смелости принятия начальных решений. Начинать всегда сложно. А когда втянешься в работу, то как-то легче. Но, это когда в процессе, когда уже кто-то решение принял. Мол, вся ответственность на первоисточнике. Даже крамольная мысль иногда проскакивает: может первоисточнику решение проще принять, когда он срок отбывает и не посадят уже за вредительство, если ошибся в технических моментах. Так сказать, свобода творчества сама собой получилась. М-да... Нам-то, практикам, проще: маркеры на местности выставил, разметил на грунте квадраты, снял верхний слой, нагнал мужиков с лопатами, проложил деревянные трапы под тачки, выбрал уклоны, распланировал кавальеры. Конечно, так просто мужики работать не будут

– тут и система поощрения-наказания, за каждым надзор, с каждого взять норму выработки. Здесь-то ладно, на Глубокой выемке пойдут экскаваторы, а там? по всей трассе? по остальным ста километрам...? там лопаты и тачки.

Да... дальше пойдут экскаваторы...

Муха оживилась и снова билась о стекло. Будасси подошёл к окну, открыл форточку и, оттесняя муху тыльной стороной ладони вдоль стекла, выгнал её на холод. Решительным шагом вернулся к столу и размашисто подписал итоговый отчёт с завышенными цифрами по кубатуре. "Успеем... к весне нагоним..."

Часть вторая

«Кадры решают всё»

1

Чёрт, где же я его оставил? Будасси, в очередной раз, перебирал в голове места, где он сегодня побывал. Походил по комнате, сел за стол, пальцами потёр лоб, помассировал виски. В плановом отделе нет, у Егорыча смотрел, в столовой проверил...

– Александр Владимирович, можно к вам? – Виктор открыл дверь и аккуратно протиснулся в проём, – Я откорректировал чертежи по вашим пометкам.

– Да, Виктор, заходи. Кстати, я у вас в комнате не оставлял

свой портфель?

– Нет, вы без него заходили.

– Вот, не знаю, где оставил. Ладно, давай посмотрим.

Виктор расстелил на столешнице чертежи.

– Да, здесь так. Здесь нормально, – Будасси просматривал листы, на которых он два дня назад оставлял карандашные пометки, – подожди, разве ветку от пятого забоя не надо продлить? И здесь... от Северной станции еще одну проложить для нового экскаватора.

– Не успеваю, – Виктор усмехнулся, – мы об этом, вроде, не говорили.

– Ты же присутствовал на планёрке. Диспетчер докладывал. Почаще вылезай на трассу, – Будасси намечал на ватмане новые ветки, – давай сразу зарезервируем дополнительные пути и здесь.

– Но этого в базовом проекте нет. Их же согласовывать надо, – Виктор неуверенно протестовал.

– Если мы будем на каждый чих в Дмитрове разрешения спрашивать, то в сроках увязнем точно, – Будасси твёрдым голосом озвучивал свою позицию, потом мягче, с усмешкой, – хм, в сроках увязнем... как тебе такое словосочетание?

– Да уж, не дай бог, – Виктор не был настроен на шутки.

– Вот этот пловун обошёл же без согласования?

– Ну, там и так ясно, трёхметровый уступ сполз, куда же пути класть.

Будасси откинулся на спинку стула и пару минут рассматривал схему. Виктор ёрзал на стуле, не решаясь заговорить. Будасси почувствовал, что тот хочет что-то ещё дополнить, тем не менее, решил поговорить о другом.

– Хозяйство у нас растёт, экскаваторов и составов всё больше. Диспетчеры уже две недели сообщают об увеличении простоев при выгрузке грунта на свалке.

– Это да, сам вчера наблюдал. Три состава ожидали, – Виктор выпрямил спину.

– Ещё и ограниченное место, параллельно разгружать не получится, – Будасси обвёл места тупиков в низине левого берега Клязьмы, – тут надо какую-то механизацию.

Виктор оживился.

– Я ведь думал об этом. Вот, например, платформы инженера Казанского. Это такие самосвалы шторного типа. Сейчас расскажу.

Будасси молча наблюдал, как Виктор схватил лист бумаги и стал размашисто наносить карандашные линии, жестикулировал, объясняя принципы работы, несколько раз ерошил волосы на голове – требовал от себя что-то вспомнить, показывал, где расположены ролики и шторки, за счёт чего будет получен выигрыш по времени при разгрузке платформы. Будасси выждал, взял перо, макнул в чернильницу и вступил в спор: переспросил о нагрузке на ролики, расставил на эскизе несколько стрелок – указал силы, приложенные на консольно размещённые узлы и, с сомнением, покачал головой. Виктор

не сдавался – перехватил у Будасси перо, дёрнул рукой, зацепил чернильницу, чуть не вылил содержимое на стол, поставил кляксу на бумаге. Несколько едва заметных капелек попало на его белую рубашку, но Виктор, не замечая их, набросал очередной эскиз.

– Слишком уж изящная конструкция для наших целей... Песочек сухой и лёгкий можно разгружать, а так... – Будасси качал головой, – и потом, как в наших условиях отремонтировать... у нас сварщики два листа ровно приварить не могут.

Виктор сглотнул, стараясь скрыть волнение, продолжил.

– Есть еще вариант... американский плуг.

– Чего?

– Плугом счищать... Паровозом протаскивать платформы через препятствие.

– Так это сколько раз елозить туда-сюда придётся? Тяжеленная глина ведь. Только послойно сдирать получится, а это всё равно время.

Виктор потух. Начал собирать бумаги.

– Кстати, Александр Владимирович, видели в немецком журнале новый экскаватор? Нам бы сюда такой.

– Ну, это неосуществимая мечта. Ты же слышал новые веяния: "...построим канал, не используя иностранную технику..." – Будасси театрально гримасничал.

Когда Виктор вышел, Будасси посмотрел в окно. Почему я ему не рассказал о своей идее? Рано? Не уверен? Да, надо ещё раз пересчитать режимы работы двигателя. Чёрт, и на-

броски в портфеле остались. Куда же он подевался?

В дверь нерешительно постучали, но не открывали. Будасси подошёл к двери и потянул. На пороге стоял парень с большим свёртком из грубой мешковины. Где я его видел? Будасси махнул рукой, мол, заходи. Тот переступил порог и на немой вопрос ответил.

– Меня попросили занести вам вот это, – парень откинул край мешковины.

– Ух-ты, а я весь день его искал, – Будасси, от удивления, чуть не подпрыгнул. Быстро схватил портфель и пошёл к столу. Парень развернулся – собрался уходить, но Будасси остановил: "Погоди, не убегай", – показал на стул. Тот покорно сел.

Бумаги, вроде, на месте. Выложил, пролистал. Интересно, зеки или спецотдел так внаглую интересуется? Обернулся к парню.

– Расскажи, и кто такая добрая душа?

Парень, видимо, сначала не понял, но быстро осознал и чуть замялся.

– Ну... человек из особого отдела... я не знаю фамилии... но, не главный, а его помощник.

– Ващенко, что ли?

– Ну да, наверное.

– Бутерброды кто-то съел... – Будасси, с трудом, сдержал улыбку.

Парень вскочил.

– Что вы, даже не открывал, завернул в рогожку и сразу к вам. А вы разве меня не помните? Я же в соседней комнате, и у вас, здесь, столы правил, а вы ещё кричали: "Доски лучше подгоняй – для черчения ведь".

Точно! В газете его видел! Будасси дружелюбно заговорил.

– Вспомнил, ты ведь ударник – Иван Лыков... Доски на столешницы хорошо подогнал, только вот заусенцы не снял, – Будасси провёл пальцем по ребру столешницы с тыльной стороны.

– Не успел, – Иван потупил взгляд. Переминаясь с ноги на ногу, оправдывался, – оторвали тогда на другие работы.

– Хвалят тебя... – Будасси смотрел на Ивана, – Ладно, скажи, сможет ваша бригада добротный деревянный настил сделать?

– Помост для агитбригады делали, – Иван задумался, вспоминая, – пол в администрации стелили.

– А чтобы без больших щелей?

Иван не успел ответить: Будасси поманил его к столу и вытащил из папки листы бумаги с набросками. План местности: нитка трассы, железнодорожные пути, река Клязьма...

– Вот, смотри, это новое место разгрузки платформ, – Будасси обвёл карандашом территорию за вторым мостом в пойме Клязьмы, – Но разгружать будем не вручную, а смывать грунт с платформ.

Будасси искоса наблюдал за реакцией Ивана. Тот замер,

внимательно рассматривая эскиз.

– Чтобы это осуществить, необходим определённый запас воды. Клязьма не обеспечивает нормальный приток, поэтому придётся сделать небольшое водохранилище – соорудить плотинку. У высокого берега ставим заборный колодец, метра три на три. Думаю, простым деревянным срубом обойтись. Около колодца будет насосная станция, терраска естественная там есть – вот на ней самое место. А дальше водопровод метров триста до площадки с гидромониторами. Знаешь, что такое гидромонитор? Ну, небось, видел, из таких штуковин пожары тушат.

Иван закивал, глаза поблёскивали – внимательно следил за ходом объяснения.

– Вот, самое интересное – смывная площадка, – Будасси положил перед Иваном другой лист, – Это плоский деревянный помост, размещаемый на уровне разгружаемой платформы. Со стороны путей, помост шириной на две платформы, а дальше сужается и переходит в деревянный жёлоб с уклоном на местности. Длину жёлоба можно метров сто сделать. С него уже отводы – перекладываемые распределительные лотки – к определенному месту свалки для равномерного заполнения.

– Это какой же напор воды надо, чтобы смывать глину? – Иван оживился, – Я пробовал тачку гружёную прокатить – тяжесть, ого-го.

– О, да ты, брат, кумекаешь, – Будасси, с удивлением,

смотрел на Ивана, – Так вот, я общался с теми, кто на трассе Мельдинского района насыпи намывает. Говорят, двух атмосфер вполне хватит, камни в пятьдесят килограмм можно перемещать... Только вот помост всё же надо гладкий сделать и без огромных щелей. Тяп-ляп не годится. Попробуй оценить, сколько времени на это надо, площадь-то большая?

– Надо ещё придумать, каким способом соединять... А когда стройка намечается?

– Пока не знаю, ближе к весне, не утверждено ещё, – Будасси отвёл глаза и только теперь спросил себя, почему вдруг этот парень ему чем-то поможет.

– Ладно, я пойду, на вечернюю переключку успеть надо, – Иван свернул рогожу, сунул под мышку и направился к двери.

Будасси проводил Ивана взглядом. Мелкие быстрые шаги – везде успеть. Остальных бы так легко увлечь.

Ладно, чего тут Виктор наваял? Полистал техническую записку с расчётами. Довольно грамотно, строгое обоснование. обстоятельно всё изложил. Только торопится, вон, в одном абзаце пару раз буквы в конце слов пропустил – мысль быстрее руки движется.

А может он прав? Расчёты... не придраться. Рискнуть? Может, действительно, уместятся два пути на этом бечевнике? Чего-то он там говорил, что делал расчет нагрузки на грунт и, мол, завернули этот проект – нет запаса на случай оползня. Может, стоит попробовать? Правда, геологоразвед-

ка по-точнее нужна... а так, да, два параллельных пути значительно сняли бы транспортную нагрузку.

2

Макаров предавался воспоминаниям. Летом он побывал в городе детства. Вспомнилось, как прошёлся по всем закоулкам, которые пацаном старался избегать. Теперь же, грело душу чувство особого превосходства над встречными: кто-то опасливо отводил глаза, кто-то старался заранее перейти на другую сторону, кто-то заискивающе кивал в знак приветствия. Новая, безупречно отутюженная форма придавала значимость, а сине-голубые петлицы, хорошо видимые издали, подтверждали особый статус особого человека.

Макарову почему-то очень захотелось встретиться с теми двоими. Обида сохранилась, несмотря на минувшие лет двадцать, когда он был девятилетним Николкой. Тогда, тоже летним днём, как только закончилась сильная гроза, он опаздывал в школу и решил срезать путь – пробежать не по центральной улице, а пробраться околотками между старых хибар. И стоило только поравняться с серым длинным сараем, как пронзительный свист и две фигуры прервали беззаботный бег.

– Посмотрите, какой барчонок к нам пожаловал, – первый, белобрый, с огромной заплаткой из красного лоскута на правой коленке, обнажил зубы в показном оскале.

– Ух ты, в какой чистенькой рубашонке и несёт чего-то, – второй, с длинными чёрными патлами, в длинной серой рубахе из грубого материала, перехваченной в поясе верёвкой, потянулся к тетрадке, зажатой у Николки подмышкой.

– Нее-е-т, – Николка дёрнулся в сторону, но первый поставил подножку, тетрадь выскочила и, пролетев пару метров, упала на мокрую траву быстрее, чем упал сам Николка.

– Уу-у, в школе учится, грамотным хочет стать. Смотри, Петруха, какие красивые вензеля, – второй перелистывал тетрадь.

– Да, Васёк, нам не чета.

– Отдай! – Николка попробовал вытянуть руки, но Петруха бил по ним и отталкивал.

– Слышь, барчонок, а зачем такие красивые буквы рисовать? – Петруха косился на каллиграфическое письмо.

– Не твоё дело! – Николка рванулся к тетради, но Васёк коротким тычком кулака в живот, заставил Николку согнуться пополам.

– Петруха, сейчас я тоже красоту сделаю, – Васёк повернулся к тонкой струйке воды, падающей с жёлобка на крыше дома, и поднёс к ней открытую тетрадь.

– Нее-е-т! – Николка снова попытался приблизиться к Ваську, но Петруха не давал. И тогда, от отчаяния Николка просто замер и смотрел, как чёрные, синие, зелёные, красные чернила смешиваются в безликое бурое пятно, искажая всю чёткость и строгость его письма. Васёк перелистывал

страницы, подставляя каждую под струю воды, казавшуюся серебряной от яркого солнца...

Что теперь стало с такими вот Васьками и Петрухами? Наверное, гниют в каких-нибудь северных лагерях. Разве может быть другим результат бесцельного существования. Макаров потрянул головой. Что за наваждение? Сумбурные воспоминания просыпались, когда он подолгу оставался один. Заглушал же их более обстоятельным просмотром приказов по Дмитлагу, благо их было достаточно, или составлением рапортов начальству. Но сегодня не хотелось делать ни то, ни другое. В голову лезли мысли о кадровом составе ГУЛАГа. Макаров знал, что в эту систему набирают отнюдь не лучших. Обычно это либо потерявшие политическое доверие чекисты, либо бывшие работники разведки, с обстоятельствами их жизни, вызывавшие сомнение после пребывания за кордоном.

Вот, взять бы, к примеру, Фирина. Выполнял в странах Востока не то партийные поручения, не то задания военной разведки и попал там в тюрьму, откуда, правда, удалось бежать. Ну, а после возвращения в Москву не прижился в Центральном аппарате ОГПУ и был назначен в ГУЛАГ.

Макаров знал, что с конца двадцатых годов фактически сложились две касты, причём в систему ГУЛАГА можно было легко попасть, а в территориальные органы ОГПУ-НКВД, даже на работу оперативником, довольно проблематично. Тем не менее, Макаров согласился на эту, как ему казалось,

значительную должность в ГУЛАГе. Он был уверен, что движение к цели должно быть ровным и поступательным. К тому же, его, не совсем простое, социальное происхождение из "чуждой среды" не предвещало лёгкого подъёма по иерархии огромной системы.

Макаров пододвинул себе лист приказа, который уже не раз смотрел и снова пробежался по тексту:

"...начальнику Хлебниковского района Г. Д. Афанасьеву... начальнику ВОХР Дмитлага Кузнецову и начальнику Хлебниковского отряда ВОХР... привести в состояние полной боеполитготовности... положение безобразное... пьянствуют не только стрелки, но и начальствующий состав... дисциплины никакой... командиры проводят много времени вне отряда... политработы нет... оперативные лошади используются для личных поездок с женщинами".

Да уж, контингент не самый лучший...

Короткий стук в дверь, только чтобы обозначить своё присутствие, и на пороге появился Ващенко.

– Николай Владимирович, я по-быстрому, доложу и убегу, – Ващенко смущённо заговорил, видимо, почувствовал состояние Макарова.

– Давай, рассказывай, – Макаров чуть кивнул.

– По саморубам... всех допросил... все говорят: "случайно получилось... никакого злого умысла". На усталость ссылаются, вздыхают – авральные работы, недосып, сапоги, те-

логрейки урки воруют... – Ващенко держал в руках бумагу, изредка в неё поглядывал, – только вот один сомнительный... этот Джебраилов... не может объяснить, почему в тот день на работу не вышел, а выпросил у Лыкова топор и рубанулся.

– Лыков, опять Лыков, это хорошо, – Макаров запрокинул голову, – кстати, ты через него портфель Будасси возвращал?

– Да, всё нормально получилось. Теперь уж он на крючке, и топор, и портфель, ещё надо зацепить, когда что-нибудь для Клеща передавать будет.

– Давно он на побегушках у Клеща?

– Как доступ за ограду получил, так сразу...

– Понятно... этого подцепить желательно, гораздо надёжнее будет, чем всякие активисты и урки, – Макаров поводил ребром ладони по столу, – я думаю, пора бы уркаганов проредить... организуй-ка облаву, приманку дай – новое шмотьё голодранцам... сапоги...

– Это организуем, – Ващенко ритмично потёр ладони.

– Только надо сделать аккуратно, всех дельцов зацепить... и вольняшек тоже...

– Подумаем.

3

Афанасьев быстро пролистал списки, традиционно обвёл взглядом присутствующих и обратился к Макарову

– Я так понимаю, Николай Владимирович, судя по тому, что подпись вы не поставили, есть вопросы?

– Да, есть, – Макаров уткнулся в свой экземпляр машинописного листа, – почему в списках оказался Орлов Степан Евгеньевич?

– А-а, этот деятель, – Афанасьев вскинул подбородок, – Николай Владимирович, ты же знаешь, что ещё пару таких выкрутасов с кляузами и его в одно прекрасное утро найдут мёртвым.

– Но он не совсем подпадает под определение в приказе, – Макаров побарабанил пальцами по листу с фиолетовыми печатными буквами, зачитал, – "...отправить в отдаленные лагеря нарушителей лагерной дисциплины, отказчиков, лодырей и др..." То есть человека, клеймившего вот всех этих перечисленных, пустить в расход? Не понимаю. Не то что не совсем подходит, а совсем не подходит, – Макаров раздражённо теребил карандаш, – а что, если проверка начнётся, как оправдываться?

– Николай Владимирович, вы понимаете, что коллектив необходимо спрессовывать, а не разлагать, как этот... – Афанасьев вскочил, сдёрнул с головы фуражку, – вы здесь новенький... а знаешь, как на Беломорстрое, когда дамбу провало, знаешь, как те люди, на которых он кляузы писал, как они встали против ледяного потока? – почувствовал, что слишком распалился, стал говорить чуть потише, – Николай Владимирович, я верю, что надо заниматься с людьми, а не

писать на них доносы. Правильно я говорю? – для разрядки подмигнул Ковалёву.

– Да, Григорий Давыдович, – Ковалёв кивнул, – я с этим Орловым говорил, не нравится он мне, да и не уживается он с людьми. Его же переводили на разные работы – везде так: это не нравится, то не нравится, думаю под определение "и др." этот тип очень подходит.

– Так... ладно, – Макаров поискал свои пометки в списках, – ну, а этот... Джебраилов? Ты же, Ковалёв, знаешь, что саморубы первыми идут как отрицательные элементы. Почему он вычеркнут?

– Да, знаю, – Ковалёв выдохнул, – но меня попросил бригадир нацменовской ударной бригады, он берёт шефство над Джебраиловым.

– Кстати, Ковалёв, у вас разве есть полномочия иметь голос на консультации по этим спискам? – Макаров ястребино сжал скулы, – и, вообще, где начальник УРЧа?

– Тихо-тихо, начальник УРЧа сослался на большой объём работы по основному профилю, – Афанасьев выставил перед собой ладони, как бы сдерживая словесный напор Макарова, – сам понимаешь: наряды, планы.

– Угу, знаю, – Макаров прошипел, – третий день пьяный по деревне шастает, работает он...

– Ну ладно, это мы не можем исправить, это руководство в Дмитрове решает, кого ставить на такие должности, – Афанасьев надел фуражку, выровнял голос, – Александр Павло-

вич – проверенный человек и я ему полностью доверяю.

Макаров цыкнул, поводит головой из стороны в сторону, пару раз у него щёлкнуло в позвонках, когда он разминал шею.

– Ладно, Григорий Давыдович, ты начальник района, на тебе ответственность, давай подпишу... так, "полностью очистить от разложившихся лагерников"... сто двадцать человек.

Когда расходились, казалось, стало легче.

– Никитишна, ну как, не считаешь себя рабовладельцем? – Ковалёв, уже на улице, глубоко вдохнул и вытянул из коробки две папиросы.

– Саша, я в последнее время к людям отношусь как к материалу: вот эти – годные, вот эти – на списание. То, что на подпись подсунули десяток полутрупов – это не так страшно. Им всё равно, где помирать... мало что-ли в дороге мрут, неделю до Белого моря будут ехать, – Никитишна затянулась и выпустила колечко дыма, – ты меня балуешь, вот папиросами угощаешь.

– Одной рукой, наверное, не очень удобно, козью ножку крутить?

– Я заметила, как ты с неловкостью всегда смотришь даже на прикрытую культяшку. Для меня это двойное наказание. Вспомнить страшно, как внезапно может жизнь измениться.

– Не у тебя одной... – шёпотом протянул Ковалёв, побуждая Никитишну продолжать.

– ...хирургом работала, в травматологическом отделении... в Москве, – Никитишна потёрла лоб, – зимой двадцать девятого года. Голод в столице не так ощущается, но всё же... а калеченных везут и везут. Обожжённые, обмороженные, переломанные... каких только травм не было... И вот, конец смены. На ногах еле стою, чувствую – вымоталась. Ещё медсестра туда-сюда шныряет... шкаф откроет-закроет. Не могу понять, как, но на меня шкаф завалился. Ну и рефлекторно хваталась за всё подряд, много чего: ножи, скальпели, да еще стекла, короче, изрезало мне руку прилично.

Ковалёв вздрогнул. Вспомнил, как на него в детстве завалится секретер, за которым он делал уроки. Откидная дверца служила письменным столом. Случайно облокотился по сильнее и почувствовал, как деревянная махина с ускорением наклоняется на него и вот он уже лежит под грудой книг и тетрадок, облитый чернилами. Чудом не покалечился.

– ...остановили кровь, обмазали раны мазью "В", забинтовали. Домой отправили. Через несколько дней совсем худо стало: жар, всё тело ломит. В больницу перевезли – сама не могла дойти. Молодой доктор смотрит, а я уже понимаю – гангрена пошла. Срезает струпы каждый день и мажет этой мазью... Черт бы её проклял... Почему доверилась? Дура! Ну скажи, ведь бывает так в жизни, что иногда рациональное мышление отключается? Ведь прекрасно знала – не просто так, а по опыту! Организм человека приспособлен для самозаживления ран, не надо особо мудрить: мёртвые тка-

ни убери, кровь останови, этого достаточно. Но нет, попалась! В это время, мазь эту на пациентах всю испытывали. Придумал один "высокоцитимый гений", везде навязывал – во всех учреждениях применяли. Мазь неплохо работала при ожогах, а вот, поди ж ты, задумали все открытые раны мазать. Только оказалось нельзя её применять на рваных ранах – тканям нужно поступление воздуха, чтобы микроорганизмы жили. А так – омертвление... Ну, дошло до того, что руку по самое плечо оттяпали.

Никитишна со злостью втоптала в землю бычок.

– Саша, дай еще папироску, – Ковалёв живо полез в карман, Никитишна примяла трубочку папиросы, – вот на собственном опыте почувствовала, что такое медицина, замешанная на политических идеалах в угоду личности. Перевели меня в терапевты, но я не унималась, пыталась писать статьи, что мазь на базе дёгтя нельзя применять для всего подряд. Со старыми профессорами консультировалась, статистику собирала... нет, меня быстро приструнили... да ещё и профессоров старой школы. Быстренькие новые мальчишки по иерархии карабкались. Политическое шарлатанство для укрепления власти одного человека. В итоге, приписали мне постановку неправильного диагноза, хотя там пациент безнадёжен был, и дали десятку, по-ихнему, за вредительство и саботаж. Хорошо, хоть под Москвой оставили, здесь, как ни странно, пригодилась.

– Это ж надо, даже врачам пятьдесят восьмую ставят, –

Ковалёв ухмыльнулся, – ну да, воровство им не пришьётся.

– Ну, ты это... воровство, – Никитишна вскинула подбородок, – не особо... жить всем надо... даже такой.

– Да ладно-ладно, я так, ничего, – Ковалёв улыбнулся, быстро сменил тему, – Странно, ты так откровенно разговариваешь со мной, вроде не так давно знакомы.

– Вообще-то, уже и не особо боюсь, сидеть ещё долго и здесь, похоже, безопасней, чем на воле. Думаешь, я не заметила, как ты в списках пару фамилий подменил. Сначала подумала, вытащить своих захотел, может в соглядатаи завербовал, а потом посмотрела... ба один из них, тот саморуб из узбеков. которого ты тогда с Ванькой притащил. Ну, думаю, посмотрим, как выкрутится... у этого Макарова ведь отличная память.

– Есть такое дело, – Ковалёв снял кепку и вытер лоб, – сдаюсь. Новая разрядка от Фирина пришла: поддерживать в лагере творчество. Узбек с талантом оказался, скульптурки маленькие лепит.

– Видишь, как все друг с другом повязаны. Все кому-то в чём-то нужны.

Никитишна сделала последнюю затяжку и, в этот раз, бросила папиросу в ржавое помятое ведро.

Послышался мерный цокот копыт и из-за угла администрации вышла старая кляча. Натужно переставляя копыта, она тащила облупленную тёмно-зелёную коляску. Выцветший, местами дырявый, серый брезент обрамлял складную

крышу из жёстких полуколец. Ступицы разошедшихся деревянных колёс в нескольких местах были прихвачены металлическими скобами-набойками. Две свежеструганные доски брошены поверх переломленной резной лавки и кое-как приколочены ржавыми гвоздями. На боковой части фасада едва проступали буквы. Отсутствие на них краски позволило предположить, что, на самом деле, буквы были накладные и когда-то их сбили, а следы остались. Ковалёв смог различить надпись: "Ангелина". Мелькнула догадка: коляска из графской усадьбы.

– Вот и мой транспорт, наверное, опять в дальнем районе что-то случилось, – Никитишна мягко приподняла руку, – Не кучер в ливрее, конечно, но, тем не менее... Видишь, Александр Павлович, живу в графском доме, на графской коляске разъезжаю.

– Ну, ты прям, дворянка, – Ковалёв уже забыл, когда последний раз видел конную коляску.

– Никитишна! – скрюченный старик в старой жилетке слегка потянул вожжи. Как мог, едва разогнулся и неприятным голосом проскрипел, – на Новосельцевский участок требуют, у них вагонетки завалились, несколько человек придавило.

– Ладно, только давай ко мне заедем, инструменты возьму, – Никитишна поставила ногу на подножку, рукой ухватилась за блестящий бронзовый поручень, уселась на доски и откинулась на оставшийся кусок потёртой коричневой ко-

жи мягкой обивки для спины, – уф, старость – не радость.

Ковалёв постоял, проводил взглядом отмирающий транс-порт и поспешил в клуб. Внезапно у него родилась концовка для очередного рассказа.

* * * Записи Ковалёва. Белая простыня * * *

Жар от костра отогревал руки и приободрял душу.

– Уф, хорошо! Уголь гораздо лучше дров жарит. А сегодня морозец приличный. – Тихон разложил стальные ломы и буры на верхнем обруче железной жаровни, установленной над огнём. Сам притулился к полену, поближе к огню, – Скоро темнеть начнёт. В темноте не хочется возиться, как вчера. Как думаешь, Петька, успеем сегодня засветло все шпур-ры сделать?

– Вроде осталось всего шесть, – Петька протиснул между опорами жаровни брикет каменного угля и стоя наблюдал за нежным небольшим пламенем, лизавшим металл, – Тихон, не засыпай, через пять минут продолжим. Ложечки двуручных буров начали слегка краснеть. Петька подметил два самых раскалённых и стащил их с жаровни в тачку. Туда же положил и один гладкий лом.

– Ладно, пошли. Костёр можно и не поддерживать. Успеем сделать, буры поди не остынут, – Тихон запахнул телогрейку и поднялся, – Надеюсь, сегодня собьём эти чёртовы ледяные карнизы.

Балконы-козырьки промёрзшего глинистого грунта навиги-

сали над погрузочными путями в забое. Даже острые огромные зубья ковшей экскаваторов не могли взять верхний слой полутораметровой толщины. Экскаваторы выбирали грунт только из средней части забоя.

Петька плотнее вдавил деревянный маркировочный колышек в сугроб, натянул верёвку с узелками – точки закладки запалов, движением ноги расчистил от снега небольшой пяточок и поставил горячий лом напротив узелка. Тихон ударами молота вогнал стальной стержень на полметра. Затем, вдвоём вытащили его враскачку, установили в отверстие бур и, упёршись в рукоятки, пошли по кругу, заставляя инструмент заглубляться и формировать лунку диаметром восемь сантиметров.

– Эх, Тихон, ну что ты голову повесил, – Петька пытался приободрить пожилого напарника, упрямо упиравшегося в бур, – прочистим? – Тихон только сумел промычать и перехватить рукоятку, чтобы вынуть бур. Освободив лунку от земли, продолжили ходить по кругу.

– Нет, эта работа намного лучше, чем тачку таскать, – Петька расчистил место под следующую лунку, – я за эту работу держусь. Немного поднапрячься и вот, пожалуйста, ватные штаны выдали без дырок, ушанку не засаленную. Бригадир обещал через неделю новую фуфайку, это ж, вообще, роскошь. Жизнь-то налаживается. Так дальше пойдёт и в ударники можно проскочить, а там... небо и земля... отдельный барак... с цветочками на подоконниках... с простыня-

ми белыми. Что, Тихон, давно белые простыни видел?

– Не слишком ли мелкие лунки делаем? – Тихон поднял голову. В отблесках света от далёкого прожектора паровоза молодое лицо Петьки казалось счастливым.

– Без туфты и аммонала не построить нам канала, – Петька быстро переставил бур на следующую лунку, – Как и вчера, метровые сделали. Ты предлагаешь все тридцать штук углубить?

– Сегодня морознее, если козырёк не обвалим, завтра всё заново делать, – Тихон приводил доводы.

– Я к бригадиру ходил, он говорит, делайте, как вчера, – Петька вытащил бур и сапогом сбил остатки глины, – Вот смотри, внизу не промерзла. Тихон заткнул готовую лунку берёзовой втулкой, чтобы не замело снегом.

– Вроде всё, – Петька махнул рукой сигнальщику. Тот отреагировал – раздался свисток и яркий свет от прожекторов, гроздьями развешанных на десятиметровой мачте, залил местность. Чётко обозначились два длинных ряда лунок, в шахматном порядке, с небольшим наклоном к забою.

Трое подрывников подошли быстро. Впереди – Васёк, с ведром, наполненным бумажными свечами аммонала. Его шею обвивали ожерелья бикфордовых шнуров, концы которых замыкали блестящие капсулы с гремучей ртутью. Ворфорточник, юркий, роста метра полтора, он ловко выдёргивал деревянные втулки из шпур, заправлял их аммоналом и прилаживал к патрону капсуль. Конец бикфордового шнура

завязывал эдаким поросычьим хвостиком для лучшего контроля на расстоянии.

– Это вам не на разгрузке примёрзшую к платформам землю рвать, здесь шарахнет по-настоящему. – Васёк с довольным видом завершил работу и укладывал в ведро остатки подручных инструментов,

– Всем покинуть место взрывных работ, – прогремел голос начальника подрывных работ. Постепенно опасная зона пустела, и к шнурам подходили запальщики. Тихон и Петька, расположились у дальнего общего костра, отогревая подмерзшие руки и посматривая на подготовку к взрывам. Тихон закимарил и где-то далеко, в ватном тумане сознания отпечаталось: "А буры-то мы не забрал... надеюсь, не разлетятся".

Раздался свисток, затем ещё один, более отрывистый. Запальщики зажигали шнуры, перебегая от лунки к лунке, и яркие брызги искр от каждой точки заполнили участок. Свет прожекторов погасили на случай перерубания проводов взрывом. Вдалеке остался заметен лишь тусклый отблеск лампочки на крыше экскаватора. На границе зоны, на возвышении стоял начальник подрывных работ и матерился, наблюдая, как кто-то поспешно оттаскивал носилки с железными прутьями.

Прогремел первый взрыв, за ним второй, третий... один за одним вырастали небольшие бугорки и через пару секунд с грохотом оседали, оставляя неплотный туман. И стало ти-

хо.

– Отбой, – всё тот же громкий командный голос. Проектора снова ярко осветили кромку забоя. Рваные края земли очертили новую границу. Люди неспешно подходили к обрыву.

– Вот, чёрт, кусок не обвалился, – Петька схватил лом и подбежал к двухметровому пятаку, чудом зависшему над обрывом – огромная трещина почти отделила его от основной части. – Сейчас поможем, – опустил лом в трещину и навалился на него всем телом...

Внезапный взрыв разорвал тишину. Пелена мелких брызг перед глазами оглушённого Тихона и грохот падающей земли.

Тихон пришёл в себя лишь, когда услышал крики бегущих людей. И тоже побежал к провалу. Внизу лежал Петька лицом к небу, раскинув руки в стороны. Измолотое лицо с открытыми неподвижными глазами. Вокруг ходили люди, шумели, доносились обрывки фраз: "... почему не проверил... заряд не сработал... да, неугомонный... побежал... жалко парня... свистка же не было... не дышит... чего на меня кричишь?... отбой вроде прозвучал... нет, я свистел, все слышали..."

Подошёл начальник подрывных работ, удостоверился, что Петьке уже ничем не помочь, твёрдым голосом прогремел: "Эй, хватит орать!". Сделал паузу и озвучил: "Несчастный случай!" И все разом выдохнули и замолчали.

С неба повалили крупные хлопья снега, покрывая тело.

– Вот тебе и белая простыня... – Тихон бормотал и смахивал слёзы.

4

Виктор услышал шум, подошёл к окну и посмотрел сквозь мутное пыльное стекло. Чёрный автомобиль подъехал к самому крыльцу. Афанасьев решительно поспешил к передней двери, но увидев, что открылась задняя, остановился и вытянулся по струнке. Из машины вальяжно вылез грузный человек в форме НКВД, недовольно посмотрел сначала на Афанасьева, потом перевёл взгляд на Макарова, стоящего несколько в стороне и протянул руку сначала одному, потом другому.

Виктор вполголоса произнёс: "Усов приехал". Прорабы и бригадиры оживились, стараясь занять места за большим столом, подальше от того торца стола, начиная с которого нагрянувшие высшие чины обычно рассаживаются по нисходящему рангу. Виктор подошёл к свободному стулу, как только услышал в коридоре угрожающую матерную ругань. Усов появился на пороге комнаты, стремительно окинул взглядом собравшихся, направился к торцу стола. дождался, когда войдут Афанасьев с Макаровым и раздражённо брякнул: "Садитесь!". Задвигали стульями. Бригадиры уставили локти в столешницу, ожидая начала совещания, затихли. Вне-

запно, Усов ударил ладонью по столу. Виктор вздрогнул, локти бригадиров медленно сползли под стол.

– Ну что? Хорошо поработали? Сукины дети! План по вашему участку только на семьдесят процентов выполнен, – Усов скользнул сощуренными глазами мимо Будасси и уставился на Афанасьева. Тот вскочил.

– Я уже докладывал руководству о всех проблемах, особенно актуальна для нас проблема разгрузки составов, – Афанасьев елейным голосом пытался успокоить Усова.

– Читал ваши писульки... – Усов, вероятно, выпустил пар и продолжил уже спокойным тоном, – Вы не осознаёте ваш пролетарский долг. Теперь, чтобы загладить ваши огрехи перед нашим пролетарским отечеством, вы должны работать ударными темпами. Некоторая часть сотрудников работает в порядке расхлябанности, нету революционного сознания. Партия доверила нам ответственный участок великого социалистического строительства... Товарищ Афанасьев, вот вы говорите, что нужно время и решение будет найдено...

– Да, наши инженеры хорошо знают новые формы социалистической организации труда, которые проверены опытом миллионов ударников, и результаты которых мы видим и на Днепрострое и на Магнитострое и на тысячах наших пролетарских новостроек, – Афанасьев пытался держаться уверенно, выбрасывая давно заученные лозунги. Но Усов вновь шваркнул кулаком по столешнице.

– Ты мне тут радио не включай! Доколе...? Доколе этот

бардак будет продолжаться? – все вжались, – Что опять с разгрузкой? Ты мне обещал, что если найдём платформы Казанского, то дело пойдёт. Дали платформы и где результат?

Афанасьев замер, смотрел перед собой.

– Был результат, пока была сухая погода, в два раза производительность выросла, – Виктор тихо произнёс, – А как глина намокла, так механизмы перестали работать. Это я виноват – моё предложение было... с этими платформами.

Усов выпятил подбородок, медленно повернул голову, ворот гимнастёрки продавил толстую шею.

– А, молодая поросль, что на себя удар принимаешь, герой? Уже не выйдет, слишком много, помимо тебя накакарекали. Вон, Будасси – твой начальник куда смотрел? вон, Афанасьев – всё бегал, кричал, что молодёжь надо поддерживать, вот я, – Усов потыкал себя в грудь большим пальцем, – выбивал эти платформы в министерстве. Что всех под статью? А кто работать будет? – Усов, выкатив глаза, пялился на Будасси.

Тот ответил твёрдым голосом.

– Техника – дело непростое, она от одних только лозунгов не работает. Да, попробовали... да, не получилось.

– Ты, Будасси, не очень-то... не зарывайся, А то наговоришь на статью. Тем более, что ты вроде против этих платформ был, – Усов резко открыл свою чёрную папку и вытащил лист бумаги, исписанный мелким почерком, – зато вот, мы тут с Макаровым на тебя бумажки рассматривали, веро-

ятно, от твоего знакомого. Теперь и ты почитай!

Будасси уткнулся в текст. Сначала лицо было серьёзным, потом скулы постепенно расслабились и, вскоре, усмешка завершила знакомство с документом.

– Да, помню, этот несчастный, с дурацким предложением о научном подходе к раздаче лопат. С каких это пор третий отдел о зеках так заботится? – Будасси откинулся на спинку стула, посмотрел на Макарова, – А что же третий отдел не рассматривает предложение другого зека... про отхожие места на трассе? Ведь, действительно, не хватает – по одной яме на два километра – люди не успевают добежать. Вот, вчера наблюдал. Парню с животом тяжело было... Так отошёл к колючке – куст единственный там остался. Так попка с вышки огонь открыл. Парень с голой задницей бегал... бежит – а из под него валится, вот потеха для всех.

Макаров не выдержал.

– Александр Владимирович, вы тут цирк не устраивайте. Вы же знаете, заключенным нельзя подходить к периметру.

– Ну, так и я о заботе, – Будасси тоже резко отреагировал, – а что касается этой писульки, то пускай ваш рационализатор где-нибудь там ковыряется и не лезет с ахинеей... лопаты он видите ли изучает. Вы в курсе, что он лопату в руках ни разу не держал?

– М-мм... – Усов прервал перепалку, – Николай Владимирович, возьмите эту докладную, давайте как-нибудь отпишем. Действительно, не до этого.

– Да я уже понял, – Макаров вложил бумажку в свою папку.

– Так, Александр Владимирович, на язык вы ядовитый, а как же быть с разгрузкой грунта? – Усов успокоился.

– Есть мыслишки, – Будасси потёр подбородок.

– Ну, пока мыслишь... Афанасьев, снимай часть людей с забоев и на разгрузку, – Усов смотрел на готового возразить Афанасьева, – Что не хватает людей? А нахрена на высоком совещании говорил, что людей хватает, что у нас теперь механизация всё решит.

Будасси теперь потирал подушечками пальцев лоб.

– Ладно, давайте заканчивать, – Усов поднялся, с шумом отодвинул стул, – Афанасьев, сейчас поедешь со мной в Москву.

Виктор, понуриив голову, выходил из комнаты последним. Перед ним шёпотом переговаривались двое распорядителей работ по забоям.

– А нас-то зачем позвали на этот разнос?

– Наверное, чтобы и мы не расслаблялись.

– Но, этот Усов нас даже не знает.

– Так, правильно, это мы должны его знать.

– А кто он?

– Да чёрт его знает, их так много... этих... с ромбами.

– Во-о-т, вижу... то самое, знаменитое строение, о котором весь Беломорстрой говорил. Дворянские корни в тебе неискоренимы, – Ананьев смотрел на основательный дом и дружески похлопывал Будасси по плечу.

Нижний этаж с тремя крыльцами по разные стороны света и маленькими пристройками подсобных помещений, казался неприметным под нависшим над ним широким балконом по всему периметру второго этажа. Деревянные опоры-колонны, стилизованные под дворцовый декор, придавали строению монументальный вид, а изящные перила балкона, опирающиеся на пузатые балясины, смотрелись вызывающе зажиточно. Под многоярусной крышей, в мансардах, скрывались небольшие комнатки, отчего навскидку было трудно определить этажность дома.

– Да-а, – Будасси, не без удовлетворения, наблюдал за реакцией Ананьева, – два месяца назад перевезли из Повенца.

– Поверить трудно. Простые срубы перетаскиваем – это ладно, но такую громадину.

– Отработанная технология. После перевозки огромного клуба с Медгоры в Дмитров, всё остальное разбирают и собирают без проблем. Лиственница – дерево добротное.

Две белокурые девочки-близняшки, лет пяти, выбежали навстречу.

– Вот, познакомься, мои два бриллианта... – не успел Будасси закончить фразу, как девочки обхватили ноги Будасси, – ну, ну, полегче, с ног сшибёте, – смеясь, поднял и по-

целовал сначала одну, потом другую.

Девочки недоверчиво посматривали на Ананьева. Которая посмелее с гордостью заявила: "А наш папа делает, чтобы Волга к Москве повернула!"

Будасси рассмеялся, взъерошил ей волосы: "Дядя тоже наш канал строит".

Девочка смутилась: "А почему дядя такой старый?"

Ананьев расхохотался: "Устами младенца..."

– Хозяйка, принимай гостя, – Будасси махнул рукой жене, показавшейся на балконе, – организуй что-нибудь поесть. Нам с Александром Георгиевичем надо обсудить производственные проблемы.

– Вовремя, как знали, борщ недавно сварила, мы с девочками уже отобедали.

Гостиная не отличалась изысками: деревянный стол, простые табуретки... белая кошка в углу около блюда с молоком.

Ананьев оттягивал расправу над кусками говядины: сначала старательно уплетал овощную часть борща. Когда подошла очередь мяса, он перенёс самый большой кусок в рот и медленно пережевал.

– Выпьём? – Будасси приподнял бутылку водки над столом.

– Чего спрашиваешь, копь на стол поставил?

– Помню, помню, ты не любишь под горячее. Не изменились привычки? – Будасси налил по пятьдесят грамм в две

небольшие рюмки.

– Ну, так я закончил. Отменный борщ. Давно говядину не ел. Холостяцкая жизнь подразумевает кормление в столовой, а в современных реалиях там с мясом не очень... за встречу, – Ананьев опорожнил рюмку, поморщился, рефлексивно прикрыл рот рукой и потянулся за огурцом, – в деревне можно мясо найти?

– Так просто не дадут. Сам знаешь, все обязаны сдавать. Только через спекулянтов, на них выход по знакомым. Скажу хозяйке, пару килограмм добудет, – Будасси выпил не морщась, закусил куском мяса, – Ладно, расскажи, что у тебя? слышал дамбу почти закончили?

– Да уже котлованы под шлюзы вовсю... почти без выходных, – Ананьев вздохнул, – Саня, не так часто наливай, мне ещё домой добираться.

– Домой? Ишь чего вздумал, – Будасси артистично развёл руками, широко улыбнулся, – а это чем не дом? Здесь заночуешь, внизу комнатка хорошая есть. Мне сегодня хочется поболтать с умным человеком, – Будасси взялся за бутылку, – хотя, да, действительно, зачастил.

Ананьев почувствовал, что становится хорошо – тепло разливалось по телу.

– Поболтать, это можно... Вот всё думаю, лучше технарями жить стали или нет? Вспомни, после революции, пока НЭП не наступил... да на нас как на приспешников капитала, саботажников и тайных контрреволюционеров смотре-

ли. Точно на службу было ходить. Руки опускались от бессмысленных заданий. Сколько же тогда расплодилось разных главков и центров. От меня, например, требовали калькуляцию стоимости такого-то сорта текстиля для обмена его без денег на такой-то сорт других изделий. Я привык калькулировать стоимость в деньгах. Но мне говорили, что так было при капитализме, а при социализме учет в денежных знаках нужно заменить «непосредственно-трудовым учётом». А как его производить, свежеиспечённое коммунистическое начальство не знало, они только бессмысленно повторяли слова, надёрганные из каких-то книжек. Ну, и как можно было делать то, что никто не знает?

Будасси, в задумчивости, смотрел в одну точку. Ананьев сделал паузу и продолжил.

– Хотя, как НЭП установился, сразу всё пришло в норму. Помнишь, да мы тогда точно вышли из склепа – дышать стали. Правда, Сталин быстро свернул – побоялся. Конечно, ясно было, что развалится вся эта политическая кухня – куда девать столько политически заряженной молодёжи? Головы забили новой религией, а работать не научили. И опять спецы виноваты, опять шпионскую нить тянут, одно дело Промпартии чего стоит. Стариков прилюдно осудили. И посмотри, как стервятники, оголтелая рвань набросилась. Это ж надо, придумали интервенцию приписать... – Ананьев усмехнулся.

– Там, вообще, в приговоре, такая ахиня. Помнишь: "бо-

лота осушали, чтобы врагам было легче идти по русской земле", – Будасси медленно покрутил пальцами рюмку.

– Нам с тобой может даже и повезло, что раньше посадили, а то, неизвестно, чем дело бы кончилось... правда, мы помоложе, – Ананьев махнул ладонью, мол, наливай.

Будасси выпил, на этот раз поморщился.

– Постой-постой, – залез в нагрудный карман гимнастёрки, вытянул сложенный вчетверо лист бумаги, развернул, – ты, наверное, помнишь Ковалёва, в культотделе на Беломорстрое работал, теперь в лагпункте на нашем участке.

– Знакомая фамилия, – Ананьев силился вспомнить.

– Ну, который прославился на Медгоре, ну помнишь, удалось ему человек тридцать отказников поднять, даже бригаду ударную сколотить.

– А, вспомнил, – Ананьев вскинул руку, повращал ладонью в воздухе, пальцами имитируя ветреность, – такой шустренький, который за финансовые карусели сидел. Приоритеты Госплана крутил, кому нужнее, кому не очень и свой процент из общей кормушки получал.

– Да он, так вот теперь рассказы и стихи у него неплохие выходят, вот послушай.

"В чем цель и смысл жизни?"

Такой вопрос ведь каждый задавал,

И обсуждали это часто,

Но я всегда серьезно недоумевал.

И как понять то,
Что положено в основу этой мысли.
Ведь цели жизни в том,
Чтобы построить смысл жизни.
Но мысли эти призрачны,
Как призрачен весь свет.
Мечты всегда капризны
И истины в них нет.

– Что ж, есть над чем задуматься, – Ананьев хмыкнул, – с чего ты вдруг поэзию лагерную начал собирать?

– Есть интерес... мыслишки появились... надо одну идею затратную на участке провести, без поддержки сверху не обойтись, – Будасси дальше решил не юлить, – Короче, жена Ягоды, книжку о перековке пишет, ну я и решил помочь материалом, так сказать из самых низов, а там может шепнёт всесильному наркому о наших проблемах.

– Узнаю тебя, шельма, – Ананьев заухухухал, – любишь ты начальство ввязывать в проблемы. Всегда удивлялся твоей хваткости. Вроде на вид не скажешь, что карьерист, а тем не менее, как бы свой у чекистов. А что за проблемы?

– Да вот решил одну конструкцию соорудить, у меня затвор на разгрузке грунта, хочу попробовать смывать прямо с платформ гидромониторами, – Будасси сложил лист со стихами и всунул обратно в карман, – наши в Дмитрове нос воротят: моторов нет, насосов нет, труб нет... ничего нет.

– Я слышал, сметы наверху режут, говорят, денег не будет, – Ананьев расстегнул верхние пуговицы рубахи, обнажил волосатую грудь, – жарковато стало.

Дверь на кухню приоткрылась. Просунулись две маленькие головки.

– Папа, мы спать... – тоненькие голоски побудили Будасси пойти укладывать дочерей.

Ананьев стараясь отстраниться от нежной части семейного ритуала, изрёк себе под нос: "Идиллия" и перевёл взгляд на сытую кошку, вальяжно проходившую мимо. Похлопал ладонью по коленке. Кошка отреагировала – запрыгнула, примостилась и заурчала в благодарность за поглаживания.

Как только Будасси вернулся, Ананьев снова был настроен на философские рассуждения.

– На самом деле, в последнее время, заметно чувствуется ликование, так называемых широких масс. И здесь, не просто животная боязнь перед сильным, хотя и в этом есть резон. Здесь ещё один важный момент. Подавляющее большинство, я думаю, процентов восемьдесят населения, по сути, просто существуют на земле. У них нет потребности к поиску каких-то заумных философских истин или, как у тебя, потребности что-то создавать. Их основная задача, если так можно назвать, возложенная на них Богом, состоит лишь в том, чтобы родиться, размножиться и умереть. Их цель: оставить после себя следующее поколение людей. И они это даже не осознают. Просто действуют в соответствии

с заложенным в их природу механизмом. Внешне проявляется просто – обеспечить свой организм крышей над головой, теплом, пищей и хоть как-то зацепиться за кого-то, кто, скорее всего, в будущем, будет помогать поддерживать эту благодать. Основной массе Бог не вложил способности размышлять, критически мыслить или бороться за свои идеи. Такого механизма просто нет в их природе. Ведь если подумать, механизм-то опасный для продолжения рода – ведёт к возможному физическому устранению тела. Да, звучит некрасиво – серая безликая масса просто ищет возможности существовать для размножения. Природный инстинкт выживания взывает к поиску сильного лидера, которого нужно держаться.

Ананьев сделал паузу. Будасси воспользовался и наполнил рюмки. Быстро выпили, быстро закусили – Ананьев боясь потерять мысль, Будасси боясь нарушить размышления друга.

– А вот лидер, когда восходит на Олимп, действует по другой схеме, – Ананьев сделал выпад указательным пальцем, – ...он устраняет конкурентов, то есть, действует обратно – против статичного выживания. Обычно, он силён, изворотлив, хитёр – качества действия – ведь его могут уничтожить конкуренты. Разрушительная сила, но она не опасна для массы выживальщиков. Она опасна для тех, с кем лидеру интересно бороться. Получается такое неравное разделение людей: большинство – для поддержания человеческо-

го рода на земле, меньшинство – для развития человечества. Правда, развитие может быть прогрессивным или регрессивным. И, как бы, разрушительно не повело себя это деятельное меньшинство, оно не способно остановить подпитку новым ресурсом – молодым поколением, – которое предоставляет выживальщики. Деятели и выживальщики в жизненном пространстве перемешаны, в общем, равномерно. Получается довольно равновесная система. Выживальщики, в разных слоях общества, прицеплены к ближним деятелям. Так как деятели очень разные, идеи и цели разнообразны, то вроде нормально, идёт постепенное изменение общества с помощью механизма компромиссов – сдерживания.

– ...как скрепы... – пробормотал Будасси. Он смотрел на противоположную стену, во взгляде чувствовалось какое-то туманное отрешение.

– У? – Ананьев не сразу понял, – а-а, ну не совсем. Всё же скрепы два бревна соединяют, а тут, скорее, паутина. Крепкая и гибкая. Но ключевых точек крепления не так уж и много. Правда, если их порвать, то паутинка отвалится и свалится, из ажурного узора превратится в серый комочек волокон. Который только и можно, что вымести веником.

Будасси улыбнулся и кивнул. Ананьев снова перешёл к изложению.

– Да, действительно, намекаю, что мы с тобой в той жизни тоже такими кристалликами были... узелками паутинки. А сейчас, что-то мало вокруг нас желающих сеть вязать. На-

оборот, стараются подальше держаться. Как там называют – прослойка Непонятный период в истории... и как назло, на нашем веку. Сначала, после революции, потеряли слой творческих деятелей – много уехало, вымыта основная его часть, а сегодня окончательно добиты и остатки – посажены или принуждены к молчанию. Так что осталась огромная масса выживальщиков, которым приходится прикрепляться за самого главного, да который ещё и очень далеко. И невдомёк выживальщикам, что главный может ошибаться. Его ошибки просто транслируются до самых низов, не проходя через сито сдерживающих компромиссов. От этого выживальщики ещё больше бесятся в попытках выжить – ещё сильнее кричат о полном повиновении вождю и стараются добить остатки деятелей на местах.

– Всё-таки, есть польза, что мы в ГУЛАГе работаем, – Будасси воспользовался паузой, – вроде вольные, а вроде рабы, можно вот так запросто рассуждать, не посадят.

Ананьев похлопал по бедру, пытаясь вновь заинтересовать кошку Но та надменно посмотрела на него и отвернулась.

– Во какая, независимая. Как жрать, так бежит, ластится под ногами, а как погладить сытую, так нос воротит, – Будасси прокомментировал и вернулся к основной теме, – Хотя я думаю, всё проще. У нашего вождя цель появилась, а старые инструменты он основательно поломал. Остались осколки, вроде нас с тобой. Надо и поберечь. Может этими остат-

ками и получится дело сделать. Ты ведь тоже чувствуешь, много нам стали прощать. Три года назад – в лагере доходягой, а теперь – на автомобилях возят и в красивых домах селят.

6

Виктор замер, не успев опуститься на стул. Ощутил, что подушечки пальцев, которыми он опёрся на столешницу, стали увлажняться. Мозг начал стремительно перебирать варианты, пока глаза таращились на книгу, лежащую у него на столе. Взял себя в руки, осмотрелся: стопка листов с замерами склона, два учебника по механике, пять рулонов ватмана, прижатые рейсшиной, большие счёты с костяшками и это... На листе с набросками новых линий железнодорожных путей лежала чужая истрёпанная книга в основательном переплёте, как бы небрежно оставленная читателем на некоторое время, пока он ненадолго отлучился.

Узкий луч утреннего солнца, прорвавшийся через вертикальную щёлочку между штор, как будто издевательски выделял крупное золотистое тиснение на синей обложке книги – православный крест. "Солнечный беспредел", – так обычно Виктор про себя задорно комментировал ослепляющее действие солнца на глаза. Теперь же он сглотнул и медленно опустился на стул. "Евангелие"... Кто же этот доброжелатель? Виктор пытался оценить обстановку. За соседним столом,

Пётр Николаевич сосредоточенно водил пальцем по столбикам чисел, перекидывал костяшки на счётах. В ближнем углу, Елизавета оттачивала карандаш. Спереди, два техника, из заключённых, с которыми не полагалось вести разговоры, делали дубликаты чертежей через копировальную бумагу. Виктор повернул голову вправо. Рядом с входной дверью, в своеобразной нише из шкафов, сидел ещё один человек – Архип, которого все остерегались. Вроде, никому ничего плохого он не сделал, но, подспутно, ощущалось что-то неприятное в его мелких беспорядочно рыскающих глазках. В обязанности Архипа входило подшивать бумаги в дела и контролировать переписку между подразделениями – он числился секретарём технического отдела. Пётр Николаевич пару раз давал знать Виктору, что с этим человеком нужно быть аккуратнее – сидит за изнасилование малолетней и, вроде... постукивает.

Виктор вложил подбородок между большим и указательным пальцем и уставился на крест. Золотое тиснение... восьмиконечный... две горизонтальные и одна наклонная перекладина. Внутри похолодело. Он отчётливо помнил историю чистки комсомольских рядов в институте. Кажется, Сергеем того правильного парня звали. Да, тот, который, ходил с выпяченной грудью и не упускал случая, чтобы не попрекнуть всяческие отступления от истинной идеологии партии. Тогда Виктору запомнилась брошенная Сергеем фраза: "Нет доверия – нет творческого процесса". Во время товарище-

ского суда – нового тогда явления, Виктору досталось – обвинили, что он слишком "массово использует зарубежные источники информации". Касалось это учебников по специальным вопросам механики. Но, вероятно, слишком рьяное усердие в борьбе за чистоту комсомольских рядов, сыграло с Сергеем злую шутку. На него нагрянула проверка и в его комнате, в общежитии, нашли религиозные книги. Оказалось, что он утаил своё истинное социальное происхождение – оказался сыном священника. Сергей сопротивлялся, мол, небрачный сын, но больше Сергея в институте не видели.

Наконец, Виктор пришёл в себя (вроде, с социальным происхождением было более-менее нормально), не суетясь, вытащил из-под кипы черновиков испорченный чертёжный лист и сделал два сгиба. Решительным движением вложил под сгибы книгу, зажал подмышкой рулон с текущим проектом и направился к выходу. Проходя мимо стеллажей с общими бумагами, быстро выложил на свободное место опасную вещь и мельком взглянул на Архипа. Тот открыто смотрел на него. Сальные глазки... Виктор вызывающе поднял подбородок, рванул на себя чуть приоткрытую дверь и широкими шагами вышел. По лестнице уже спускался медленно, чувствуя навывлет стучащее сердце. Мерзкое ощущение недоверия сковывало разум. Неужели, я в чём-то виновен? Зачем такими методами проверять? Виктор толкнул массивную дверь на улицу. Солнечный свет ослепил. Порыв ветра заставил глубоко вдохнуть. Свежий воздух несколько успо-

коил.

На скамейке, справа от входа, сидел Егорыч и прутиком царапал на земле какие-то линии. Виктор подошёл и опустился рядом.

– Виктор... что случилось? Какой-то встревоженный, что ли? – Егорыч скользнул взглядом.

– Да, так...

– Производственные проблемы? – Егорыч ткнул пальцем на рулон ватмана.

– Скорее социальные...

– А... ну, здесь такая среда... всё же, лагерь.

– Непривычно, как-то...

– Человек ко всему привыкает, – Егорыч выпрямился и опёрся спиной о стену, – а к старости, вообще, легко стало... каждому дню радуюсь. Давай я тебе одну историю расскажу... о рыбках.

– Хм... – Виктор удивлённо посмотрел на Егорыча.

– В самом расцвете своей жизни я много чем интересовался. Да, до революции... был у меня аквариум. Друг работал в зоопарке. Новых рыбок знакомым аквариумистам раздавал, чтобы статистику по содержанию и разведению набирать. Я обычно простых рыбок держал, данию, например... такие полосатые... сине-жёлтые полосы.

Виктор кивнул, хотя никогда не интересовался аквариумом и цветных рыб, уж точно, не видел.

– И вот однажды, друг принёс очень необычных рыбок.

Сплошь чёрного цвета, они привлекали внимание издали. Удивление вызывал рот, развёрнутый кверху, довольно широкий и крупный. К тому же, из-за симметрии спины и брюшка, казалось, что они плавают вверх ногами... тьфу ты, вернее, кверху брюхом. Ещё удивительный хвостовой плавник – лира с удлинёнными лучами на концах! Да и название рыбок зачаровывает... моллинезия, аквариумисты называли кратко – молли. На слух, прямо какое-то иностранное женское имя. К тому же, рыбки живородящие.

– Как это живородящие? – Виктор встрепенулся.

– Да, в наших краях такие не живут, – Егорыч обрадовался произведённому эффекту и оживился.

– Эти рыбки как люди оплодотворяются. У самца специальный острый плавник есть, гоноподий, называется. Он его вводит самке в половое отверстие и молоку передаёт. Икра развивается в брюшке самки и, когда зародыши сформируются, то выходят... Там, вообще, интересно: выпадает икринка, в воде и раскрывается... падает шарик и хлоп – плывёт рыбка.

– Ничего себе, – Виктор округлил глаза, – ну природа даёт, – осёкся и больше не прерывал Егорыча.

– Ну так вот, принёс двух самцов и самку. Мальки, в сантиметр длиной, уже легко отличаются по половым признакам, у самцов быстро вытягиваются кончики хвостового плавника, а спинной становится крупнее, чем у самок. Всё лето рыбки мирно сосуществовали, но к осени начались

неприятности. Самка стала агрессивно нападать то на одного самца, то на другого. Размножаться она, вероятно, не планировала. Люди часто думают, что рыбы – это существа, которые просто плавают и едят. Но нет, иерархия существует нешуточная, даже в мирных стаях. Сильные особи рьяно показывают свой нрав, особенно, при кормлении. Пока не насытятся, других не подпускают. И вот, такие отношения сложились и у молли. Самка делалась всё крупнее и агрессивнее. Мало того, что она не подпускала к кормушке самцов, даже когда уже наедалась, так еще и, эпизодически, гоняла их по всему аквариуму. Самое поразительное, рыб других видов, как будто, и не замечала. Самцы, от недокорма и стресса, зачахли и зимой погибли. К весне у этой узурпаторши начали удлиняться кончики хвостового плавника, а к лету, увеличился и спинной плавник – стал развевающимся флагом. Верный признак того, что самка перерождается в самца.

– Ну, это уже фантастика, – Виктор не выдержал, – такого не бывает.

– Вот я и говорю молодым, интересоваться надо не только индустриализацией... – Егорыч доброжелательно посмотрел на Виктора, – Да, такая у этих рыб природа, они в процессе жизни могут менять пол. В Америке вот так... – Егорыч подмигнул, – требуется для выживаемости. А дальше, гермафродит установил у кормушки свои правила и для остальных обитателей – подпускал только когда насытится. Мне при-

шлось прибегнуть к некоторому насилию: пять дней отгонял его от кормушки палочкой. Да, да, банально щёлкал по бокам, ну, мол, остальным тоже надо есть. Кончилось тем, что когда я подходил к аквариуму, он забивался в заросли и выплывал к кормушке только когда я отходил метра на два. Как назло, он ещё более преобразился, но любоваться его красотой можно было только на расстоянии.

Виктор попытался нарисовать в воображении картинку, с недоверием слушая рассказ.

– Вот так он и жил два года, пока я не подселил ещё одну рыбку. Очень редкая рыбка оказалась... травоядная, без плавательного пузыря с ртом-присоской: знай себе, ползает по листьям. По латыни, гиринохейл, называется. И как только подселил его в аквариум, так ситуация изменилась. Гиринохейл стал выгонять самца молли из зарослей, которые тот присмотрел. Со временем, и вовсе обнаглел, стал присоской своей прилипать к широкому телу молли. Такого не ожидаешь увидеть. Носятся кругами по аквариуму, у молли кончаются силы и, бац, тот присасывается. Молли замирает на месте и дрожит. Не знаю, то ли от испуга, то ли от боли – голова к поверхности воды и мелкая судорога пронизывает тело. Гиринохейл уплывает, а эта всё дрожит. Минут пять... Через три дня, гляжу – совсем плохо. Рыбка отошала, полуживит на дне, чешуя взъерошена – чувствую, не жилец. Так и есть, погибла на следующий день. Я уж расстроился, думал с остальными рыбками этот травоядник также поступит, но, к

удивлению, ничего не происходило – все мирно сосуществовали. Правда, остальные рыбки довольно мелкие – на таких не покушается. Но это ещё не всё. Закончилось для гиринохейла плохо. Через пару лет, как-то, смотрю, и не нахожу его в аквариуме. Ну думаю, спрятался – коряги, заросли... есть, где укрыться. А вот, делал уборку в комнате и веником вымел из угла сушёную рыбку. Удивился: донная рыба без плавательного пузыря, как могла выпрыгнуть? от поверхности воды кромки аквариума выступали на семь сантиметров. Вот такая история.

– Да уж... природа, – Виктор почесал затылок.

– Я к тому рассказал, что некуда было деваться разным рыбам, пространство-то у них ограничено, а амбиции... – Егорыч запнулся, вероятно, осознал неуместность применённого к рыбам слова, но всё же продолжил, – ладно, пусть, будут амбиции... как у людей, разные. Вот мы в лагере тоже, как в аквариуме, приходится подлаживаться.

Виктор молчал, рассматривая бороздки рисунка на земле.

– Егорыч, а чего ты на земле накарябал?

– Так новую идею сверху спустили – в каждом районе Строительства велено макет канала соорудить, чтобы как можно больше людей понимало, зачем всё это... Ковалёв попросил заняться. Вот и размышляю, что, да как.

К концу занятий наступали страшные десять минут. После объяснения нового материала, Сергей Иванович придавал лицу грозный вид, закатывал рукава рубашки и шёл между рядами притихших учеников.

– Ты! – Сергей Иванович взметнул руку, вытянул указательный палец в направлении выбранной жертвы, – формулу соляной кислоты? быстро... быстро. Сбитый с толку, Санька вскочил и, запинаясь, стал перебирать все известные ему кислоты, пытаясь попасть в правильный ответ.

– Ты! Принеси полстакана гидроксида водорода! – ловко всучив ошарашенному Андрюхе гранёный стакан и помахивая рукой в сторону коробки с баночками химреактивов, подгонял, – быстрее, быстрее. Естественно, парень машинально шёл к шкафу, тогда как ведро с водой стояло в другой части комнаты.

Несмотря на крупную комплекцию, Сергей Иванович динамично жестикулировал. Полы рубашки выбивались из под ремня, удерживающего мешковатые брюки. Чёрные брюки к концу занятий становились светло-серыми, покрываясь слоем пыли от мела.

– Так, а вот ты! – Сергей Иванович не обращался ни к кому по имени, осознанно сгущая краски, – что будет, если я волью в тебя стакан угольной кислоты. Охваченный ужасом, Иван хлопал глазами от неожиданного вопроса, не понимая, откуда ждать помощи. Ребята, далеко не робкого десятка, вжались в стулья и старались не смотреть в наливши-

еся, как казалось, кровью глаза Сергея Ивановича. Получив желаемый эффект, он смягчился и спросил:

– Ты что, никогда сельтерскую воду не пил?

– А что это такое? – удивился Иван.

– Ха! Во, деревенщина, газированную воду никогда не пробовал! – Санька, на правах городского жителя, показал своё превосходство. Иван промолчал.

Занятия по обучению взрывному делу проходили на фоне необычного эмоционального террора профессора химии, осуждённого за антисоветчину.

– Хорошо, поднимите руки, кто из вас пробовал хлорид натрия, – иногда вопрос задавался всей группе и некоторые, предпочитая не высываться, не поднимали руку. Тогда Сергей Иванович схватился за голову: "Что, вы поваренной соли не ели?"

К подаче теоретического материала Сергей Иванович подходил основательно. Вслед за написанным на доске уравнением химической реакции, шла демонстрация самой реакции в колбах и пробирках, сопровождаемая ироническими возгласами "а не долбанёт?" и неожиданными эффектами: или бурным выплёскиванием содержимого, или резким изменением цвета, или неведомым запахом. Казалось, что лагерная жизнь не сильно повлияла на стиль преподавания старого профессора. Пару раз, Ковалёв пытался повлиять на него, указывая, что на курсах взрывников необходимо давать только то, что нужно для практических целей, но Сер-

гей Иванович не отступал и даже требовал достать ему химреактивы. Вероятно, Ковалёву нравились эти уроки химии и он, с любопытством, наблюдал за действием из своего угла.

В этот раз, Сергей Иванович закончил занятие значительно раньше и, не входя в привычный образ, тихо спросил:

– Ребята, а как вы думаете, что пробуждает творческий процесс?

Все, в ожидании продолжения, молчали. Сергей Иванович неспешно, с сожалением, произнёс: "Вот и я не знаю. Но давайте порассуждаем. Ваши версии? смелее, смелее". Ребята постепенно оживились, начали предлагать варианты.

– Когда нечем заняться, еда есть, тепло есть, можно подумать о чём-нибудь ещё, – Санька категорично вынес свой вердикт.

– Человек, как хищник, хочет превосходить другого, вот и ищет пути – кто кулаками берёт, кто умом, – никто не ожидал услышать это от Ватрушки, сидевшего среди своих красок, в одной руке держа карандаш, а мизинцем другой ковыряя в носу.

– Нет, творчество – это, наверное, потребность, как есть, спать и размножаться, – идеализированные мысли бродили в голове Ивана, он их даже вполголоса озвучил.

– Ха, только не все это знают, – брякнул Андрюха и посмотрел на Ватрушку, – эй, хватит козявки под стол вешать.

– Вот, например, дал мне Будасси задание, сделать добротный помост для смывной площадки... – Иван пытался

объяснить

– Что ещё за площадка? Хватит заливать! – набросился Санька.

– Не мешай, – Иван невозмутимо отмахнулся и продолжил, – да, будет такая площадка. Будасси проект уже сделал, осталось только построить. Грунт с платформ водой из гидромониторов смывать будут, вместо ручной разгрузки. Подъехал состав, борта откинули, мощная струя ударяет по грунту, сбрасывает его вниз на площадку, по которой он сползёт по лотку в овраг.

Иван вспомнил фотографию в "Перековке" с работ на карьерах и сжал в воздухе два кулака, как бы вцепившись в рукоятки гидромонитора, поводил ими из стороны в сторону, будто строчил из пулемёта.

– И вот, Будасси спрашивает меня, можешь сделать деревянный помост?

– Тебе Будасси задание дал? Да откуда он тебя знает? Кто ты и кто Будасси, – Санька не унимался.

– Я ему портфель принёс, а он говорит, мол, мою фотографию в газете видел и ему плотник хороший нужен, – Иван даже, как ему показалось, покраснел. – сначала я, конечно, подумал, делов-то, мол, быстро управимся, но когда размеры увидел, то... Это ж, танцплощадка целая, надо, чтобы стыки не расползались, плоскость не коробило, условия ого-го, то намокает, то высыхает...

Иван замолчал в задумчивости, ребята молча смотрели на

него.

– Ну...? – Санька не выдержал.

– Вот тебе и ну... теперь думаю, какой толщины бруски брать, как стыки делать, куда клинья ставить... даже немного в черчении понимать стал, с одним конструктором чертёж делаем... вот... творчество.

Сергей Иванович улыбался, а Иван, в который раз, корил себя, что тогда не признался Будасси, ведь бутерброд, с толстым ломтем колбасы, которым угостил его Ващенко, был из портфеля Будасси.

В клубе началось оживление: входили и выходили люди. Наступало время следующих занятий – уже для широких масс. Ликвидацию безграмотности старались поставить на поток. Те, кто чуть научились складывать слова, участвовали в процессе вовлечения в обучение новых людей. Для них Ковалёв пробил у начальства дополнительный паёк – сто грамм хлеба и половник похлёбки. Шло соревнование между лагпунктами всего Дмитлага – где масштабнее проходит искоренение безграмотности.

– Иван, помощь твоя нужна, – Ковалёв говорил негромко, но достаточно, чтобы Иван повернулся к нему, – снова не хватает букв. Разрезать надо. Перед Иваном уже лежал лист фанеры с начертанными контурами печатных букв в рамках. Не полный комплект алфавита, а только по десятку разных гласных и часто встречающихся в словах согласных.

– Что так много букв "Д"? – Иван считал, тыкая пальцем, –

пятнадцать.

– Да, слова нынче такие, – Ковалёв показал на четырех человек, сосредоточенно нависших над столом и складывавших слова с помощью разрезной азбуки. Вероятно, шло соревнование – кто быстрее. Пожилая женщина, с прядкой выбившихся из-под косынки седеющих волос, зажала кончиками губ какую-то букву, одновременно перебирала руками в общей большой буквенной куче. Ковалёв прокомментировал: "Ишь ты, как схватила на опережение".

На столе постепенно выстраивались четыре одинаковых фразы: "УДАРНИК ДЕЛАЙ ДЕЛО, ДОЛОЙ ЛОДЫРЕЙ!".

8

Девушки шли впереди. Огромный белый бант Светы, – как у школьницы, – качаясь, плыл среди однообразных кепок и цветных косынок. Трудовой народ вывалил в воскресный день на набережную Москвы-реки. Вика, подруга Светы, ничем примечательным не выделялась, коротко стриженные тёмные волосы не могли развеяться от порывов тёплого весеннего ветра. Она не волновалась и за подол юбки, как это бывало у встречных девушек, смущенно придерживающих готовую вспорхнуть лёгкую материю. Света вертела головой, весело зыркала глазами и, периодически, взмахивала рукой, порываясь побежать поперёк людского потока, то к необычной скульптуре, то к очередному павильону

Центрального парка культуры и отдыха. Вика одёргивала подругу, заставляла идти в основном потоке, оборачивалась, с укором смотрела на Максима, будто говорила: "Что жена у тебя такая непосредственная!". Максим поднимал подбородок, разводил ладони в стороны, как бы обозначая ответ: "Ничего не попишешь, пигалица такая, везде поспеть хочет".

Виктор с Максимом старались держать от девушек дистанцию, хотя бы метра три, чтобы те не слышали их разговора.

– Недавно в командировке на Магнитке был, – Максим повёл головой, недовольно скривил губы, – насмотрелся. Не понимаю, как в таких условиях можно что-то делать. Думал, это город, а как вышел из поезда, так в ступор встал. Вокзал там – это старый вагон, а поселение – бесконечные ряды палаток и землянок, только несколько бараков вдалеке. Не знаю, как два месяца там выдержал – ни матрацев, ни одеял, Соломы, – подушку набить, – и то не найти – сплошь гнилое сено. Плесень, сырость... Если бы не водка...

– Ну, не удивил, по всему ГУЛАГу так, – Виктор пожал плечами.

– При чём здесь ГУЛАГ? я тебе не о зеках говорю, – Максим повысил голос, но, заметив, что Вика обернулась, спустился почти на шёпот, – там за зарплату... с семьями... обычные люди работают.

– Ну, а как? Сначала дело, потом быт. Что толку без построенного комбината возводить город на пустом месте? –

Виктор не сомневался в своей правоте.

– Считаешь, что нельзя нормально всё параллельно развивать? Надо нагнать людей, бросить их на голую землю, а потом ждать ещё несколько месяцев, когда проект до конца на бумаге доделают?

– Ну, конечно, так не считаю, Но не бывает, чтобы всё гладко проходило, – Виктор качнул головой, – ты же понимаешь, темпы какие озвучены. Вторая пятилетка ещё грандиознее.

– Эх, Витька, сколь тебя знаю, всегда такой – весь в технике. Ты и на земле спать будешь... но остальные люди человеческих условий хотят. Вон, посмотри на Светку – мой цветок. Что скажешь, нормально везти её в гиблую ссылку? Вытаскивать из уютной московской квартиры и бросать в гнилую палатку, где вместо паркета сырая земля, а вместо витражных окон мутное целлулоидное отверстие. Что? Заслуженно?

– Нет, ну каждому своё, – Виктор смутился, – конечно, правильно говоришь, да вот не получается.

– Ничего, получается. Вот я в аспирантуру поступил, потом думаю в проектное бюро осесть.

– Как? Туда же сейчас только образцовых коммунистов с плотными связями берут.

– Да, вот связи и есть. Помнишь, два года назад меня на усмирение крестьян отправляли? Ну, волнения против коллективизации?

Виктор осунулся, кивнул. Максим продолжил: – Вот, секретарь парткома и поддержал мою кандидатуру в аспирантуру.

– Ребята, да хватит вам между собой шушукаться, – Света беззаботно всучила каждому по мороженому, – пойдём на свободную скамейку, – и ускорила шаг, чтобы занять пустующие места.

Полуденная жара, добравшаяся до тенистых участков городского парка, сделала свое дело: усмирила пятилетнего пацана, возившегося с игрушкой, ввела в сон мамашу с коляской, подсевшую на скамейку к дремавшему с газетой пожилому мужчине, обессилила стайку школьников, приглушив им гомон и расслабила двух ворон, мирно покачивающихся на кончиках веток под приятным ветерком.

Единственным нарушителем спокойствия была маленькая кудрявая белая собачонка, резвившаяся на свободном от деревьев участке. Она пробежала несколько метров, останавливалась и принималась неприятно тявкать. Старушка-хозяйка поспешно шла за ней, негромко ругалась – пыталась поймать поводок, волочившийся по земле. Неудачи старушки с поимкой поводка забавляли собачку – она всё громче лаяла, заставляя хозяйку нервничать и переходить на покрикивание, начинавшее раздражать окружающих.

Очередной акт собачьего развлечения прервала одна из ворон: она грациозно подлетела к поводку, подхватила его клювом и поднялась в воздух. Собачка нервно отреагирова-

ла: понеслась, заливаясь лаем-визгом. Она старательно обгоняла ворону, останавливалась отдышаться, задирала голову вверх, смотрела на обидчицу. Та, невозмутимо, пролетала вперед, вынуждая собачку вновь бежать. Со стороны получалось – ворона тащит собачку. Старушка бежала, вернее, шла, как могла, за тандемом, без шанса нагнать. Ворона направляла собачку по непредсказуемым петляющим траекториям.

Парк пробудился: пятилетний пацан проговорил: "Волона уклала собачку", мужчина с газетой прошептал: "Ничего себе", мамаша с коляской покачала головой, школьники загоготали, Внезапно вторая ворона сорвалась с ветки и полетела к своей подруге, которая выронила поводок. Старушка, находясь в двух шагах от петельки, собралась было нагнуться, но сменщица ловко подхватила поводок и аттракцион продолжился: ворона тащит – собачка тащится – старушка кричит.

Ситуация изменилась спустя пару минут. Собачка, вконец, обессилила, остановилась, присела и начала... мочиться. Ворона потеряла интерес и отпустила поводок. Старушка, наконец, добралась до собачонки. Вороны, вернувшись на дерево, победоносно прогорланили: "Кар-р-р".

Напряжение спало, и воцарилась спокойствие: умиротворенная старушка понесла домой замолчавшую собачонку, пятилетний пацан опять взялся за игрушку, мамаша принялась покачивать коляску, пожилой мужчина уткнулся в газе-

ту, школьники затараторили, а вороны, сидя на ветке, продолжили блаженствовать под ласкающим ветерком.

– Вот так аттракцион! – Виктор нарушил молчание и повернулся к Максиму. Тот сидел, полуоткрыв рот, смеялся глазами. От реплики он встрепенулся: – Да, чего только не увидишь. Даже в природе есть насмешка, хотя собачке явно не до смеху, но со стороны наблюдать весело.

Порыв ветра хлестанул огромное, метров пять на пять, плохо натянутое на стене павильона полотнище. Лицо на полотне то, как бы размывалось, как только лучи солнца выходили из-за туч, то контрастно проявлялось, когда солнце скрывалось. Чуть свисающие кончики мохнатых усов прикрывали едва заметную не то улыбку, не то усмешку. Тёмные глаза под слегка приподнятыми бровями остро наблюдали за скоплением людей на площади сквера. Жёсткие, немного волнистые, зачёсанные назад волосы на голове сохраняли монументальность, даже при сильном ветре.

– Пойдём к реке, – Света потянула ребят к набережной.

– Весной, с водой ещё ничего, а вот к концу лета в этом месте – по колено, траву на русле видно. Москва-река, а как захудалая речушка в какой-то деревне, – Вика, с огорчением, смотрела вдаль.

– Вот канал до Волги дотянут и придёт вода, будет полноводная река, корабли пойдут, – Виктор неторопливо облокотился на массивные кованые перила, установленным вдоль берега.

– А ты откуда знаешь? – Света округлила глаза и посмотрела на Виктора.

– Так он работает там... – Максим приобнял Свету за талию.

– Расскажи, как там дела идут? – Вика заинтересовалась.

– Да чего там говорить, трудная работа. Тяжело, но движется. – Виктор недовольно посмотрел на Максима. Как грозное напоминание, в сознании, проступила узкая полоска бумажки типографского текста с грифом "Сов. секретно", под которой пришлось ставить подпись. Крайне неприятное обязательство: никогда, никому и ничего не рассказывать о Строительстве под угрозой наказания за разглашение важной государственной тайны.

– Какой же ты неразговорчивый, – Вика поморщилась. Виктор заметил, что она скользнула взглядом по двум неотстиравшимся пятнам на его рубашке. – Скорее бы уже построили, надоело это болото, – театрально повела рукой в направлении отмели.

Внезапно, парк наполнился торжественной музыкой. Громко заиграл "Марш авиаторов". Виктор посмотрел на высокий столб, заканчивающийся четырьмя большими колоколообразными громкоговорителями – каждый охватывал свою сторону света. Невольно вспомнились мощные прожекторы около новой ветки на Глубокой выемке.

Красные флажки на столбах вдоль набережной создавали резкий контраст с чуть пробившейся зеленью почек дере-

вьев. Тоненькие тёмные прутики- веточки не могли спорить с силой алых полотен, весело шуршащих на ветру. Виктор любил этот яркий цвет с детства. Родители часто оставляли его с родной бабушкой в Дмитрове. Та работала на дому портнихой. Раз в неделю, Виктор с бабушкой ходили в мануфактуру. Он оставался на проходной, стоял, покорно прижавшись к стене. Бабушка неловко семенила, нерешительно толкала железные, толстые прутья-лопасти, насаженные на ось. Вертушка, скрипнув, пропускала бабушку, и она исчезала из виду. Виктор, в это время, не знал, чем себя занять: то посматривал на мрачного сморщенного старичка-охранника в очках, то ковырялся пальцем в щелях ноздреватых, плохо обтёсанных, досок стены неряшливо сколоченного сарая у проходной. Минут через пятнадцать бабушка возвращалась с сумкой, взъерошивала Виктору волосы, – отдавала похвалу за спокойное поведение, – и он улыбался. Она приговаривала свою любимую фразу: "Будем живы – не помрём!" и они медленно возвращались домой.

Виктор с четырёх лет знал весь процесс изготовления ярко красных флажков. Мануфактура выдавала уже раскроенные куски, вероятно, чтобы у частных не было возможности проводить махинации с остатками ткани. Шёлковые прямоугольники, матовые с одной стороны, глянцевые с другой, бабушка скрепляла иголками попарно – матовые стороны оказывались снаружи – это была изнанка. На этой стороне бабушка смело делала пометки мелом, обозначая места

под шов для исправления неровного края. Виктору очень не нравилось, как сосредоточенно, в тишине, бабушка втыкала иголки, не обращая на него внимания. Но зато потом процесс становился увлекательней.

Стук швейной машинки то ускорялся, то замедлялся – бабушка правой ногой мягко управляла качалкой-педалью. Виктор, в это время, не бегал по комнате, он смотрел как "Зингер" весело забирала ткань металлическими лапками, пробивала иголкой и отпускала, оставляя ровный шов красной нити. Ещё он ждал, когда шов оборвётся. Он знал, что челнок, спрятанный под железной шлифованной крышечкой, требовал периодической заправки. И вот шов обрывался, бабушка откладывала полотно, доставала из чрева механизма хитрую гладкую штучку, похожую на большого жука с металлическим усиком. Из его нутра выпадала шпулька. Заполнять шпулю ниткой нужно было на специальной оси с краю швейной машинки. И здесь бабушка давала Виктору возможность поучаствовать в процессе. Он деловито садился на бабушкино место и раскачивал ногой качалку приводного механизма. Нить заполняла шпулю. Позднее, лет в восемь, Виктор уже знал названия некоторых частей швейной машинки, понимал, как подхватывается нитка. Часто заглядывал под столешницу, на которой закреплялся механизм. Зачарованно наблюдал, как челнок, без усталости, ритмично движется по дуге, выполняя нудную работу.

Дальше было не очень интересно. Получалось несколько

кучек по двадцать флажков. Бабушка опять давала Виктору проявить себя – обрезать нитки и мохрящиеся края изнанки. После этого она выворачивала и гладила полотна. Весело было наблюдать, как бабушка набирала в рот воды, фыркая, покрывала брызгами гляцевую поверхность ткани, проходила по ней утюгом и скрывалась среди клубов пара.

...Ребята устремились к какому-то павильону, Виктор, нехотя, поспевал за ними. Какая-то странная встреча уже бывших сокурсников. Всего год не виделись, кажется, только недавно делились жизненными целями, идеалами и как всё меняется. Виктор осознавал, что ставит слишком высокую планку для людей, которых можно считать друзьями. Его выбор всегда ограничивался двумя-тремя, с кем он мог поделиться проблемами, мыслями взглядами. Годами он приглядывался к людям, оценивал их поведение, примерялся и, лишь некоторым, понемногу, приоткрывался. Он чувствовал, что многие люди старались держать с ним дистанцию, чувствовали его тяжёлый характер и принципиальность, понимали, что если вобьёт себе в голову, то лучше не пытаться переубедить – всеми правдами-неправдами будет отстаивать свою точку зрения. И вот, после института только эти трое – прямоносый Максим, юркая Света и черноглазая Вика – очень дружные между собой – оказались единственными, с кем Виктор иногда встречался. Теперь он вдруг осознавал: похоже, такие встречи будут всё реже и реже. Банально, с ними было неинтересно. Он это просто чувствовал и уже

готовил предлог, чтобы отказаться от совместного похода на вечерний киносеанс. Да и предлог непротиворечивый – завтра вставать рано, много работы и надо успеть на пригородный поезд.

И Виктор опять стал терзать себя: как же так получилось с платформами Казанского? Почему опять эта дурацкая уверенность в успехе захватила его с головой? Как получилось что, взвесив все "за" и "против", он попал впросак? Да не просто сам по себе, а потащил и других. Три месяца назад он втайне радовался пылким словам Афанасьева: "Нет, Александр Владимирович, хоть вы и «против», я всё же принимаю решение – дорогу молодым". И через две недели прибыло сорок платформ и пошли результаты, а потом пошли разочарования – проблемы с механизмами, не рассчитанными на тяжёлые условия эксплуатации. А вот вчера, Афанасьев, побывав на высоком совещании, с раздражением, процедил: "Наконец-то, пристроил эти платформы. Железнодорожники забрали на какую-то стройку". Сам Виктор, слава Богу, не слышал. Будасси вечером рассказал, а потом показал проект смыва, заговорщически подмигнув: "Как думаешь, осилим?"

...А московские ребята всё отдалялись...

рваться от очередного отчёта. Два парня затащили большой деревянный ящик, держа его за рукоятки с противоположных сторон. Слова, из коряво начертанных мелом на фанерной крышке печатных букв, указывали адресата.

– Вот, прессу доставили, – Петя, невысокий парень в очках, провёл рукой по лбу и ткнул пальцем в переносице оправы. Второй, верзила, постарше, молчал, не поднимал глаз.

– Подтащите к тому столу... сегодня что-то много, – Ковалёв показал на стол в красном уголке, – вы пока идите на ужин, я быстренько отсортирую, потом по баракам разнесёте.

Ковалёв выдвинул щеколду на ящике, откинул крышку. Сразу шибануло в нос – насыщенный запах типографской краски. Ковалёву нравился этот запах, правда, если исходил от одной свежей газеты или журнала. Ковалёв даже немного отвернул голову, выкладывая содержимое ящика на стол: увесистые упаковки самой массовой газеты "Перековка", выходящей раз в три дня, десятков экземпляров ежемесячника "Долой неграмотность", связки газет на разных языках. Ковалёв языки не различал – каждую связку сопровождал клочок бумажки с карандашными надписями: "тат.", "тюрк.", "узб."

Наконец, он добрался до журнала "На штурм трассы". Намеренно пропустил оглавление, – так интереснее, – начал медленно листать. Слащавые рассказы, славно восхвалявшие чекистов и их методы работы Ковалёв улавливал по

первым абзацам – переходил к следующим. Лишь несколько небольших рассказов прочитал до конца. Долистал до конца журнала... не понравилось – захлопнул.

Обложка журнала "МоскваВолгаСтрой" заинтересовала. Крупная фотография профилей лиц Кагановича и Ягоды на фоне забоев, заполненных чёрным угольным дымом от паровозов. Комментарий под фото сообщал, что состоялось посещение Глубокой выемки высокими чинами, а следом шла статья Соболева. Ковалёв наскоро пробежался по страницам: экскаваторы, цифры, куботаж, отчётность. Всё шло по нарастающей... По нарастающей, с каждым номером, шло и наполнение журнала: статьи становились всё серьёзнее, с обилием математических формул и основательными чертежами конструкций. Чувствовалось, что к проекту привлекают всё больше инженеров и учёных – всё масштабнее развёртывалась сеть Дмитлага.

По роду своей деятельности Ковалёв одним из первых в лагере прочитывал свежий номер "Перековки" и только потом давал "добро" на рассылку по баракам. В этот раз, в лагерной газете напечатали текст выступления начальника Дмитлага Фирина на "Первом вселагерном слете ударниц". Высокопарные строки возвещали: "Мы, чекисты, считаем, что неисправимых людей нет... Нужно учитывать, что наша масса – это не обычная среднеобывательская масса. Это – люди, прошедшие через очень тяжелые жизненные испытания, – люди, выросшие и воспитавшиеся на уголовной улице

или в антисоветской среде. Нужно без грубости подойти к этим людям, надо помогать им встать на путь советской перекладки. На Белморстрое был обычай: лучшие коллективы соревновались за то, чтобы получить десять-пятнадцать откатчиков и поставить их на правильный путь. У нас обратное явление – все от них отмахиваются. Это неправильно! Нужно бороться за то, чтобы этих людей переделать!”

Ковалёв не заметил, как сзади кто-то подошёл. Лишь почувствовав дыхание в ухо, вздрогнул и резко обернулся.

– Фу-ты, чёрт, напугал, – перед ним стоял Джебраилов и бережно что-то держал в руках. Ковалёв перевёл взгляд. Фигурка, размером с бутылку: священник в рясе, в руке несёт огромный крест, около него два маленьких человечка.

– Э-то тэ-бэ, – натужно произнёс Джебраилов по слогам, сделал движение, мол, бери.

– Зачем? – Ковалёв отпрянул.

– Ты добр-рый, – Джебраилов поставил фигурку на стол. Ковалёв покачал головой, пощупал.

– Из чего это сделано?

– Из на-дож-ного ма-тэ-рыала, – Джебраилов развернулся и собрался уходить, но Ковалёв остановил.

Джебраилов, ты читать умеешь...? по-своему? – Ковалёв вытащил газетный листок из пачки с пометкой "тат."

– Эт-то на та-тарс-ком, – Джебраилов скривил улыбку, в два шага быстро скрылся за дверью.

"Что ещё за религиозное зодчество?" – Ковалёв раздра-

жённо, шёпотом, озвучил мысли. Быстро перенёс фигурку через комнату и спрятал в тумбочку: "...потом разберёмся".

Снова вернулся к чтению "Перековки". Заголовок очередной статьи – "На дне труда" – повеселил двойственностью смысла. Да уж дно труда достичь не проблема. Следующая полоса показалась для лагерной газеты необычной. Фотография с двумя рядами столов, на которых размещались шахматные доски. Необычно смотрелись стриженные головы, в задумчивости, склонившиеся над фигурками. Ковалёв читал: "...прокурор Крыленко поддержал проведение шахматного турнира...", ближе к концу: "...считаю уместным распространение этой практики по всем лагпунтам".

– Александр Павлович, мы вернулись, – Петя радостно грыз сухарь, его молчаливый приятель стоял рядом.

– Это хорошо, – у Ковалёва мелькнула мысль, – Петя! Ты в шахматы умеешь играть? – Ковалёв неделю назад решил вписать в штат культурно-воспитательной части этого смышлёного чернявого парня. Правда тот согласился лишь при условии, что его молчаливый приятель будет ему помогать. Ковалёв тогда уклончиво согласился, сказав: "Ладно, посмотрим".

– Ну... фигуры знаю, как ходят, – Петя посмотрел на газету и поморщился, – Крыленко? Это прокурор, который дело Промпартии вёл?

– Это хорошо, я думаю, все, кто в очках в шахматы умеют играть, – Ковалёв как бы не заметил замечание про Крылен-

ко.

– Ну, не знаю, – Петя смутился, но Ковалёв уже понял, что тот ему поможет: – Подожди! – подошёл к стеллажам около красного уголка и достал с верхней столешницы деревянную шахматную доску, сложенную вдвое. Раскрыл, высыпал деревянные фигурки. – Так. Сейчас расскажешь! – взял чёрную фигурку с остроконечной головкой, – это что?

Петя деловито покопался в горсти остальных фигурок и решительно ответил: "Слон!". Ковалёв, даже неожиданно для себя, хмыкнул: "Сам ты слон! Это офицер!".

– А это? – Ковалёв держал в руке коротенькую фигурку с приплюснутой головкой, окружность шляпки украшали четыре выреза, отчего фигурка казалась маленькой башенкой старинной крепости. Петя осторожно поднял глаза: "Ладья!". Ковалёв опешил: "Где ты таких названий понабрался? Это же, тура!".

Петя смущённо перебирал лакированные фигурки, вырезанные каким-то рукастым зеком. Потёртые, чуть сколотые края чёрных и белых пешек, белый конь без одного уха, чёрный король с острым колышком, на который когда-то был нанизан крупный шарик, такой же, как у белого короля. Петя поднял белую высокую фигурку с головкой, увенчанной большим диском и открыто посмотрел Ковалёву в глаза: "А это, по-вашему, королева?". Ковалёв кивнул: "А как же ещё?" Петя скорчил слабую улыбку: "Вообще-то, ферзь называется. Александр Павлович, вы устаревшие названия

помните, а после революции принято только правильные употреблять".

Ковалёв молча ссыпал фигурки внутрь доски, захлопнул половинки и ткнул доской Пете в грудь, отчего тому ничего не оставалось, как ухватиться за доску: "На... учёный! Объявляю тебе гарде! Будешь участвовать в шахматном турнире. И вот что... когда газеты по баракам будешь разносить, поспрашивай, кто умеет играть и записывай на турнир".

– Это можно. Только вот... – Петя опять посмотрел в пол, – просто так не согласятся, будут послабления в работе просить.

– Придумаем что-нибудь, – Ковалёв потёр ладонью подбородок, – Да, и в женский барак сразу занеси пару номеров "Каналоармейки", а то наши барышни жалуются, что женские журналы сначала мужчины читают.

– Петя, что такое гарде? – шёпотом произнёс всё время молчавший верзила и навис над ухом Пети, когда тот дёрнул выходную дверь.

Петя опустил связки газет на пол, ткнул пальцем в переносицу очков и вскинул указательный палец перед лицом верзилы: – Это, в шахматах, когда на королеву нападают.

– А, понятно... на ферзя, – верзила деликатно распахнул дверь, подхватил одну из Петиних связок газет и пропустил его вперёд.

Ковалёв проводил ребят взглядом и направился к своему углу. Достал из верхнего ящика стола толстую тетрадь, про-

листал до пустого листа, отрешённо посмотрел на него, потрянул головой и выдвинул нижний ящик стола. Вытащил оттуда гранёный стакан, послунявил указательный палец, провёл по ободку стакана. Початая бутылка водки стояла за большим листом фанеры, который, в перспективе, должен был превратиться в очередной агитационный стенд. В голове уже сформировалось решение: "Нет, сегодня ничего нового не напишу, попробую поредактировать".

* * * Записи Ковалёва. Механический крючник. * * *

– Ну, что вы за люди! Доски для пола нормально не пригнали... разделитель у лебёдки не поставили, – Олег выговаривал бригадиру плотницкой бригады, – всё сроками прикрываетесь.

– Эй, Олег, хватит трепаться, пора запускать, – голос начальника участка положил конец спорам. Фотограф и корреспонденты "Перековки" тоже заждались.

Олег, ещё раз, осмотрел сооружение. Механический крючник... Широкая платформа нижнего основания позволяла заводить на подъёмный транспортёр гружёные тачки справа и снимать порожние слева. Металлический трос, обеспечивающий круговое движение "подъём-спуск", через систему натяжных колёс приводился в движение мотором, располагавшимся в будке верхней части сооружения. Свежеоструганные доски ярко выделяли дорожку подъёмного пути на фоне коричневой глины склона.

– Ладно, чёрт с вами, – Олег дал отмашку заждавшемуся наверху рабочему, – запускай. Нарастающий гул мотора и трос пришёл в движение. Захватные крюки на тросе медленно поплыли вверх. – Сейчас тачку прицеплю, – Олег повернулся к порожней тачке, ухватился за оглобли, поставил на колесо. Зараза, её и порожнюю тащить невозможно, как гружёные-то катают? Да ещё по десять часов. Неуклюже удерживая равновесие, он завёл тачку к подъёмному механизму, крюк транспортёра зашёл в петлю передней части тачки. Тачка, со скоростью полметра в секунду, стала подниматься по деревянному жёлобу с уклоном в двадцать градусов. Оглобли удерживали тачку, волочась по обитым кровельным железом перилам.

На верхней площадке рабочие отцепили тачку и дали отмашку Олегу. Кажется получилось. Можно и гружёную попробовать.

– Сейчас полную поставлю, – крикнул наверх, развернулся.

– Поберегись! Поставит он... видел, как ты порожнюю с трудом развернул... с таким узенькими плечиками только за столом сидеть... учёный, – огромный человек в светлой рубахе закатил гружёную тачку к транспортёру. Олег молча сориентировал петлю для надёжного захвата, и тачка поползла наверх.

Кажется, портрет этого человека в "Перековке" видел. Да, точно, тот самый передовик. По-моему, Матвей. Конечно,

кого ни попадя, на пробный пуск не пригласят. Олег иско-са посмотрел на человека среднего роста: лет сорока, немно-го вытянутое лицо, наполовину заросшее щетиной с оттопы-ренными ушами грушевидной формы и глубоко посаженны-ми глазами.

– Матвей, меня Олегом зовут, я из проектного бюро малой механизации.

– Привет, – смурной Матвей недовольно буркнул.

– Вот, хочю тачки на этом участке под механический крючник доработать. Вы, опытный человек, может подска-жете особенности работы. Просто, наблюдал, все по-разно-му возят.

– Ну, если власть велит... – Матвей, дождался пока тачка не поднялась на положенную высоту в семь метров и продол-жил, – каталем хожу уже три года, начинал на Беломорстрое. Сюда перевели полгода назад. Из старой бригады, нас десять человек – теперь в одном трудовом коллективе. Работу ор-ганизовали быстро, втягиваем новичков... ну, тех, которые хотят работать.

Олег посмотрел на Матвея. Что он мне читает передови-цу? Тот, видимо, понял.

– Я сторонник того, чтобы тачки и инструмент приписы-вали к каждому работнику – так можно подстраивать под свои нужды. Вот, например, эта, – он махнул на тачку, кото-рая, уже порожняя, спускалась сверху по соседнему жёлобу транспортёра, – называют “Юхновской”, с широким разво-

дом ручек. Они более устойчивые – на предварительной выемке не требуется хорошей маневренности. Но приходится ставить за такие тачки широкоплечих ребят.

– Чёрт, тяжёлая, – Олег подскочил к воротам на нижней площадке и принял спустившуюся тачку.

– Порожня – сорок восемь килограмм, а полная – все сто шестьдесят, – Матвей играючи перехватил оглобли и отвёл тачку в сторону. Дело пошло: рабочие, по очереди, подвели свои тачки к механическому крючнику.

– А, вообще, тачки надо делать индивидуальных размеров под конкретного человека. Вот, по новым расчетам из Дмитрова, начали делать тачки с шириной хвата восемьдесят сантиметров против девяносто двух на “юхновских”. Они менее устойчивые, но маневреннее. Правда для высоких и низких людей надо по высоте разные тачки делать. Очень чувствуется, когда в гору лезешь, высоким проще, центр тяжести ближе к колесам оказывается. Мы под рост разных людей рукоятки укорачивали. Так что, парень, не знаю как идеальную универсальную тачку сделать, – Матвей посмотрел на Олега и, зачем-то, как бы в назидание, добавил, – В ударных бригадах на разных участках самим всё дорабатывать приходится: тачки, лопаты, кирки.

– На этом участке, по плану, подъём механическим будет, – Олег вытянул руку и махнул снизу вверх, – думаю, для зимы тачки с полозьями сделать, на всепогодку – колёса оставить, но вот какой габарит принять, пока не знаю.

– Не знаю, чем тебе помочь, сам думай. Уж, наверное, габариты подберёшь. Получается только по горизонтали катать нужно, – Матвей резко переменял тему, как-то сник, – эх, теперь нормы порежут, здесь ничего и не заработать. Перейду на другой участок. Как нормальную сдельную оплату для трудколлективов ввели, можно и выгоду искать. Кто покрепче предпочитают на ручной подъём становиться, там ставка выше. А это... – он кивнул на подъёмник, – это хорошо для совсем хилых. Матвей смерил Олега взглядом снизу вверх.

Внезапно послышался скрежетающий звук и транспортёр остановился. На подъёме замерли четыре гружёные тачки. Наверху, из моторной будки повалил густой дым, выскочил моторист.

– Неужели мотор сгорел? – прошептал Олег, – с таким трудом нашли...

– Наверное, дублёром надо ручную лебёдку поставить, – вполголоса съязвил Матвей, – и меня за двойной паёк.

Олег спешно карабкался наверх по глинистому склону.

10

Ващенко оттолкнул заспанного дежурного, в барак влетели вохровцы.

– Всем встать, одеться, готовить личные вещи к досмотру! Заспанные зеки нехотя сползали с нар. В полутьме вытас-

кивали к проходу свой убогий скарб и недовольно шикали: "Пять утра... приспичило... дня не хватает..."

Макаров заметил в дальнем конце барака суетливое оживление и понял – цель его плана достигнута. Нужно было дать время, чтобы урки засветились.

Зеки удивлялись – проверка шла нестандартно. Слышалось недовольство: "А у нас руки не отвалятся? Это, надеюсь, не кислота?" Ващенко подходил к каждому зеку, требовал, чтобы он вытянул перед ним ладони. Один вохровец подносил ведро с мутной жидкостью, другой смачивал в ней белую тряпку и протирал руки зека, рукава одежды, засаленные места у карманов штанов. Ващенко заставлял вохровца периодически разворачивать к нему белую тряпку, желая увидеть результат.

Макаров тоже внимательно смотрел. Первым засветился дежурный. Химическая реакция безотказно сработала, оставив ярко-малиновое пятно, после того, как вохровец протёр у того рукав телогрейки. Макаров про себя ликовал, когда ещё у трёх человек, среди которых был и Лыков, пятна проступили после протирания мест ниже карманов.

– Нашёл! Тут целая пачка! – ещё один вохровец вбежал в барак, устремляясь к Макарову. "Вот!" – протянул бумажный свёрток. Макаров не взял, велел развернуть. Пачка денег. Ващенко переглянулся с Макаровым и уловил разрешение. Сам взял кусок белой тряпки, макнул в ведро и провёл по бумаге. Малиновый цвет проявился чётко. Зеки осозна-

ли, послышалось: "Теперь понятно!"

– Под окном заметил... выбросили... из щели... – вохровец поворачивался, то к Макарову, то к Ващенко, от волнения удавалось чётко выговаривать только ключевые фразы.

Макаров достал из кармана платок, аккуратно подхватил свёрток с деньгами, завернул, не дотрагиваясь до бумаги, и спрятал в карман.

...Засветилось. Именно так, Макаров охарактеризовал эффект, когда несколько дней назад увидел, как своенравный, неряшливый на вид, Сергей Иванович – зек-профессор, – смешивал компоненты.

– Берём фенолфталеин...

– Чего? – Макаров отпрянул.

– Ну, пурген! От запоров, в таблетках есть в медсанчасти.

– А, ну этого добра навалом. Тут запоров не бывает, зеки срутца без проблем, – Макаров смотрел, как профессор положил таблетку на стол, раздавил и немного растолок её металлическим основанием от какого-то штатива.

– Теперь... ну допустим сюда, – Сергей Иванович сыпанул щепотку порошка на тыльную сторону ладони левой руки, смахнул лишнее, – теперь берём щёлочь.

– Чего?

– Можно стиральную соду или... вот, точно... цемент и немного воды... этой водой и протирайте, – но Сергей Иванович капнул на руку из какого-то пузырька с мутной жидкостью, и ярко-малиновое пятно покрыло кожу.

– У-ух ты! – выпалил Макаров и уже благодушно добавил, – о, да вы опасный человек, Сергей Иванович.

– Что, не зря сижую? – Сергей Иванович ухмыльнулся. Макаров хохотнул.

...Очередь дошла до Клеща. Тот покорно вытянул ладони. Ващенко протёр их, потом выше, прошёлся по рукавам телогрейки, щедро смочил области у карманов. Макаров ждал, но малиновых пятен не появлялось.

Клещ удовлетворённо хрюкал.

– Начальник, да я то при чём?

Макаров сощурился.

– Ну-ка, дай сюда... – Макаров вынул из нагрудного кармана гимнастёрки маленький пузырёк с белым порошком и немного сыпанул на ладонь Клеща. Ващенко провёл тряпкой. Ярко малиновое пятно залило ладонь.

– Начальник, эт-то чего? чего? так не по правилам, все же видели, – Клещ простонал.

– Вот-вот, все видели. Ващенко, всех с метками тащи в ШИЗО, – Макаров развернулся к выходу.

Макаров был доволен. Засветилась вся цепочка. Теперь можно откалибровать добычу. Лишних списать на Север, тех, кто покладистее – оставить. Сеть информаторов из этого опасного сброда мелких воров, ходящих под Клещём, ему не нравилась. Естественно, лучше держать легко управляемых, самосознательных работяг. Те сами, как на духу, будут рассказывать, за идеалы. Макаров был доволен, что схе-

ма сработала. Выявлена вся цепочка: новёхонькое шмотьё, отобранное у новоприбывших, урки прятали в телегу вместе с вывозимыми на захоронение трупами, вольняшки, заловленные снаружи, признались куда сбагривали краденое, а маркированные деньги, через Аньку переданы курьеру и доставлены в общак Клеща.

– Лыков, где же ты так испачкался? – Макаров смотрел на Ивана, сидевшего с опущенной головой.

– Та-ам, – тот лишь промычал и затих, уставившись на руки, сложенные на коленях.

– Лыков, ты понимаешь, что тебе светит за кражу в составе группы?

– Ничего хорошего... но, я не знал, меня попросили – я отнёс... Ну, так же, как тогда Ващенко просил портфель передать, так и здесь, – Иван пытался оправдаться.

– Ну и как? Передал? – Макаров попытался изобразить заинтересованность.

– Будасси очень обрадовался, когда портфель увидел. Он думал, урки утащили, с концами. А там, по работе, важные расчёты, эскизы... Он даже мне рассказал о новом проекте разгрузки составов, – Иван тараторил.

– Ух ты, какое к тебе доверие, – Макаров переключился на суровость, – а ты непростой, с начальством, смотрю, ладишь... Это хорошо.

Иван молчал.

– Лыков, легко тебе живётся. Хорошеньким хочешь

быть... и ударником стать и бандитам помогать, – Макаров побарабанил пальцами по столу, – ну, ничего, теперь, в северные лагеря поедешь. Ты ещё молодой, закалишься, ударным трудом перекуёшься.

– М-мм

– Ну, ты же знал, чем Клещ занимается, чем живёт вся его свора?

– Догадывался, – Иван вдруг посмотрел в глаза Макарову, – но, они бы мне... меня... у меня же выход из лагеря свободный...

– Значит, на север не хочешь? – Макаров игрался внаглую, – ну, тогда будешь мне докладывать, что у Клеща происходит.

– Эт-то... стучать, что-ли? – Иван опять смотрел на свои руки, – они же меня убьют.

– Э, Лыков, как у тебя со словами-то непросто. Это называется, со-дей-ст-во-вать, – Макаров встал, подошёл к окну, – Кстати, на тебе ещё подозрение в науськивании к саморубной деятельности, твой же топор у Джебраилова был.

Иван молчал.

– Ну вот, всё понимаешь, даже не отнекиваешься. Иди... и вот ещё совет: держись Будасси, по нему тоже информация не помешает. Здесь тебе, наверное, проще будет, так как он тебе классово чуждый. Вон на него компромата сколько! – Макаров ткнул пальцем на стопку бумаг на краю стола.

Будасси стоял, облокотившись на перила обзорной диспетчерской площадки Северной станции. С пятиметровой высоты хорошо просматривались нитки железнодорожных путей, выходящих из забоев. "Вот и пятый путь проложили". По уклону натужно выползал гружённый состав. "Второпях насыпь делали, как бы не расплылась". Состав вышел к стрелке, диспетчер, по телефонной связи, отдал команду: "Двадцать третий на первый". Паровоз, не замедляя ход, вывел состав на путь, ведущий к свалке.

Гомон человеческих голосов заставил Будасси повернуть голову.

– Расходись, расходись в стороны, – Ващенко, размахивая руками, бежал вдоль мостков к диспетчерской. Позади него, по деревянным настилам вышагивала группа людей в голубых, с красными околышами, фуражках. Первым, без знаков отличия – худощавый, высокий, с огненным взглядом, следом, в порядке уменьшения количества ромбов в петлицах, ещё человек тридцать. "Сам Ягода решил посетить... ух, сколько ромбов ещё притащил... картина маслом – "царь и вельможи". Будасси ждал делегацию уже часа два. Афанасьев с самого утра приказал никуда не отлучаться от диспетчерской, говорил, возможно, Сталин, Ворошилов и Каганович захотят посмотреть. Но, вероятно, главные вожди ограничились просмотром лишь самой выемки, а мелкие вопро-

сы, вроде организации работ, интересовали лишь руководство НКВД.

"Оно и к лучшему". Будасси постучал костяшкой указательного пальца в стекло смотровой кабины. Диспетчер, с серьёзным видом, записал в разлинованную тетрадь, когда и сколько платформ куда переведено, переткнул штекер в гнездо на панели телефонного коммутатора и только после этого повернулся к Будасси.

– Эй, Сальников, комиссия на подходе. Давай, как договорились... Своди с первого, третьего и четвёртого забоев, с интервалом минут пять. На пятом ещё гружёные платформы стоят, пока не трогай их, не нравятся мне это полотно, бросили наспех, не хватало ещё при Ягоде завалить паровоз. Связь нормально работает?

– Я помню, сделаем... – Сальников, задрав голову, выслушал Будасси и кивнул.

– Хорошо, – Будасси резко снял локоть с перил. Хруст рвущейся ткани заставил матернуться. Повернул рукав гимнастёрки, потом посмотрел на деревянный брус – шляпка гвоздя торчала на несколько миллиметров. Недовольный, встретился взглядом с диспетчером.

– Есть чем гвоздь забить?

– Инструменты внизу, хотя посмотрите за кабинкой, там пара накладок рельсовых лежит.

Будасси поднял ржавую пластину. "Подойдёт". Вогнал гвоздь за пару ударов. Прошёлся по всему контуру перил.

Шлёпнул по другим гвоздям. "А заусенцев сколько..." Деревянные зазубрины на перилах. Матюгаясь, где отщипнул, где отломил.

"Так, кто там ещё? Коган, Фирин, Афанасьев... всё руководство стройки..." Будасси стряхнул завернувшуюся штанину, расправил гимнастёрку и подтянул ремень.

Процессия остановилась под обзорной площадкой. Афанасьев забежал вперёд Ягоды, слегка наклонившись, заискивающим жестом показал на деревянную лестницу. Тоненькая "струйка" сопровождающих начала перемещаться наверх, следом за Ягодой. Лестница, не рассчитанная на такие делегации, качалась и заметно вибрировала. Ягода остановился, буркнул вниз: "Эй, не все сразу, шас нахрен завалимся!" Процессия замерла, и оживилась, только когда Ягода вышел на площадку. Десяток квадратных метров не вместил всех – взошли только "четырёхромбные" и Афанасьев. Остальные, разочарованные, медленно спускались.

– Здравствуйте, Генрих Григорьевич! – Будасси состроил благодушную физиономию.

– Здравствуй, здравствуй, Александр Владимирович! – Ягода протянул руку, – наслышан, говорят освоился, кольцо запустил, – слегка кивнул в сторону Афанасьева.

– Да... работаем, – Будасси вытянул руку и тут же отдёргнул – следы ржавчины на ладони. Машинально смазал по штанине.

– Не страшно... я не чуюсь рабочей руки... сразу видно

– спец в работе, – Ягода сжал ладонь Будасси.

"Четырѐхромбовые" заспешили протянуть свои ладони, заискивающе улыбаясь.

– Так, ну давай, показывай, – Ягода повернулся в сторону железнодорожных путей, – вижу, не зря хлеб ешь.

По самому ближнему пути проходил гружёный состав. Суетливо стучали шатуны, заставляя мелькать блок колѐс. Плотный белый пар вырывался из форсунок.

– Десятый на первый, – уверенный чѐткий голос диспетчера отдал команду, как только состав прошѐл стрелку.

– Мать честная, надо же, стѐкла на три стороны стоят, – Ягода повернулся к будке диспетчера, – Ну, Будасси, строишь как в Америке...

– Здесь обзор важен, да и телефонный коммутатор беречь от непогоды надо, к тому же, в дежурном журнале отметки делать. Работа ответственная... Сейчас телефонной связью охвачены свалочные тупики, стрелки, забои, рядом с экскаваторами переносные будки, – Будасси посмотрел на непроницаемое лицо Сальникова и продолжил. – Да, можно сказать кольцо заработало. Сейчас делаем специальные отводы. Туда, – Будасси нарисовал в воздухе окружность вокруг отдалѐнного сарая, – будем подводить паровозы к бочкам с водой для заправки котлов. Там, – ткнул пальцем на высокие чѐрные холмы, – загружаем уголь.

Паровозный гудок прервал пояснения. Следующий состав проходил стрелку.

– Восьмой на первый, – снова громкий голос диспетчера.

– Не слишком ли часто они выезжают? – Ягода вскинул указательный палец, у моста через Клязьму образовалась очередь из составов.

– Да, есть проблема, – Будасси замялся. "Дошла ли информация до верха?" Решил не рисковать, выпалил, – не успеваем разгружать.

– Коварный, коварный... – Ягода хмыкнул и вдруг гаркнул, – чего, ты тут цирк устраиваешь? Читал твою записку об ускорении разгрузки, – упёрся взглядом в Будасси, – гидромониторами предлагаешь смывать грунт с платформ? Что ж, сильная штука эти гидромониторы, – немного смягчился, – я видел в Северном районе, как дамбы намывают, и, в карьерах, песок выбивают, – Ягода облокотился на поперечную жердь перил, – ну, и где хочешь смыв строить?

– Вон в той части кольца, за мостом... отсюда не видно, – у Будасси отлегло. "Ида Леонидовна не подвела". Тоже положил одну руку на перила, другой показал направление. – Там есть обширная пойма Клязьмы, весь оставшийся с выемки грунт вместится. Я подсчитал. Так вот, над ней установим смывную площадку и подведём пути для платформ. Воду будем насосами забирать из реки...

– Ты так рассказываешь, как будто всё это уже решено, – Ягода ухмыльнулся.

– Так у меня в голове проект, как существующий, – Будасси улыбнулся, – почти уверен, должно получиться.

– Говоришь-то хорошо, только много чего просишь, и моторы, и гидромониторы. Ты же знаешь, всё оборудование наперечёт, а тут ещё бюджет стройки урезали, – Ягода поджал губы, потом резко обернулся к Афанасьеву, – Григорий Давыдович, чего это ты молчишь, помню прямо как на амбразуру бросался: "Дайте мне Будасси и эту чёртову выемку за два года выгребем"

– Генрих Григорьевич, уж по всем трестам бегал, везде на утверждённые сметы показывают, мол, денег в обрез, – Афанасьев стоял не шелохнувшись, шевелились только губы.

– Плохо ходишь, – Ягода дёрнул верхней губой, отчего жидкие усики встрепенились, буркнул, – я о проблеме узнал почему-то с другой стороны, – вполголоса добавил, – деньги будут, готовыте сметы. – Ладно, на сегодня закончили, едем домой, – бросил одному из "четырёхромбовых".

12

– Да всё равно не переделать их уже. Воспитаны при царском режиме – первые блага там получили. Ничто их не исправит. Казалось, лагеря прошли, должны осознать, утихомириться, ан нет, живут, как будто, старый строй воскресили, – Макаров мягко проговаривал слова, – Ха, согласишься, пока им в эту пятилетку не дали послаблений и высокую зарплату, просто так за идеалы революции они не очень-то старались трудиться. Уверен, у царских спецов осталась злоба.

– Нет, мне кажется, Будасси делает работу честно, – Виктор смотрел под стол, но, в конце фразы, поднял глаза.

– Виктор, я сегодня с тобой по-дружески. Твоя очередная статья для журнала мне понравилась, подпишись на разрешении я поставлю, но как-то мягкотело у тебя получается. Вроде должен бороться за цели, а тут что? Там ткнулся – не получилось, тут ткнулся – не получилось и скис, – Макаров, с неким укором, отчитывал.

– Я думаю, опыта не хватает, всё же, старшее поколение – это основательная школа. Будасси проект смыва показывал, а я смотрю и осознаю – мне такое даже в голову не придёт, – Виктор перевёл взгляд с зелёного сукна стола на деревянный стул с грациозно изогнутыми ножками, стоявший около окна.

– Будасси... Будасси... – Макаров напряг подбородок, глаза сузились. Помедлил и достал из папки исписанный мелким почерком листок бумаги, – Мне тут рассказали, чего его дочери на детском празднике у Афанасьева учудили. Не просто семейная развлекаловка была, а мероприятие с официальной частью. Дети ответственных партсекретарей стихи рассказывали о трудовой борьбе советского народа. Всё шло нормально, пока не выскочили две близняшки Будасси. Вот, что люди записали, – Макаров уткнулся в листок бумаги, – "...вскочили и давай, приплясывая, под мотив весёлой песенки петь: "Без-туф-ты и ам-мо-на-ла не-пост-роим мы-ка-на-ла ля-ля-ля тра-та-та не-по-ст-ро-им мы-ка-на-ла..."

И кружат в танце в кружевных белоснежных платяцах". А? каково? – Макаров мельком взглянул на Виктора и продолжил читать. – "...Возмутило и поведение детей некоторых других партработников – они присоединились – выбежали хоровод водить. Пока Афанасьев патефон с громким маршем не запустил, безобразие не прекращалось. Наши партийцы остолбенело смотрели, а старые царские спецы улыбались. Будасси, конечно, для приличия, сказал девочкам, что не уместно так себя вести. И как-то буднично сказал. А вот Афанасьев своему балбесу затрещину отвесил". Вот, чуешь, чем отличаются они от нас? – Макаров отодвинул листок, – распоясались совсем, думают, что без них советская власть ничего построить не сможет, и детей своих учат, не пойми чему. Ничего, люди тоже всё видят, – листок перекинул обратно в папку, – а сведения собирать надо.

– Плохо это всё, – Виктор качнул головой, – как-то не так.

– Рассуждаешь? Это хорошо, что рассуждаешь, – Макаров мягко побарабанил подушечкой указательного пальца по столу, – Соболев, вот скажи, когда ваше поколение полностью возьмёт народное хозяйство в свои руки? Пора бы уже.

– Хозяйство слишком большое... – Виктор говорил медленно и нетвёрдо, – сложно это всё... время требуется.

Виктор вышел от Макарова, ощущая мокрые подмышки, Мозг зачем-то, как из тумана, вытаскивал детские впечатления. День рождения... Свои дни рождения Виктор не отмечал, на чужие старался не ходить. Скорее всего, эпизод из

детства опосредованно действовал. Оттуда, возможно, и начала развиваться навязчивая способность оценивать людей: кто опасен – кто нет. Виктор не помнил, сколько ему было лет, но подспутно предполагал, что пять-шесть. Родители отвели его на день рождения двоюродной сестры. Всучили плитку шоколада в блестящей фольге и втолкнули в общую комнату с незнакомыми детьми. Его тётя, Клавдия Васильевна, взяла у него шоколад и положила на стол вместе с другими подарками.

Дети, в ожидании новых гостей, играли в игру. В комнате расставили стулья в ряд, спинками друг к другу. Играющие расселись. Водящий объявил: "Море волнуется", – все вскочили и начали бегать по кругу, огибая ряд стульев. Водящий убрал один стул в сторону, продолжая периодически повторять: "Море волнуется... море волнуется... море..." и внезапно закончил фразу: "...утихло". Играющие замельтешили, в суতোлке пытались занять свободное место. Кому не доставалось, объявлялся водящим. Так повторялось, пока не оставался один стул. Победителя награждали шоколадной конфеткой. Виктор наблюдал действие со стороны, не решаясь присоединиться к игре.

Через полчаса Клавдия Васильевна ввела в комнату именницу – девочку с большими белыми бантами на концах косичек. Виктор, с трудом, узнал двоюродную сестру – их показывали друг другу раза два, да и то недолго. Звали ее Катя. Клавдия Васильевна поставила Катю в центр комнаты и

призвала гостей: "Ребята, берите свои подарки, выходите по одному и вручайте имениннице". Виктор удивлялся, какие бывают красивые штуковины: куклы разных мастей, набор с цветными нитками для вышивания, деревянные тяни-толкаи, фигурки с изящной резьбой, даже какое-то неведомое растение в горшке.

Самые бойкие ребята, выходявшие первыми, обычно несли крупные подарки. Те, кто шёл после, как казалось Виктору, вручали более полезные в быту предметы. Ребята, передав подарок Кате, переходили из одной части комнаты в другую, становились весёлыми и расслабленными. Те, кто был по другую сторону, стояли серьёзные и сосредоточенные. Катя держалась свободно, с достоинством принимала подарки, улыбалась и кивала в ответ на одну и ту же шаблонную фразу: "Поздравляю с Днём рождения!"

Куча, не прошедших процедуру вручения подарков, редела и на столе осталась лежать только маленькая шоколадка в серебристой фольге. Виктор остался один на стороне серьёзных и сосредоточенных. Он замер и не решался взять невзрачную шоколадку и подойти к Кате. Клавдия Васильевна заметила заминку, подошла к Виктору и заискивающе спросила: "А что Витя подарит Кате?" Виктор не шевелился. Тогда она взяла со стола шоколадку, вложила в ладонь Виктору и подтолкнула к Кате. Виктор шагал, как окаменевший, чувствуя пристальные взгляды маленьких гостей. Последовал сначала лёгкий смешок, потом шквал насмешек: "... все-

го лишь шоколадка... да я такие каждый день ем... день рождения раз в году...". Катя сделала серьёзное лицо, шагнула навстречу, вытянула шоколад из руки Виктора и быстро избавилась – положила на полку секретера в вазу, вместе с горкой конфет.

Виктор почувствовал, что праздник для него закончился. Он уже знал, что его отстранили от общего, отделили и оценили по низшему разряду.

Часть третья

“Техника и кадры решают всё”

1

...Зачинался рассвет. Кусочек неба над горизонтом светлел и на этом фоне силуэты лошадей выглядели картонными контурами из книжки для детей. Резкий контраст не позволял различить масти, но Иван и так знал, что около самой кромки берега реки, в стороне от основного стада, стоит Парето. Казалось, этот сильный конь задумчиво ожидал, когда появятся первые лучи солнца. Он, то поднимал голову к небу, вытягивая шею, то понуро клонил к земле, казалось, думая о чём-то возвышенном. Иван посмотрел на остальных. Лошади неторопливо лакомились свежей душистой травой, напоённой росой. В ночном Иван был не один: около еле тлеющих поленьев, накрывшись ватником, лежал Юрка. Иван

почувствовал, как утренний холодок подступает к спине. Тогда он дунул на угли, – подействовало, – протянул руки к самому раскрасневшемуся, изрядно прогоревшему, полену и уловил непонятный запах. Осмотрелся, вскочил, захлопал по бокам, плечам, бёдрам: "Горит где-то... горит!"

...Сон прервался. Иван осознал, что переключился в реальный мир. Провёл рукой по плечу. Нашупал какой-то бугорок на коже. Не до конца понимая, что это, рефлекторно смахнул рукой. Голос снизу невольно пробурчал: "Когда же ты успокоишься... беспокойный какой сегодня".

Иван пытался вспомнить все подробности приятного сновидения. Захотелось увидеть продолжение чудесного действия.

...Отряд красноармейцев шёл ровно, поднимаясь к деревне. Мальчишки выскакивали из домов. Бегом, сопровождая передние ряды отряда, старались держаться ближе к знаменосцу с большим красным полотнищем. Жители приняли военных спокойно – летние тёплые дни не требовали мест в избах. Наскоро пообедав, Иван с Юркой, таясь, неуверенно подходили то к пулемёту, то к пушке, осматривали оружие и задавали вопросы служивым. Вечером они помогали чистить лошадей. Юрка показал, как правильно вплетать алые ленты в их гривы. Яркой ленточкой Иван украсил и Парето. И опять Иван почувствовал неприятный запах.

...Проснулся, уже отчётливо осознавая удушливую вонь. Клопы... твари ненасытные! Иван нашупал на животе влаж-

ный участок кожи. Ну, вот, раздавил во сне! Почесал. Откуда взялась такая кличка – Парето? Иван не мог вспомнить, был ли такой конь у него в деревне и заверил себя, что потом вспомнит, а сейчас... утренняя нега заволакивала и тащила в блаженный туман.

...Они окружали деревню. Пёстрые цвета их одежд и пыль, поднимаемая копытами их коренастых лошадей. Надвигалась орда, надвигалась утром. Басмачи... басмачи... налётчики. Иван не мог пошевелиться, так ошеломила его эта силища, стискивающая деревню со всех сторон. Полосатые халаты, непонятных форм шапки, изогнутые сабли. Пулемёт работал ритмично и высекал непрощенных гостей, заполняя поле трупами людей и лошадей. Разгорался бой, падали уже и красноармейцы, взрезанные саблями. Всё громче и громче. Парето встал на дыбы, концы алых ленточек, как всполохи рассвета, мерцали. На Парето восседал всадник. Иван заметил его только сейчас, когда конь повернулся боком. Он ладно управлял: потягивал поводья, прищипоривал, чётко обозначал свои намерения, прикладывался к крупу коня нагайкой. Всадник, казалось, находился над полем брани и, в то же время, в самой гуще. Казалось, силы неба управляют им. Только теперь Иван узнал его... это был Сталин. Опять застучал пулемёт, грянул и пушечный выстрел.

... – Лыков, подъём! – Удары палкой по жердям нар оглушили Ивана. Вскочил. Только теперь, когда на него пялились десятки пар глаз, он окончательно проснулся.

– Надо же, как тебя зажали! Ну ты и орал! – Егор Фомич снял с предплечья Ивана набухшего клопа. Иван посмотрел на грудь. Красные пятна от укусов и участки засохшей крови покрывали кожу.

– Сладенький, наверное! – дежурный убрал палку, оскандился, проём под заячьей губой дёрнулся.

...Под механические мастерские отвели небольшой барак, разделённый перегородками на комнаты. Не поскупились и на большие проёмы под окна, отчего зимой приходилось работать в телогрейках, зато летом электричество на освещение почти не расходовалось. В ближних к входу комнатах размещались верстаки с большими тисками, дальше стояли токарные и заточные станки. Проходя через слесарный участок, Иван слышал, как внушительного вида человек, в холщовой спецовке с огромными наружными карманами, пришитыми двойной суровой ниткой, рычал на щуплого мужичка:

– Как ты напильник держишь? Пальцы не загибай! Разве так отливку обдирают?

Мужичок скуксился и замер, точно боясь удара по затылку. Богатырь в спецовке распрямил у мужичка пальцы левой руки, положил их на полотно напильника. Поверх его руки примостил свою, огромной ладонью обхватил вместе с рукояткой напильника и правую руку нерадивого ученика, чёткими уверенными движениями стал вгрызаться в металлическую заготовку, зажатую в тисках.

– От себя нажимай сильнее! Пальцы на полотне не подгибай, не то занозы начепляешь или покарябаешься. Так... и периодически сверяй с эталоном. Понял?

Мужичок молча суетливо кивал.

Иван шёл дальше, в глубину барака, где располагалась маленькая комната, отведённая под архив, где они с Виктором договорились встретиться.

Иногда Ивану казалось, что Виктор неосознанно хвастается своим умением применять различные словечки из инженерной области, но всегда, с замиранием, слушал, пытаясь уловить их значение по ассоциации со словами уже закрепившимися в его багаже знаний. Однако термины из черчения были ему неведомы.

– Штрих-пунктирные линии служат основой для чертежа. Вот смотри, здесь она указывает на симметрию двух частей, здесь их пересечение показывает центр отверстия, эти линии служат базой для простановки размеров. И не надо теперь на пальцах объяснять – сделай мне то-то и то-то, вот таких размеров, – Виктор, гримасничая, показывал, как хвастаются рыбаки. Разведя руки в стороны, он то увеличивал, то уменьшал габариты якобы пойманной рыбы. – Нет, теперь здесь всё точно указано. Берёшь измерительный инструмент и откладываешь значение, указанное на чертеже, с определённым допуском. Только так и можно изготавливать одинаковые детали.

Иван не возражал, кивал, если понимал, не боялся пере-

спросить, если что-то нужно было уточнить. И даже, когда Виктор повышал голос, повторяя в третий раз сложные для понимания моменты, Иван хладнокровно выслушивал. Он знал, что если досконально не почувствует, о чём говорит Виктор, то скоро забудет. А тут как бы в памяти откладывался ещё и эмоциональный окрас. Вот, например, Иван помнил, как однажды, здешний токарь подтрунивал над тем, как Иван не мог запомнить последовательность действий при измерении отверстия микрометром. И только, когда токарь наорал на Ивана и повторно объяснил, только тогда Иван хорошо запомнил всю методику измерения.

Сейчас Виктор рассказывал подробности установки деревянных быков для настила смывной площадки. Иван уточнял размеры для поперечин, сверяясь с цифрами на клочке мятой бумажки, которую достал из кармана. Всё сходилось – вчера напилили бруски нужных размеров. Заодно, Иван пересказал Виктору ключевые моменты несложной конструкции, теребя между пальцами карандаш, и когда закончил, заметил: "Какая интересная заточка карандаша!"

Виктор пожал плечами: "Ничего необычного, лопаточкой".

– Лопаточкой? И здесь лопаты, – Иван расплылся в улыбке.

– Ну, так удобнее делать основные линии, они толще остальных. Сначала остро отточенным твёрдым карандашом наброски делаешь, а потом, если всё устраивает, поверх тех

линий наносишь толстые линии этой мягкой лопаточкой, – Виктор в качестве примера, используя линейку, провёл тонкую линию и наложил поверх неё толстую.

Иван смотрел на уверенные точные движения Виктора и вдруг вспомнил сон

– Вить, а ты не слышал такое имя – Парето?

– Хм, ну, допустим, такой итальянец был, который принцип "восемьдесят на двадцать" объявил. Чего-то там... двадцать процентов усилий дают восемьдесят процентов результата, а остальные восемьдесят процентов усилий дают лишь двадцать процентов результата. А почему спрашиваешь?

– Сон сегодня приснился. Коня так звали...

– Коня? Ну и приснится же. Небось с политическими общаешься?

– Вроде нет, у нас в бараке политических нет.

– Значит, где-то в другом месте подцепил. Мало ли у нас любителей поболтать на разные философские темы.

– И почему этот Парето запомнился? Вот, думаю теперь, при чём здесь вороной конь?

–

Не удивляйся, кто его знает... человеческий мозг – непонятная штука.

2

Со стороны казалось, Дед спешил. Ковалёв знал, что Деду

нет ещё и пятидесяти, но бугристая кожа на его тёмном лице, похожая на жёваную бумагу и суетливые движения рук, отражающие не то болезнь, не то опасливое состояние, способствовали его ровесникам дать такую незатейливую кличку. Комната заполнялась людьми разных возрастов, они рассаживались за столы с азбукой – начинались занятия по ликвидации безграмотности. Дед высматривал свободное место.

– Смотрите, Дед где-то сапоги надыбал, – выкрикнул кто-то, и десятки глаз устремились на ноги Деда.

– Что, скалитесь, оглоеды? Сегодня выдали. Сам Сталин помог.

Послышались возгласы: "Точно... слышали... приезжал...".

– Да, сам Сталин. Представляете, вывожу гружёную тачку, поднимаю голову и... душа – в пятки. Стоит огромная делегация, как мне потом сказали: "Всё руководство страны!", и уставились на меня. Как же так, думаю, я в таком виде. Ведь обычно выдают парадную одежду на погладелки, а здесь, почти в лохмотьях, – дед показал дырки на рубахе и продолжил, – и босой, да ещё грязный – по колено в пливун ввалился, пока из забоя вылезал. Виновато смотрю – потом опомнился – это что же Сталин в десяти метрах от меня? И не предупредили... Ну, думаю, особое доверие оказали, коль так. Знаете, прям силы откуда-то взялись – тачка пушинкой показалась. Я грудь выпятил, стараюсь выбоины колесом обходить. Прокатил. Слышу за спиной голос с акцентом: "А

что это у вас рабочие без обуви?" Я ещё быстрее покатил. Пот прошиб. А около кавальера бригадир мне по зубам смазал: "Как ты, паскуда, оказался там, где не должен быть? Что, не предупреждали, в десятый забой сегодня выходят только по особому списку?" Мне невдомёк: "Не слышал, говорю". Вот так... Через два часа десятник прибегает, трясётся, почти новые сапоги мне суёт, говорит, носи, пока проверки не закончатся, – Дед беззубо улыбался и поворачивал напоказ то одну, то другую ногу, – чудеса, даже подмётки целы.

– Поговаривают, что сапоги с покойника, – насмешливо выкрикнул рыжий Ватрушка из своего угла, – разве не слышал выстрелы после того, как Сталин уехал? Говорят, расстреляли снабженцев за недоимку.

– Свят, свят, – Дед судорожно крестился, – чур, тебя.

– Дед, не слушай его, вот там место есть, – Ковалёв показал на край лавки около прохода, – садись, складывай слова.

Да, Ковалёву было не до смеха. Он ещё раз перечитал приказ Фирина по Дмитлагу:

“...партия заключенных из наиболее отрицательного элемента Северного района была направлена в Белбалткомбинат. При прибытии этапа на “Красную Пресню” и проверки его состояния был обнаружен ряд недопустимо-безобразных фактов в части отбора заключенных, оформления их личных дел и учетно-хозяйственных документов. В этап были направлены 40 человек слабосильных – не пригодных к физическому труду. На 23 человека совершенно отсутство-

вали карты зачета рабочих дней и значительное количество карт зачета не были оформлены. На 74 заключенных не были представлены арматурные книжки, а имеющиеся списки не соответствовали фактическому наличию направляемого состава.

Сопровождавший конвой не имел аттестатов. Отмечая указанный безобразный случай, как следствие небрежно-халатного отношения к своим обязанностям со стороны ответственных работников района..."

Ковалёв хмыкнул. Что там, в Северном районе, даже бумажки не могут правильно оформить? Мы тоже, хоть и сбагрили непонятно кого, но уж карты зачётов закрыли. А что слабосильные, так, поди ж, найди "косых сажений", когда голод в стране. Но всё равно, Ковалёву было беспокойно. Далее следовали крупные заглавные буквы, разреженные пробелом: "П Р И К А З Ы В А Ю :", и вердикт для провинившихся: "Зам. нач. Санотделения... инспектора УРО... бывшего секретаря Аттестационной комиссии... арестовать на 20 суток каждого. Работников УРО... и работника Отдела снабжения... арестовать на 20 суток каждого и перевести на общие работы. Предупреждаю весь руководящий состав работников районов, что при повторении подобных нарушений виновные будут сняты с работы и отданы под суд".

Ковалёв отвёл глаза от бумаги, посмотрел, как увлечённо взрослые люди склонились над столами. Чтобы немного успокоиться, Ковалёв прошёлся вдоль стены и мельком за-

метил, что Дед сложил буквы в слово: "СТАЛИН".

Ковалёв почесал затылок и устремился к своему столу, достал тетрадь и стал быстро писать.

* * * Записи Ковалёва. Жить можно... * * *

Фёдор уже не опирался руками о койку, чтобы подняться. Он разогнул колени, вытянулся, постоял на месте, удовлетворённо отметил про себя, что тятюшки перед глазами больше не появляются... гораздо лучше. Вместо привычного громкого мата дежурных и глухих ударов конвоиров по перечинам коек, слышались только слабые стоны истощённых и измученных. Фёдор аккуратно прошаркал по коридору между рядами двухэтажных нар и вышел из барака. Дневной свет ослепил. Лёгкое шуршание листвы и яркие трели соловьёв. Фёдор зажмурился и прошептал себе под нос: "Вот и рай на земле... а что ещё нужно? Сносная еда, чистый воздух и посильная работа". Только вот, чтобы попасть сюда надо было почти сдохнуть.

...Дождь. Лопата с трудом входила в склизкую глину. Угрозы... лозунги... уже не понять, что из них что... Дать сто двадцать от нормы. Ударные темпы. Утро – каша в ржавой консервной банке, день – каша под ногами в забое, ночь – каша в голове. Третьи сутки... пятые... седьмые... авральные... Больше уже невозможно... кто-то тянет с койки... орёт громкоговоритель... сначала лёгкие тумачи, потом всё тяжелее и тяжелее... удар за ударом...

Фёдор расслабился и спокойно смотрел на дорогу. Пле-

лись оборванные, истрёпанные, грязные, истерзанные – пополнение слабосильного лагпункта. Очередные списанные счастливики. Шестеро заключённых, низко опустив головы, едва перебирая ногами, брели по грунтовке. Позади, – вертлявый всадник на белом коне, – начальник лагеря. Вооружённой охраны и не нужно.

– Фёдор, зайди ко мне, – в проёме окна добротной избы показалась тёмная густая шевелюра доктора. Одна сторона дома – приёмная для больных, другая – жилое помещение.

– Ты вроде на поправку пошёл, ходить начал... – Фёдор присел на табурет, – у меня к тебе просьба, – доктор закрыл папку с бумагами и поднял глаза.

– Да, Алексей Иванович, – Фёдор напрягся, непривычная галантность между зеками казалась абсурдом. Но, как ни странно, интеллигентность Алексея Ивановича, не вытравленная условиями лагеря, вызывала уважение.

– Нужно помочь провести захоронение двух тел. Веньку нашего знаешь? – Федор кивнул, вспомнив: "А, это тот парень лет шестнадцати, угрюмый, но вроде не враждебный, тридцатипятник – то ли карманник, то ли квартиры чистил. Теперь по хозяйству в лагере помогает".

– Вот к нему подойди, он знает, где и как, – доктор смущенно добавил, – У одного заключённого сердечный приступ, у другого..., – замялся, – травмы.

– Да, всё сделаем честь по чести, Алексей Иванович, – Фёдор ответил твёрдо.

Венька ждал около полуразрушенного сарая. Телега, запряжённая гнедым меринком, стояла рядом. Как только Фёдор подошёл, Венька кивнул и отвёл в сторону подгнившую дверь, едва державшуюся на одной петле. Фёдор нерешительно ступил внутрь и остановился – глаза не сразу привыкли к темноте. Дощатого пола не было – утоптанная глина. В углу справа, под небольшим оконцем, лежал покойник – маленький, в арестантской робе. "Откуда такая роба? такой здесь не видел... наверное, не с нашего участка". Тюбетейка прикрывала лицо. "Узбек что-ль? совсем тощий – кожа да кости..." Фёдор посмотрел по сторонам.

– Венька, где второй?

– В телеге лежит. Ещё вчера приготовили. Давай этого тащи.

Фёдор, сглотнув, подошёл к покойнику. Нерешительно сдвинул тюбетейку – жёлтая кожа на осунувшемся лице старика. "Надо чем-то накрыть..." – вполголоса, потом громче: "Венька, дай какую-нибудь мешковину". Стараясь не глядеть в испещренное морщинами лицо, кое-как обернул тело, и подвёл свои руки под спину покойника. "Да он просто невесомый". Фёдор, аккуратно переставляя ноги, дошёл до телеги. Венька накрыл покойников куском рогожи, забрал из сарая две лопаты и положил с краю телеги.

Венька повёл мерина под узцы, Фёдор плёлся сзади. У ворот, на выходе из лагеря, стояли двое вохровцев: часовой с винтовкой и другой, тоже в форме, но без оружия, который

и сказал: "Я – на сопровождение". Зашагал позади Фёдора.

Мерин совсем не опасался того, что Венька подвёл его к самому откоосу канала.

– Давай одного здесь, другого здесь, – ногой очертил контуры могил, – хотя зачем? В одну положим.

– Может подальше от склона? Весной всё нахрен размоет! – вохровец оценивал расстояние.

– Ну, если будешь сам копать, то, пожалуйста, – Венька, тем не менее, немного отступил от склона, вычертил новый контур и воткнул лопату в рыхлую землю кавальера, – я слышал, поверх ещё будут грунт насыпать, когда откосы начнут зачищать.

– Вообще-то, приказ из Дмитрова вышел. Следующих будете хоронить на специальном кладбище в лесу, – конвоир не унимался, – два километра отсюда.

На этот раз Венька промолчал. Удовлетворённый последним словом, вохровец заприметил невдалеке отличное место для отдыха – поваленное дерево.

– Да, такую землю копать одно удовольствие, – Фёдор почувствовал, что действительно силы вернулись, и через полчаса общая яма глубиной метра полтора была готова.

– Этого давай вдвоём, тяжёлый, – Фёдор обхватил руками туловище покойника, – чего его так запеленали?

Голова и верхняя часть трупа были основательно обёрнуты мешковиной и перетянуты верёвкой. Венька схватился в районе лодыжек. Подняли.

– Я когда один занимался – просто перекачывал из телеги в яму и всё... без этих деликатностей... а здесь прям честь по чести, – Венька пыхтел и говорил, – этого вчера из особого отдела ещё живого на телеге привезли, но уже не ходячий... вид страшный, крови много, кишки виднелись... потом помер. Алексей Иванович велел прикрыть.

Перенесли на край ямы и старика. Фёдор снял лапти, размотал портянки и босиком спустился в яму, неспешно стащил и положил рядом оба трупа. Старика прикрыл лицо тюбетейкой.

– Вот так, неизвестно кто, неизвестно откуда, – Фёдор поднял лицо к небу, на пару секунд смежил глаза. Тёплый июльский ветерок слегка обдувал голову.

– И часто этим делом занимаешься? – сбив с лопаты налипшие куски глины, Фёдор спросил тихим голосом.

– Я ж привык... – Венька уклонился от ответа, – вон, считай от той вешки. Рядком. Весь год – сплошь басмачи.

– М-да, метров сто...

– Телегу оставляете у ворот и идёте в столовую, вот записка, покажете Ашоту, – вохровец передал бумажку с размашистой закорючкой–подписью, и добавил, – распоряжение начальника лагпункта.

Ароматный дымок из белой тарелки... тарелки с ободком... коричневый медвежонок сидит на дереве... улыбка, да, у него улыбка... насмешка художника... ну и ладно... главное... Фёдор быстро работал ложкой, хлебая щи. На-

последок, небольшой кусок мяса разделил на волокна и по чуть-чуть клал в рот, тщательно высасывал и пережёвывал. Сок из вываренных волокон перетекал в... да не важно куда... внутрь перетекал... Мяса Фёдор не видел месяца два.

Было и второе блюдо. Тоже удивительное – приличный кусок курицы и картофельное пюре. Фёдор ел медленно, смакуя каждый кусок: "Как в раю. Когда ещё доведётся?"

– И так всегда кормят? – Фёдор заговорил, маленькими глотками отхлёбывал компот.

– Нет, только когда привозят... из особого отдела, – Венька сконфуженно уставился в стакан с компотом, – знаешь чего... мне помощник к зиме нужен... Алексею Ивановичу я уже говорил. Ты как?

Фёдор прикрыл глаза и выразил на лице улыбку: "Так не бывает. Полгода осталось сидеть, а здесь, похоже, можно выжить".

3

Егорыч приподнял перевёрнутую вверх дном тарелку. Огромный таракан заметался в поисках нового тёмного места. Глубокая кастрюля стала таким убежищем, но Егорычу кастрюля оказалась нужнее, и он бесцеремонно взял ее в руки. Таракан, обезумев, побежал по стенке кастрюли, набирая скорость и наматывая круги по окружности. Сделав кругов пять, не удержался, свалился на дно, то ли от потери ориен-

тации, то ли от бессилия. Егорыч плавно придавил таракана пальцем и стряхнул мёртвое членистоногое в ведро с мусором.

– Ну вот, опять мыть, – Егорыч плеснул воды на ладонь, затем в кастрюлю. Протёр стенки кастрюли пальцами и вылил грязную воду. Вытерев руку о штанину, поставил кастрюлю на электрическую плитку, налил воды и положил туда разрезанные на четыре части несколько картофелин.

– Удивляюсь на тебя, Егорыч. Зачем такой ритуал проводил? Мол, вымыл. Вода ведь всё равно кипит, пока картоха варится, там и дезинфекция пройдёт, – Ковалёв завершил наблюдение всей сцены, хрустнул огурцом, с наслаждением, пережевал.

– Ну, наверное, чтобы соблюсти манеры, – Егорыч хмыкнул, – не знаю, так положено. Правильно, Виктор?

– Да я привык к тараканам. У нас в городе это обычное явление. Я себя приучил, говорю: "Ведь, если вне помещения, на воле, каких жуков-пауков встречаю, то не шарахаюсь, а иногда даже и рассматриваю. И тогда, с тараканами, что изменилось? Только что с человеком рядом живут". Вот такой самообман. – Виктор почувствовал, что захмелел, уставился на стакан. – Вообще, у нас говорят: тараканы есть – значит есть, что есть.

– Ха-ха, слышал, Егорыч? – Ковалёв наливал водку. – Ты у нас хозяйственный, всегда у тебя закусь. Да, ещё ты у нас шутник, вон, что с вилкой сделал. Ковалёв повертел в ру-

ках алюминиевую вилку, крайние зубья которой были отогнуты под девяносто градусов. Ковалёв центральными зубьями подцепил дольку огурца, на отогнутые насадил несколько колечек лука.

– Похохми-похохми, остроум... – Егорыч ткнул Ковалёва в бок. Тот расхохотался. – Ладно, Егорыч, не кипятись.

Сидели уже часа два. Снова, почти одновременно махнули из стаканов. Благо теперь наливали понемногу. Закусили. Разговор от технических проблем, которые послужили поводом для неформальной посиделки, плавно переходил к бытовой болтовне.

– Ты, Саня, вот расскажи, что там сегодня утром случилось у пятого барака? Слышал, поутру повешенного на берёзе, напротив входа, наблюдали. Слухи ходили: специально долго не снимали – мужики не давали. Мол, пусть спецотдел полюбуется. Говорят, весь в синячищах – искусно отделали. А спецотдел в это время дрых.

– Да уж, в стиле дворцовых казней сделано. Думаю, спецотдел и дал добро. Как там, в истории дворцовых интриг средневековья: "...постоянная подковёрная борьба и, периодически, из под ковра выбрасывают мертвеца". Да, есть такой активист, недоделанный... вернее, был. Пытался и нашим, и вашим сыграть... тьфу ты, вернее "и ихним". Я ему как-то объяснить пытался, что так не удержится, а ему невдомёк, всё талдычит своё... упрямый. Вот и итог.

Ковалёв достал сложенный вдвое лист бумаги.

– Вот очередной шедевр, когда-то давно он написал. Ку-сочки зачитаю. Это он на бригадира в газету подал. "Тебе, бригадир... как и многим учиться не поздно. Не ссылайся, что нет времени. Это просто отговорка. Если ты учтёшь силу и значимость культурной массовой и разъяснительной работы, то тебе работать станет куда легче."

– И не боится ведь такое на всеобщее обозрение выстав-лять, – Егорыч усмехнулся.

– Но за это ведь не убивают? – Виктор пространно вопро-шал.

– Ну, этот шёл напролом, перебарщивал, ясно было – дол-го не протянет, скоро подрежут. Я ему говорю, утихомирься, а он и не думает, да и чёрт с ним. Егорыч, помнишь на Бе-ломорстрое, был такой Солоневич? – Ковалёв повертел бу-мажку, сложил, убрал в карман.

– Это который физкультурник? в очках, деятельный та-кой... ах да, брат ещё у него, вроде, врач. Ну, они вместе держались.

– Не только брат, ещё сын с ним, тоже сидел. Да, держа-лись они вместе, Ну, вот, выпивали с этим физкультурником как-то. Так он всю подноготную об активистах красиво из-ложил. – Ковалёв чуть подался вперёд и продолжил. – Так вот, как он рассуждал. Основная масса трудящихся, в об-щем-то, живёт отнюдь не сладко, Нормально поесть и в теп-ле поспать не всегда удаётся. Естественно, те, кто с мозга-ми или кто умеет руками работать – не пропадут, но осталь-

ные... – Ковалёв поводит из сторону в сторону сухими губами, пытаясь смочить их слюной, – но остальные... Многие прозябают, но есть и те, у кого рефлекс выживания не даёт просто согнуться и они ищут пути. А путь в новых реалиях лежит через общественно-административную активность. Благо развелось всяких общественных организаций, которым надо "содействовать". И наш кандидат в активисты начинает действовать. На каком-нибудь очередном собрании выскочит и с яркой энергией начинает щеголять стандартными фразами о борьбе классов, о поддержке генеральной линии родной пролетарской партии, о решающей пятилетке и так далее. Таланта особого не надо, благо выучить фразы начинающий активист ещё способен. Порой порядок фраз не обязателен, смысл почти всегда отсутствует.

Ковалёв замолчал, наблюдая, как теперь уже Егорыч ловко разливал очередные грамм тридцать по стаканам, умело выдерживая уровень. – Чего это руку поменяли? – вскользь, вполголоса, заметил Ковалёв. Махнули. Виктор не допил, поморщился и быстро закинул в рот кусок хлеба. Ковалёв положил локти на стол, лицо вновь стало серьёзным.

– Но активность должна конкретизироваться. Мало сказать, что мы стоим на страже, нужно указать, кто мешает безотлагательному и незамедлительному торжеству социализма, что мешает "непрерывному и бурному росту благосостояния широких трудящихся масс", что мешает выполнению и перевыполнению. Но вопросы эти слишком сложны для на-

шего активиста и он делает ход попроще, например, заявляет с трибуны: "по моему пролетарскому, рабочему мнению, план срывает инженер Иванов. Потому, как он, товарищи, не нашего пролетарского классу, он – из буржуазных интеллигентов". Для инженера Иванова это не имеет значения, о нём Ге-Пе-У и так знает, но активист заработает капиталец: болеет, дескать, нуждами нашего пролетарского цеха и перед доносом не остановится. Ну а дальше активист получает конкретные задания: выуживает прогульщиков, разоблачает лодырей, выискивает вредителей. Пройдя этот этап, он доказал, что душа у него твёрдая и прохвост получает некоторый пост в системе. На всякое шевеление властей активист реагирует потоком энтузиазма и административным экстазом. Самый нелепый лозунг возводится до новомодного советского явления, в котором активист изголяется как может, отталкивая своего соседа, и карабкается наверх. Всякие непрерывки, сверххранний сев, бытовые коммуны, соцсоревнования, борьба с религией – всё охватывается пламенным ажиотажем, где сгорают зародыши здравого смысла.

Ковалёв закончил длинное изложение.

– И что неужели много таких? – Виктор решительно потёр кулаком лоб.

– Попытки делают многие, жрать-то получше хотят, но основная часть спотыкается на фазе доноса, не у всех душа достаточно крепка, прорвавшихся через этот кордон судьба тоже не особо жалует – находят повешенными или в грязной

канаве, – Ковалёв не то улыбнулся, не то оскалился, – такова жизнь, думают, что таким путём свободу получают... А, вообще, я считаю, свобода – это когда нет необходимости врать! Егорыч, смотри, у тебя картоха уже сварилась.

Егорыч подскочит, засуетился около кастрюли. Виктор почувствовал, что его тянет ко сну. Сложил руки на столе и опустил на них голову. В ушах медленно нарастал гул, перед глазами появилась пелена.

Картинка проступила не сразу.

Виктор брёл, покачиваясь из стороны в сторону при каждом шаге. Озноб пронизывал руки и ноги. Остановился. Опять пошёл. Почти ничего не видя, добрёл до груды разбитых тачек за складом. Одни были без колёс, другие – с отбитыми бортами, третьи когда-то лишились рукояток. Кладбище тачек. Присел на первую попавшуюся. Пелена перед глазами не исчезала.

– Что, дружок, пришел нас в строй вводить?

– Кого это вас? – Виктор подскочил, ошарашенно ответил вопросом на вопрос.

– Ну, скорее мы – "что", чем – "кто", но люди называют нас Марусями. Всех одним именем кличут, фантазии не хватает, никакой индивидуальности, – кому принадлежал голос, Виктор не мог понять, но решил войти в словесную игру.

– Это, скорее, метафора. Вы для них, как женщины. Возьмут за ручки и водят. Некоторые вам что-нибудь на ходу рассказывают.

– Скорее не рассказывают, а матерятся на жизнь, если силы есть. Иногда, нам даже хочется им помочь норму перевыполнить, а то совсем исхудади.

– У тачечников каторжная работа, – Виктор нейтрально поддерживал разговор.

– Не все они правильно с нами обращаются. Кто-то не чувствует, где центр масс находится, кто-то хватает ручки слишком далеко, а у многих банально и сил-то нет, баланс удерживать, – сиплый голос исходил, кажется, отовсюду.

– Что нужно в конструкции изменить, чтобы легче работать стало? – Виктор вдруг стал подозревать, уж не разговаривает ли он с тачками, но решил не допускать такой мысли.

– Смешно слышать. Кормить людей лучше надо и отдыхать давать, а то они порой падают с мостков от бессилия. Это было бы самым лучшим улучшением.

– Здесь такие темпы строительства объявлены, что, огого, вам и не снилось. Кстати, а с кем я разговариваю?

– Любят люди друг над другом издеваться, – голос сделался насмешливым.

Нейтральный ответ побудил Виктора к дурацкому обращению.

– Ничего вы, деревяшки, не понимаете, дело грандиозное делаем. На такие дела раньше не решались, а сейчас, когда новую страну создаём... мы не можем спокойненько работать.

– Нам, в общем-то, действительно наплевать, сколотил

ящик, колесо приделал и вперёд: нас катят – мы катимся.

Виктор вскочил с тачки и решительно стал осматривать вокруг. Тачки разговаривают? Что-то неладное у меня с головой. Да ну, сон...

– Не бойся, сиди-сиди. Я ведь местная достопримечательность – на фотографии запечатлена. Ой, слово какое сложное. Хозяин – красавец, широкогрудый бригадир... возглавляет шествие, меня взял широким хватом и ведёт по мосткам. За ним – его бригада ударников, пятеро бравых, конечно помельче, чем главный, но тоже ничего. Вышагивают гуськом друг за другом.

– Видел такую фотографию в передовице, – Виктор вспомнил заметку в "Перековке".

– А меня, меня видел? – скрипучий возглас послышался откуда-то издалека. – Вообще-то, – акцентированный источник звука сместился к тачке слева, – мы, здешние тачки, подобно киргизской лошади, низкорослы и невзрачны, но необычайно выносливы. Такой симбиоз из разных пород тачек: шахтерских, железнодорожных, украинских, уральских. Мы, приспособиваясь, приобрели здесь иной разворот ручек и низкие широкие бока – "крылья". И на этих боках мы вынесли многие тяготы и Беломорстроя, и МоскваВолгостроя. О нас, о "крылатых" тачках толкуют в бараках, обсуждают на собраниях, упоминают в частушках. Вот, послушай, – звук изменился, стал ритмично-мелодичным.

"Маша, Маша, Машечка,

Работнула тачечка.

Мы приладили к ней крыла,
Чтоб всех прочих перекрыла".

Виктор затряс головой, пытаясь согнать нелепицу, и громко заговорил.

– Ваш век закончился. Ручной непосильный труд уйдёт. Скоро повсеместно будут использоваться экскаваторы и самосвалы.

Виктор стал рассказывать о новых типах экскаваторов, более расторопных, с поворотом стрелы на триста шестьдесят градусов, с универсальными ковшами. И когда он остановился, то опять услышал скрипучий звук, будто исходивший от соприкосновения ступицы и колеса.

– Виктор Петрович, может, всё же мы пригодимся? Может, можно как-то поставить к нам мотор. Мы головы без хозяев жить, хочется нам ещё поработать.

– Может быть, – Виктор не смог категорически отказать, – ...может быть.

– ...Витька, чего-то ты, дружок, совсем закемарил, давай перекладывайся, – Виктор с трудом разлепил глаза и огляделся. Егорыч тряс за плечо. – Перекладывайся говорю на мою лежанку, здесь переночуешь... Ну, ты даёшь, столько во сне о новых экскаваторах говорил, мы с Александром Павловичем аж заслушались.

Виктор покорно поплёлся к лежанке, лёг.

– Давай, Егорыч, щас под картоху выпьем, – Ковалёв сно-

ва наливал, – у меня как раз стихи есть для этого случая.
Выпили. Ковалёв стал читать наизусть.

Когда-то было вдохновенье,
Минуты страстного "кормления" ума.
Теперь настало время упоенья тем,
Что мысль реализована моя.
Но этот миг проходит – противна пустота.
Душа кричит: "Работать!". Сама и делает сполна.
Идеи, мысли, образы – един источник "тем".
Они же развиваясь, воплощаются затем.
Вот говорят: "Дурак какой-то,
О чем-то думает всегда!"
Но, я-то знаю, что за достижение цели
Расплачиваться мыслями приходится всегда.

4

– Ну что, Александр Владимирович, как смотрины, так опять хорошая погода. Везучий ты на это... что ж, пусть и природа с нами порадует. Вон какую штуку забаббахали! – Афанасьев, перепрыгивая через ступеньки, взлетел на эстакаду с гидромониторами. Рабочие шустро расступились, двое поднырнули под ствол гидромонитора – дали протиснуться начальнику.

– Сейчас пустим, Григорий Давыдович, – Будасси последовал за ним, степенно наступая на каждую ступеньку. Скри-

пучие сапоги жалобно стонали.

На железнодорожный путь, между эстакадой и смывной площадкой, медленным ходом подавали гружёные платформы. Глина при ярком свете не казалась такой мрачной, как в забоях под клубами паровозной угольной сажи. Выставив две платформы напротив смывной площадки, паровоз остановился. Два человека синхронно сбросили запоры по краям первой платформы и откинули борт. Борт, под небольшим наклоном, лёг горизонтально на смывную площадку, образуя мостик.

– Ближний к гидромониторам борт не откидывайте, – Будасси давал указания сначала рабочим снизу, а затем и стоящим у гидромонитора, – давление есть? Всё готово? Будем работать двумя верхними гидромониторами, нижние задействуем для окончательного смыва упавшего грунта. Вторую платформу пока не трогаем... Да, можно пускать! – Рабочий держал деревянные водила поворотного механизма и сосредоточенно уставился на цель.

– Подача воды!

Струи со свистом вышли из насадок. Рабочие по предварительно уточнённому плану направили струи на середину платформы в верхний слой глины. Двигаясь горизонтально, снимали гребень высотой сантиметров тридцать. Дойдя до края, направили струи вниз, прорезав канавку. Теперь одна струя, находясь внизу, двигалась горизонтально подмывая грунт, а другая, действуя вслед за первой подхватывала осы-

пающийся грунт и сбрасывала его на площадку.

Будасси, наблюдал за процессом и понемногу мрачнел.

– Александр Владимирович, что-то не так идёт? – Афанасьев искоса посматривал на Будасси.

– Похоже, проблема, – Будасси провёл ладонью по вспотевшей лысине и взялся за подбородок, – нижний гидромонитор не справляется. Уклон, кажется, маловат, не протолкнём к жёлобу. Действительно, грунт, смытый с платформы, оставался на площадке.

– Так давай напор увеличим! – Афанасьев предложил вариант.

– У нас две с половиной атмосферы – максимальное давление. Можно еще пол-атмосферы добавить, отключив верхний гидромонитор, – Будасси сам побежал к гидромонитору.

Мощная струя врезалась в большой комок глины. – Нет, не получается. – Брызги смеси разлетались во все стороны, не давая желаемого результата – направленного движения смеси к жёлобу.

– Всё! Отключай! Отгоняйте платформы на ручную разгрузку в тупик, – Будасси распорядился и пошёл к Афанасьеву, – Григорий Давыдович, пока решения нет.

Афанасьев смотрел на неподвижную глину, так и не скатившуюся в жёлоб.

– Ты понимаешь, что будет, если установка не заработает? Ты знаешь, с каким трудом, на каком уровне вся эта твоя затея согласовывалась? Через два дня комиссия нагрянет и

что тогда?

– Понимаю, тем не менее... – Будасси внешне был спокоен и уже внутренне общался сам собой, – надо с напором струи и уклоном площадки поиграться.

– А чего тогда состав велел отогнать? Давай пробуй, играйся! – Афанасьев со злостью ударил по перекладине перил эстакады и направился к деревянной лестнице, огрызаясь, – играется он... игрушки придумал...

5

У него их три. Две, стандартной длины по метр с небольшим, висят несколько поодаль, в глубине комнаты, а третья – особая, укороченная, прямо над рабочим столом, около окна. Он её сделал из стандартной: просто взял, да и укоротил сантиметров на тридцать. Чем не устраивала старая длина, он уже не помнил. Может вровень с письменным столом хотел сделать, а может предполагал, что книги там будут стоять увесистые и боялся, что полка прогнётся. Склонный к щепетильности, он держал под рукой книги сугубо технические, относящиеся к текущей проблематике. И если несколько корректировал направление деятельности, то менял и состав книг-помощников. Сейчас, пробегаясь по названиям, он, со вздохом, заметил – нужная теоретическая книга отсутствовала. Когда он был помоложе, страсть к красивым расчётам с множеством формул захватывала его гибкий ум, но,

с возрастом, это уходило, и скорее всего, не на второй план, а уже навсегда.

Пестрящие корешки мягких и твердых переплёттов располагались не вразнобой, здесь соблюдались два правила, при-
сущие Будасси – эстетический вкус и прагматизм. Прагма-
тизм заключался в том, что в свободном пространстве над
торцах книг меньшего формата лежали толстые записные
книжки с выписками ключевых текущих проблем.

В отличие от книг художественной литературы, тёмные
корешки которых показывались с дальних полок, корешки и
обложки этих были жизнерадостных цветов – от оранжево-
го до голубого. И когда ход мысли наталкивался на препят-
ствие, Будасси прикрывал глаза и, через пару секунд удовле-
творённо щёлкал пальцем и сам себе восклицал: "Точно, в
голубенькой книжке подобный расчёт приводился". Раньше
на него часто что-то находило и он, кажется, бесцельно, ча-
сами, просматривал справочники, руководства по специаль-
ным технологиям, по тонкостям в расчёте конструкций, счита-
тая это важным времяпрепровождением,

Сегодня Будасси был подавлен. Он подошёл к полке,
взял одну из книг, полистал, хмыкнул, поставил обратно.
Вспомнились моменты защиты своего дипломного проекта в
университете: нелепые вопросы аттестационной комиссии и
несколько развязное поведение председателя. Как они были
недовольны, что, помимо чертежей, он представил для на-
глядности и ряд рисунков в свободной художественной фор-

ме. Тогда, молодой Будасси был рассержен, что комиссия не принимала его убеждения, а ведь уже тогда он знал, что в проект надо входить с пониманием возможных гипотетических проблем, которые могут возникнуть. Но сегодня Будасси был подавлен и рассержен за это на самого себя. Взгляд остановился на небольшой книжке с пожелтевшей обложкой "Беседы о механике" – самая первая, которую он покупал ещё в школе. Вот самое начало. Рассуждения чуть ли не на пальцах, формул мало, да если и есть, то кажутся несколько наивными. Ну, конечно, сейчас-то наивны, спустя столько лет, после всех этапов проб и ошибок, как любят говорить молодые руководители. Но он уже знал, что к простым вещам можно пробиться только через сложные.

Поймал себя на мысли, что с каждым годом всё меньше читает технических книг и чаще подходит к полкам с художественной литературой. И не то, чтобы работа стала проще, хотя во многом это и так, скорее она становилась рутинной и типовые решения просто доставались из закромов памяти, корректировались и использовались. А опыт, навешанный на эти решения, не давал усомниться в неправильности. Но последние годы... да и этот просчёт со смывом. И на старуху бывает проруха... Будасси знал, нужна пауза, нужно отвлечься, перевести работу мозга на разгрузку от мыслей, бегущих по кругу. И он подошёл к двум полкам над кроватью. Где-то, лет до двадцати, он мало читал художественной литературы, а вот потом прорвало – проглатывались целые

тома произведений русских классиков. И уже в зрелом возрасте, Будасси сформировал сбалансированное представление о литературе, обёрнутое нестандартными суждениями.

Припомнился эпизод из той, беззаботной жизни, когда в одной командировке в Средней Азии, на одной из пьянок, слушал рассуждения библиотекаря местного клуба. Полуузбек-полурусский Тимур, под удивлённые взгляды собеседников, разглагольствовал о силе художественного слова. Из глубины времени доносился его шепелявый тонкий голосок.

– А вот, вы, пробовали объяснить, как выглядит обыкновенная рыба человеку ни разу ее не видевшему? Хотя, вы, наверное, насторожитесь, спросите в штыки: "Где, интересно, должен жить такой человек? В пустыне? Но и там встречается вода и, скорее всего, рыбы". Ладно. Представьте, что человек слепой и тогда, на каких принципах построить словесное описание? Думаю, можно попробовать на предметах, которые осязаемы. Допустим, скажем слепому: "...это скользкое живое существо". Да, он почувствует что-то трепыхающееся, скользкое, как кусок мыла, если дать подержать рыбу, но что дальше? Как ему представить движение в воде? Например: "Это животное, делающее волнообразные движения и поэтому плавает". Возможно, человек понимает, что значит волнообразные движения, правда, если он сам плавает в воде, извиваясь телом. Что дальше? "Она помогает себе плавниками..." Вот здесь должен наступить ступор. Плавники? Как их ощутить? Допустим: "...это слепленные жёсткие

волосы, управляемые мышцами". Человек явно на такое не способен. Вроде как руки-ноги, но гибкие. Какое возникает отождествление? Ступор? Похоже... "У рыбы есть чешуя..." Приплетём шелуху от семечек. На ощупь пойдет. Сработает? Пощупать можно. Еще: "Как у многих живых существ у рыб есть глаза, нос, рот, жабры..." Дальше опять препятствие. Дышать под водой – это возможно? Что жабры дадите пощупать. Ничего примечательного – какие-то твёрдые образования. Необъяснимый факт, берущийся как утверждение. И в итоге получаем: "Рыба – это живое существо, скользкое как мыло, с глазами, носом, ртом, управляемое слепленными волосами и дышащее под водой сколько угодно, а еще... с нее слетает шелуха.

Под общий смех, Тимур заключал: "Это я к чему? К тому, что каждый из нас, по сути, слепой... и представляет написанное автором только так, как ему кажется... Обман самого себя, но при этом удовольствие получаем".

А после было предложение всей нашей командировочной партии, вместо гостиницы, поселится у него в отдалённом доме. Он обещал сделать документы для отчёта в бухгалтерию. Предложение было встречено одобрительно – каждый уже пересчитывал в уме, сколько он выгадает от этой авантюры, тем более, что изыскательные работы по постройке водоотвода затягивались. Но молодость не всегда практична. В этом деле, главное, не перегибать, но эйфория от выпитого раздвинула рамки необходимого и реальный срок отсидки

"за растрату госсредств" коснулся всей дружной компании.

Будасси не думал, что обойдутся так круто и винил во всём обстоятельства. На той местности невозможно было провести мелиораторные работы. Это знал главный, знали и подчинённые, но боялись возразить кому-то в верхах, подписавшему план работ и включивший расходы в сметы. Кто-то должен был ответить, и ответили эти весёлые ребята. Ничего не скажешь: "Тимур и его команда".

...Обстоятельства, обстоятельства... Будасси удивлялся, как жизнь подкидывает дурацкие авантюры. Так и эта злополучная баржа с камнями на Беломорстрое. Конечно, когда власть держит тебя за яйца, тут ничего не поделаешь. Сговора вроде как не было, а вроде как был. Все знали и молчали. И местная власть тоже знала. Конечно, поворчали, но дело быстро замяли – ведь не кто-то ворует, а сам начальник Беломорстроя Берман.

Будасси усёк сразу, что верхушка Беломорстроя присмотрела Афанасьева и, по чуть-чуть, вводила его в свои делишки – получать личную выгоду от бесплатного труда зеков. Афанасьева одновременно и выдвигали по служебной лестнице и подряжали на смутные схемы. Да, Будасси понимал... понимал и соглашался на завуалированные предложения. Ну, там, на Севере, было не до шуток. Выживание напрямую зависело от начальства. К тому же, уже не мальчик. Это двадцатилетним тюрьму или лагерь ещё можно пережить, а когда дело к старости, то... вот даже простейший расчёт не мо-

гу провести.

...Ненавижу старческую заскорузлость. Она захватывает постепенно. Исподтишка проникает в сознание и парализует... парализует мысли, парализует чувства. Обменивает улыбку, смех, желание любить на безжизненные материальные блага. В придачу даёт брэнность и ненависть. Ублажает деньгами, изысканной пищей, лицемерным чувством превосходства. Она включает механизм... медленный механизм разрушения души. Она – оценщик. Меряет всех и вся, придавливая весом своего возраста. Только и думает, от кого получить выгоду для содержания своей телесной оболочки.

Она истерически кричит, что права, хотя правдой там и не пахнет. Уж не знаю, осознаёт ли она... или это только рефлекс: всегда вставать в воинственную стойку. Но, когда понимает, что всё происходит по-другому, и она не права, то изображает невинность и заявляет: "Почему же ты не настоял на своём, не убедил?" Да, но только как можно что-то разъяснить, если в рот вложили кляп. Почти всегда правда оказывается в меньшинстве. Наверное, потому, что ей свойственна гибкость, сомнения и поиск перемен. Ложь категорична и проста – отличный предмет для жонглирования.

Заскорузлость мстит всяким удачным попыткам. Она ставит препоны любой изменчивости, любому новому решению. Она обличает и обвиняет. Она тычет во все неудачи, без которых невозможно создавать новое. Она заявляет: "Ну, зачем что-то искать, достаточно подождать и воспользовать-

ся". Она прагматична.

Она боится, что ее победят. Ненавижу её. Она гадит... гадит молодости, пытается уничтожить начало другой жизни, Она завидует. Она знает, что уже неспособна... неспособна вернуться туда, где было задорно и радостно. Она борется с молодостью. Наслаждается предвкушением разрушения. Ей не чужда подлость. В её арсенале самые изощрённые методы. Она, к концу своей жизни, набрала самые мерзкие уловки и, с наслаждением, применяет их.

Но знаю, нужно цепляться за живое, заставить себя думать, стремиться познавать неизведанное, пробудить интерес. Нужно мыслить, рассуждать, да, в конце концов, нужно действовать...

Будасси почувствовал, как техническое решение по смыслу у него уже вызревает и оно, как это часто бывало, довольно простое.

6

Виктор чувствовал, что уже выспался, но открывать глаза всё не решался. И только, когда Ильфат закопошился у двери, Виктор медленно приподнял веки. Нашарил рукой часы у изголовья. Показывали восемь. Для выходного дня не поздно. Потянулся, снова расслабился. Проскользил взглядом по картинкам над кроватью Ильфата: Сталин и Маркс широкими лбами встречали всякого входящего в комнату.

Справа от них – божница с четверговой, а может венчальной свечой. Следом шли диаграммы достижений в индустрии и коллективизации. Под самим Сталиным развешаны разные семейные фотографии. Как это всё вместе сложилось у одного человека? Что это? Равнодушие, пренебрежение или житейская мудрость? Семья и быт под вождями... всё сваривается воедино, и божница, и индустриализация.

Да, для выходного дня эти мысли слишком серьёзны и Виктор вспомнил, что условился в девять встретиться с Иваном и пойти к реке.

...Узенькая тропка, стиснутая с двух сторон плотными зарослями чертополоха, петляя, спускалась к реке.

– Ванька, да не беги ты так! Успеем, – Виктор не поспедал и уже переходил на лёгкий бег под горку.

Река Клязьма в этом месте делала крутой поворот и высокий, не заболоченный, берег представлял собой подходящее место для захода в воду. Иван на ходу сбросил рубаху, принялся за брюки, застрял в штанине и, подпрыгивая на одной ноге, вызволял вторую. В вертикальном положении ему это не удалось, и он, запутавшись, повалился на песок.

– Что же ты такой нетерпеливый? – Виктор не удержался от смеха.

– Я как спокойную прозрачную воду увижу, так прямо и тянет, – Иван вскочил, стянул трусы и, разбежавшись, прыгнул с небольшого обрыва. Громко плюхнулся в воду, вынырнул, резкими короткими саженьками запорхал вдоль русла

реки.

Да, маловата ему эта речка. Виктор подивился скорости, с какой Иван преодолевал расстояние в сотню метров, скрываясь за поворотом. Надо же, так некультиписто, а скоростища... ух, как отчаянно ногами бьёт... ну, силён!

Виктор разделся и медленно зашёл в воду. Для сентября вода оказалась довольно тёплой. Окунулся и ровно поплыл размеренным брассом вдоль берега. В этом году удалось искупаться только пару раз, а были времена, когда всё лето проводил около озера, чуть ли не каждый день. Да, на том небольшом озере около усадьбы Ольгово, где и научился плавать. И тот день, когда впервые он ощутил чувство, что вода держит, был грандиозен. Он всё помнил до мельчайших подробностей.

Тогда, стоя по пояс, он уже мог погружаться с головой и задерживать дыхание. С третьего раза даже заставил себя разлепить глаза под водой. Затем пытался оторвать хотя бы одну ногу от дна, но получалось нелепое опасливое подпрыгивание. И лишь когда уговорил себя расслабиться, аргументируя, что на такой глубине не утонуть, то смог оторвать от дна и две ноги сантиметров на десять. Стрёмно! Так просто не удавалось поверить тем, кто утверждал, что вода держит. Тем не менее, усилие воли, снова под воду, отдал тело воде и... ноги пошли всплывать. Полускрюченный, завис в воде. Непередаваемо! Завис в воде! Это стоит того, чтобы ощутить первый раз. Награда за преодоление. Преодоление неверия.

Преодоление сил-устоев, сковывающих человека с каждым последующим годом жизни. Да, тот день был грандиозен!

А сейчас, Виктор с лёгкостью подплыл к берегу. Не удержался от соблазна: перестал грести, глубоко вдохнул, расслабил мышцы и завис в воде. Дождался Ивана, вышли из воды вместе.

– Речка, как у нас в деревне, – Иван вытянулся на песке, – мелковата, но купаться можно. Я с самого детства воду люблю, как себя помню, плавал, нырял, дыхание могу задерживать на пару минут.

– У меня не так гладко... плавать немного умею, и то ладно, – Виктор перевернулся на живот. Сорвал стебелёк травинки, зажал между передних зубов, потеревил, вытащил, – скоро здесь воды много будет, прямиком из Волги. По проекту эта часть реки под затопление подготовлена: залив небольшой будет.

– Жалко, красивое место, – Иван сделал паузу, но не услышав продолжения от Виктора, сам размеренно заговорил, – вчера письмо от жены получил. Пишет: “... всё нормально, голод вроде пережили, урожай неплохой, волнения прекратились... не стреляют”. Вот дочка уже и говорить пытается... ну пора, два года всё-таки. Ещё не видел её, но соседи говорят, что-то от меня есть. Я в ответ пишу: ничего, скоро увидимся. У меня зачёты за срок идут. Профессии новые осваиваю. С людьми интересными общаюсь.

Иван призадумался и продолжил.

– Да, с людьми общаюсь. Вчера в дурацкую ситуацию попал. Крыльцо в клубе подправлял, доску отпилил, глаза поднимаю... смотрит на меня... я прям чувствую – не к добру... ласково. Говорит, здорово у тебя получается.

– Кто? – Виктор не удержался.

– Я только фамилию знаю, – Береговая, – в газете про неё писали. И вот говорит: "Ванюша, а у нас в женском бараке столько дыр в стенах". Я представляешь, задрожал, мурашки побежали. Мне кажется, покраснел и отказать не могу по плотницкому делу, и знаю, что плохо может кончиться. Короче, быстрее собрал инструменты и тикать. А ей говорю, пишите заявку бригадиру в общем порядке. Теперь боюсь, как бы дальше не пошло.

– Ну, ты даёшь... а чего в газете писали? – Виктор сдержанно улыбался.

– Представляешь, её поставили бригадиром над мужиками – тачки таскать... к тому же бригада отстающая.

– Бабу над мужиками? Как это? – Виктор опёрся на локоть и заинтересованно смотрел на Ивана.

– Сам удивляюсь. Хрупенькая, тоненькая. Ну, так вот. Начала она с малого: в столовой, перед обедом застыдила совсем уж опустившихся, мол, молодые, а ходят грязные и небритые, руки даже не моют. Те ничего сделать не могут, такую не ударишь – пришлось руки мыть. Вечером оказалось, что некоторые из той бригады побрились.

– Ничего себе. Ну, прямо воспитатель в детском саду...

сказки для газеты.

– Слушай дальше. Вероятно, почувствовала она некоторый перелом, пошла дальше. Ну, как говорят, палец дай, так руку откусит. Говорит, давайте я в ночь выстираю ваши полотенца, которыми вы повязываете шеи вместо шарфа, "смотрите, они же просто чёрные", утром получите чистыми и сухими. Уж не знаю, как ей это удалось, но полотенца на тридцать человек с утра лежали стопкой. Так и ещё уловку сделала. Сама повязала каждому, при этом ласково замечание делала, "что же, шеи-то у вас такие грязные". И удивительно, многие пошли мыться.

– Диво дивное. Виктор вспомнил вереницу тачек и грязных, оборванных людей с лицами без малейших эмоций.

– Таким методом она часть бригады вывела из апатичного и безразличного состояния. Да, так и написано в газете: "апатичного и безразличного..." Слушай дальше, – Иван живо махнул перед собой рукой и воодушевлённо продолжал, – вышла бригада на трассу, Береговая увидела, что самый здоровый молодой мужик недогружает тачку – естественно нормы не выполняет. Подходит, схватила лопату, засыпала кузов с горкой. Тот протестует: такую тяжёлую не дотащу. Так нет же, Береговая хватает тачку и, представь, потащила. А потом говорит: "Равноправие нам не зря дали, женщины могут даже лучше справляться".

– Хитра, – Виктор ухмыльнулся.

– На второй ходке, она конечно устала. Мужики отняли у

неё тачку. Та и говорит: "Хоть равноправие и дали, но мужчины всё же сильнее женщин". И так вот, по чуть-чуть, она вывела бригаду в ударную.

– Да, Ванёк, такую не грех опасаться...

Иван замолчал. Лёг, вытянулся, повернул лицо к солнцу, закрыл глаза.

Виктор же, наоборот, сел, подтянул спину в струнку и максимально распрямил колени, попытался образовать между спиной и ногами прямой угол. Упёрся руками о песок, сделал круговые движения головой, замедляясь при встрече с лёгкими порывами тёплого ветерка. Поигрался взглядом: с дальнего берега к ближнему, с зарослей осоки к овальным листьям кувшинок, дальше – ближе... Внезапно остановил взгляд. Тонкие ноги Ивана... Длинный шрам проходил вдоль внутренней части правой лодыжки от самой подошвы до середины голени. Его ровная линия сопровождалась, через равные промежутки, парными белёсыми пятачками кожи. У Виктора сразу промелькнула ассоциация с шнуровкой футбольного мяча, стягивающей разрез для доступа к воздушной резиновой камере. Прямой длинный шрам наполовину ноги явно не мог быть следами травмы и Виктор машинально склонил голову, заглянув на внутреннюю сторону левой ноги. Подобный шрам был и там. Диковинность сросшихся участков грубой старой кожи и тонюсенькой новой кожицы с цветовыми переходами от белого до насыщенного фиолетово-красного, побудили Виктора прикоснуться к

шраму и аккуратно провести по его неровностям мизинцем. Иван вздрогнул, одёрнул ногу и резко поднял голову. Сообразив, снова расслабился.

– А, это... Да, с ногами беда... В детстве думал, что с такими полосками родился. Но, когда постарше стал, мать рассказала. Оказывается, уродцем родился, ноги сильно кривые были. В райцентр возили, там хирург искусный... как мать говорила: "Жилы режет и сшивает, не моргнув глазом". Ничего, теперь даже бегать могу. Правда, стопа в подъёме не очень гнётся. Ну, ты видел, как плаваю – ногами воду глушу.

– Видел... так быстро плавать, другой позавидует.

Иван не ответил, слегка скривил губы.

– Ванька, как думаешь, смыв получится? – Виктор озвучил вопрос, постоянно крутившийся в голове.

– Конечно, что же зря стараемся без швов делать? Двойной пол из шпунтованных досок, знаешь, как тщательно щели законопатили, да ещё просмолили. Наши ребята в бригаде и не сомневаются... разве стали бы нам за просто так дополнительную пайку давать, – Иван лежал, не размыкая глаз, – а ты разве сомневаешься?

.Виктор наблюдал, как оранжево-чёрные мохнатые шмели опыляли красивые цветки растения с овально-ланцетными листьями, собранными в мутовки по три. Необычная форма лилово-розового цветка, сантиметров трёх, заинтересовала Виктора, и он придвинулся к нему ближе. Пять лепестков, несимметрично сросшиеся, образовали своеобразную коро-

бочку, в которую вползали даже самые крупные шмели и полностью в ней скрывались. Виктор приоткрыл один цветок: пестик в самой глубине, тычинки где-то сбоку. Действительно, пока в коробочку не залезешь – не опылишь. На стебле, чуть ниже, располагались и плоды – вытянутые пузатые коробочки, размером с полспички... как микродирижабли. Случайно рукавом задел один и... вдрогнул от неожиданности.

– Ванёк, смотри! – Виктор выбрал пузатый, более тёмный плод с красными прожилками и слегка прикоснулся к нему пальцами. Плод щёлкнул, расщепился на лоскутки, чёрные семена разлетелись в разные стороны.

Иван вскочил, подбежал к ещё более крупному плоду и только подвёл пальцы – семена разлетелись.

– Ничего себе... а этот... Ты видел... видел? Шмальнул метра на три, – Иван высматривал подходящие плоды, подбегал к ним и взрывал, радуясь произведённому эффекту.

...Со стороны реки, белокаменный храм Спаса Нерукотворного, – небольшой одноглавый бесстолпный четверик и колокольня с островерхим шатром, – величаво возвышался над пустеющим селом Спасское-Котово. Вот уже месяц, как часть домов разбиралась и вывозилась из зоны планируемого затопления, но самое высокое место с храмом должно было остаться над водой. Тем не менее, судя по движению во дворе, здесь тоже происходило выселение. Тропа проходила рядом и непривычная суета у ворот храма заставила Викто-

ра с Иваном замедлить ход. За кованой оградой стояли три телеги, на которые монашки в чёрных рясах суетливо укладывали иконы, книги, церковную утварь и даже куски лепнины. Человек в фуражке нетерпеливо ходил между повозками, осматривал поклажу, что-то говорил, то красноармейцу с винтовкой, то сгорбленной старухе. Старуха, периодически, едва поднимала и опускала костлявую правую руку. Подойдя к связке книг, она пальцем потыкала на обложку, ни к кому не обращаясь, проговорила: "Вот, вот где истина жизни. А вы её в печку, небось". Человек в фуражке повернулся: "Да, можете забрать эту галиматью. Теперь здесь типография будет. Нужные книги будут печатать".

Резкий удар в колокол парализовал всех. Взоры устремились на колокольню. – Это же отец Дмитрий! – старуха суетливо крестилась, – ой, не к добру, не к добру... Растрёпанный седой священник в чёрной рясе неистово раскачивал язык большого колокола и мерно ударял. Монашки замерли. Человек в фуражке махнул другому красноармейцу, стоявшему у ворот: "Сычѳв, сбегай, оттащи его оттуда, а то мы от грохота с ума сойдѳм". Сычѳв снял с плеча винтовку. Поспешно стал поднимался по каменным ступеням. Три пролѳта невысокой колокольни он преодолел быстро. Вышел на площадку, схватил священника за рукав, но тот отмахнулся. Вторая попытка красноармейца тоже не увенчалась успехом. Перекошенное злое лицо старика металось во все стороны. Красноармеец покачнулся от толчка в плечо. Старик что-то

кричал и ещё громче ударял в колокол. Красноармеец развернул приклад винтовки и ринулся на старика. Тот только успел отвести язык колокола, как удар прикладом пришёлся в висок. Священник казалось замер, но спустя секунду, держась за канат, обмяк.

Иван с ужасом смотрел на колокольню и мелко крестился.

7

Ковалёв запустил растопыренную пятерню в самую гущу своих вьющихся волос. Нет, с такими лохмами к Никитишне идти не хотелось. Постричься можно было у мрачного латыша, но его машинка с тупыми ножами, буквально рвущая волосы, вызывала отторжение, да и остающийся после такой экзекуции седоватый ёршик убивал последние черты индивидуальности. Ковалёв решил выкручиваться самостоятельно – когда-то неплохо получалось. Он выдвинул нижний ящик стола, приподнял несколько картонных папок, вытащил большие ножницы. Ржавчина слегка тронула лезвия. Не надо было давать пацанам – бросают, где не попадя. Провёл подушечкой большого пальца сначала поперёк одного, потом другого лезвия и хмыкнул. Кромка немного завалена, но ничего, пойдёт. Протянул руку к старым газетам, взял несколько сверху. Передвинул табуретку в угол, на полу рядом расстелил газеты. Разворот "Правды" отреагировал большой фотографией с заголовком "Посещение строитель-

ства канала высшим руководством страны". На фоне массивных стрел экскаваторов и фундамента шлюза – скелета из прутьев арматуры, по деревянным настилам шагала делегация. В центре – Сталин в наглухо застёгнутой шинели, на голове глубоко надвинутый картуз – поздняя осень. Правая рука покоится на груди – воткнута между пуговиц внутрь шинели, левая спрятана в карман. Смотрит себе под ноги, на лице – хитрая ухмылка. Вероятно, что-то важное спросил, а остальные думают над ответом. Лица у них напряжённые – серьёзные люди с огромными пятиконечными звёздами. Одними только звёздами, сколько величия наводят. Но, не сейчас... сейчас тоже смотрят себе под ноги – обдумывают ответ вождю. Ворошилов, Молотов, Каганович... остальные, сколько их тут... десятков? Странная фотография – не постановочная. Сталин любит смотреться простым человеком.

Ладно... ножницы, расчёску и можно начинать.

Начал Ковалёв с правого края, выше виска. Первые нерешительные движения. Развернул ладонь левой руки наружу, плавно завёл пальцы к корням волос, зажал между указательным и средним пальцем локон. Правой рукой, аккуратно, слегка касаясь пальцев с зажатыми волосами, приложил раскрытые лезвия ножниц. Сомкнул. Х-хрумм! Локон упал на газету... жёсткие волосы, как тонкая проволока!

Сначала процесс шёл с трудом, но с каждым следующим движением уверенности прибавлялось. Ковалёв делал проходы до затылка, смещаясь левее. Справа довольно удоб-

но, но с левой стороны приходилось изголяться – крутить ножницы, и так, и эдак. Главное, захватывать волосы между пальцами, развернув ладонь кверху, тогда натянутая кожа не даёт шанса неудачно сомкнуть ножницы вместе с кожей. Но вот сзади... Здесь требовалось внимание. Не везде удавалось захватить волосы развёрнутой наружу ладонью. Тогда Ковалёв пытался зажать локон щипком – указательным и большим пальцами. Так безопаснее. Оттяпать кусок кожи на фаланге указательного пальца – раз плюнуть. Несколько раз такое чуть не случилось и, Ковалёв, матюгнувшись, одёргивал руку. Но, ничего, приноровился – зажал-состриг, зажал-состриг... почти полтора часа.

Состриженные волосы: тёмные полуколечки с затылка, тронутые сединой прямые кусочки спереди, нежные ростки с шеи – все они бесшумно падали и постепенно покрывали фотографию вождя и всей свиты.

Если бы не порядком разбитая заклёпка, соединяющая лезвия ножниц... Приходилось основанием большого пальца поджимать кольцо рукоятки, чтобы добиться смыкания лезвий без зазора, отчего быстро росла водянистая мозоль на фаланге большого пальца, раздавшаяся до размера пятака. Тем не менее, Ковалёв упорно продолжал и, только когда больше не удавалось захватить очередной локон, завершил.

Осколок от большого разбитого зеркала показал вполне сносную стрижку спереди – волнистые волосы скрывали неровности естественным образом. Сзади же, ближе к шее,

пришлось доделывать: наобум прикладывал одно лезвие к коже шеи, сдвигался выше, нащупав волосы, смыкал ножницы. Понемногу сдвигался, пытаюсь угадать естественный контур.

Да, есть преимущество у кучерявых – огрехи почти незаметны.

...Ковалёв хранил её в небольшом сундуке под столом. Белая косоворотка. Выходной вариант. Только для праздников. Посмотрел на воротник. Почти отстирался – не зря женщинам отдавал. Ковалёву никогда не нравился разрез ворота сбоку, но упрямый портной в деревне, то ли назло, то ли привыкший к своим лекалам, отказывался делать прямой ворот. Даже предложение оплаты сверх тарифа не помогло – тот только упрямо повторял: "Нехристи... Христа на вас нету!". Ковалёв хотя и был крещёным, но крестика не носил. Ещё с ранних лет любил выставлять напоказ широкую грудь, глубоко распахнув рубаху. Теперь от крепкого стана остался только миф, да привычка.

Взъерошил волосы перед кусочком зеркала, попытался улыбнуться, как делал в молодости и вдруг осознал, что, с каждым разом, это выходит всё хуже. Разучился улыбаться. Да, к старости вполне можно основательно измениться... вон, некоторые даже не доживают... но, чтобы потерять улыбку, такого Ковалёв не ожидал. Странно, шутки воспринимаю вроде адекватно, смеяться, кажется, умею и довольно часто делаю, но чтобы так неуклюже улыбаться. До тридца-

ти лет она вроде ещё существовала, чему свидетельствовали проступающие из памяти замечания былых товарищей: то грозные "чего лыбишься?", то доброжелательные "мне нравится, как ты улыбаешься", что побуждало губы произвольно расплываться в улыбке ещё шире. Правда, кончалось либо ударом в челюсть, либо объятиями. Теперь же, только смех. Уверенный смех, иногда жёсткий, по всем поводам, где он казался уместным.

Потерянный рефлекс? Ну, может ещё разок попробовать? Ну, давай, покажи... Забытые мышечные усилия привели к какому-то оскалу. Ещё и две глубокие морщины, спустившиеся от крыльев носа к кончикам губ... Лошадиная вытянутая морда. Только ржать и можешь... вот и нет у тебя больше улыбки... потеряна... навсегда. Вот младенец улыбается произвольно, вот блаженный лыбится рефлекторно, вот оболститель натягивает лыбу для своих корыстных утех. Но, отчего же, когда-то улыбался я? Можно предположить – от жизни. Были цели – было и удовольствие от их достижения. Может от этого? А может банальная защитная реакция на внешние факторы – ну, вроде доброжелательный, скорее всего, не опасен... правда, не осознаёшь подобное. Да, объяснения найдутся. Да, в старости можно без опаски смеяться над всем, чем захочешь. Да, даже без повода. Как там, смех без причины... что с него взять... выживает из ума. Но, можно ли в старости улыбаться? Где же моя лучезарная улыбка?

Ковалёв вздохнул, завернул в газету ворох свежесостриженных волос и направился к выходу, на ходу раздумывая, где лучше мыть голову – на речке или под умывальником.

...Она стояла перед ним в свитере из грубой шерсти серого цвета. Один рукав отрезан почти по самое плечо. Ковалёв медленно проводил руками по колючей шерсти, слегка притягивая к себе. "Ах! Эти чёрные глаза..." Она подалась к нему. Он наклонился к ее волосам, почувствовал, как кровь охватывает его тело, заполняя не только низ, но и выше. Он прижался к ее щеке, ощутил сухую кожу и закрыл глаза.

А первый раз было очень давно, наверное, после окончания школы. Ту девушку, с чудным для русского слуха именем – Гульфия, Ковалёв не мог называть Гулей. Ассоциация с глупыми голубями не выходила из головы, и он обходился пространством – Фея. Тогда, на жёсткой прелой соломе их гибкие тела и ощутили первый раз чувство единения. Правда, было это неуклюже, слишком быстро и неуправляемо. И, вероятно, как тогда казалось Ковалёву, быстрота не очень понравилась Фее и она отпихнула его. Хотя она и не убежала, но провожал он её молча, боясь гнева. На этом всё и кончилось – Ковалёв быстро охладел к Фее.

Никитишна старалась нежнее потереться щекой о его кончик носа. Ковалёв даже расплылся в улыбке, открыл глаза и стал стягивать с неё свитер.

– Здесь же холодно, он не мешает. – Но Никитишна не особо сопротивлялась и Ковалёв положил руки ей на плечи

и сразу почему-то захотелось потрогать тоненькую кожу на культе. Подушечками пальцев чуть коснулся. Никитишна вздрогнула. Ковалёв встретил мягкий взгляд.

– Саша, давно у меня не было. Кажется, забытое чувство. Это не то, что с мужем раньше было, как по расписанию. Да и было, лет пять назад. А ты, смотрю, не очень спешишь?

– Отспешились в молодости, – Ковалёв подталкивал Никитишну к потрёпанной лежанке и удивлялся, что ещё может делать плавные движения. Опять всплыла в памяти Фея, – тоненькая белая шея и длинные каштановые волосы, – в них тот молоденький Ковалёв старался зарыться. Фея в свою очередь запускала пальцы в его густую шевелюру. Ковалёв шёл глубже, ощущая желанные толчки, а где-то вдалеке подсознание шептало: "Ах! Эти черные глаза меня погубят... Ангелина... Ангелина..."

8

Будасси наконец узнал, куда пропала делегация. Диспетчер сообщил по телефонной связи, что Ягода пожелал прокатиться на, как он выразился, "несуразице", и пришлось останавливать движение составов по всему кольцу. И только теперь Будасси увидел – дрезина приближалась. Остроносый Ягода и с острой бородкой Калинин сидели впереди и, довольные таким аттракционом, вертели головами по сторонам. Афанасьев и Усов, сзади, усердно работали рыча-

гом-качалкой, то подтягивая её к себе, то отпуская, удерживали ритм. Подмышки их гимнастёрок украшали большие мокрые пятна.

Как только дрезина подкатила к смывной площадке, Афанасьев скомандовал: "Стоп" и первым соскочил с дрезины.

– Ну вот, вижу ваш знаменитый смыв... вернее наш... я ведь тоже участие принимал, – Ягода окинул взглядом деревянные помосты, лесенки, площадки. Увидев Будасси, приветливо кивнул ему: "Как? Работает изобретение?"

– Работает, Генрих Григорьевич! Лучше вам вот туда встать. Оттуда хорошо будет видно. Да там и площадка просторнее, – Будасси указал на деревянный мост, перекинутый через трубопровод, по которому подавалась вода на гидромониторы.

– Моя свита ещё долго будет пешком идти, так что можем начинать и без них. Хорошо я придумал? Пусть прогуляются, животы отъели, ходить уже разучились, – Ягода, с усмешкой, показал пальцем на гуськом перемещавшихся людей вдали, около Северной станции.

– Да, похоже, долго будут идти, – Будасси согласился, взял телефонную трубку и скомандовал диспетчеру: "подавай с пятого забоя".

Вдалеке паровоз выпустил клубы чёрного дыма. Грузёный состав выбрался из забоя и пошёл по кольцу. Чтобы заполнить паузу, Будасси говорил, как бы обращаясь, то к Ягоде, то к Калинину.

– Весело у нас тут, карусель завертелась! – Будасси, похозяйски, вскидывал руку, указывая объекты. – Сейчас, лю-бо-дорого посмотреть! Шестнадцать экскаваторов, сорок во-семь паровозов, платформ больше тысячи. Теперь можно сказать – перестала “Глубокая” быть узким местом. Правда, донимают еще пливуны. Если экскаватор попадёт, так завяз-нет на метр, а то и два и тогда весь план вверх тормашка-ми... – Будасси заметил суровое лицо Афанасьева, но это его только раззадорило, – А что тут делалось в апреле? Невооб-разимо! Топь... до пупа земли... на свалке, что ни день – оползни! Ну, вы же там были, чего я вам рассказываю.

Наконец, к смывной площадке подвели две гружёные платформы. Отбросили борта. Будасси выискал взглядом бригадира смывной команды и широким жестом дал отмаш-ку: "Начинай!".

В грунт ударили гидромониторы. Управляемые струи би-ли, и по вертикали, и по горизонтали, сбивая грунт с плат-форм. Струи из нижних мониторов направляли жидкую смесь в деревянный жёлоб.

– От первоначального варианта пришлось отказаться. Помните, Генрих Григорьевич, на эскизах четырёхметровый в высоту помост? Там предполагалось, что сбитый с плат-форм грунт, смешанный с водой будет легко сходить к жело-бам, но нет, заторы создавались. Пришлось в скором поряд-ке уклон увеличивать, гидромониторы на метр поднимать.

– Вполне понятно, Сразу видно, грамотный инженер, рас-

сказывает подробно, ничего не таит... – Ягода, удовлетворённый объяснениями, теперь как бы спрашивал подтверждения у молчавшего Калинина, – Помнишь, Михаил Иванович, как недавно к академикам ездили. Подойдёшь к этим, так называемым светилам науки, мычат чего-то под нос, какие-то словечки непонятные вкручивают... как к ним после этого относиться... светила они, мол...

– Угу, – Калинин согласился.

– Вот, четыре с половиной минуты, и готово! – Будасси сначала посмотрел на часы, потом кивнул в сторону поблёскивающих от воды оснований двух платформ и деревянного помоста, – чистенько.

Афанасьев сиял. Ягода посмотрел на него: – Ну ты, Григорий Давыдович, как начищенный медный пятак. Давай готовь списки на награждение людей.

Ягода увидел, что его свита почти подошла к смывной площадке, взял под локоть Калинина, отвёл чуть в сторону, пошептался с ним и объявил: "Александр Владимирович, а ведь мы не замкнули кольцо. Организуй-ка нам..." Будасси набрал диспетчера: "Принимай нулевую на Северную через пятую".

Усов услужливо забежал перед Ягодой, спеша к дрезине. Афанасьев буквально повис на шее Будасси, зашептал:

– Дай тебя расцелую! – широко раскрыв глаза, он испускал лучезарную улыбку и тянулся лобызаться.

– Гриша, ну чего ты, всё нормально...

– И когда только успел исправить?

– Пару суток и понимающие ребята.

– Да-да, списки на премию готовь.

Дрезина медленно пошла в сторону Северной станции. Афанасьев и Усов непрерывно перемещали рычаг, заставляя дрезину быстро набирать скорость. Будасси удовлетворённо хмыкнул, услышав матерную ругань – свита Наркома поворачивала назад.

– Александр Владимирович, результаты проб грунта и заключение из лаборатории прислали, – Виктор подбежал к Будасси, держа в руке развевающиеся на ветру листы бумаги, – сообщают, что в новых квадратах по западной стороне не будет тяжёлой глины, основной грунт – лёгкий суглинок и супесь.

– Ну, вот, а ты боялся, теперь с разгрузкой проблем не будет.

Заросли жёсткой травы, и цепкие ветви малины не давали легко подойти к дому. Приходилось пробираться, с хрустом, переламывать сухие стебли и придавливать их ногами. По мере продвижения тревога нарастала, с каждым шагом чувствовалась необъяснимая сила, исходящая от безжизненного неприветливого строения. Но, это естественно, как мо-

жет быть приветливым дом, не обитаемый, похоже, десятилетиями. Он выделялся среди шести таких же брошенных людских жилищ. Издалека дом казался добротным: аккуратно подогнанный чёрный сруб. Ближе, он несколько потерял свою статность – колонии сизого мха обосновались на стыках брёвен. К тому же яблони неукротимо выпускали каждый год новые ветви, безропотно пролезающие в окна без стёкол. Старый дом... И всё же он манил, нащёптывал подсознанию: "Иди ко мне".

Ковалёв сомневался, правильно ли помнил с детства название деревни: то ли Криуша, то ли Кривуша. Когда мать была ещё жива, ему так и не удалось толком разговорить её о тех временах – сразу обрывала: "Вырастешь – узнаешь". Теперь он не только вырос, но уже морально готовился к завершению жизненного пути. И вот, случайно, а может и неслучайно, но точно, по божьей воле, на втором году пребывания на Беломорстрое ему выдалось сопровождать из Медвежьей горы в Пудож одного политработника. По пути и встретились эти брошенные дома. Возница решил сделать остановку. Ковалёв что-то почувствовал, от неожиданности, замер, а потом перешёл к действию.

Покосившийся козырёк над крыльцом, скрипящие ступеньки к закрытой входной двери. Закрытой, но не запертой. Замков здесь и не знали. Две верёвочки, свисающие из отверстий, рядом с ручкой. Легко сообразить – с обратной стороны откидной засов. Громко сказано, засов. При этом

слове рисуются массивные ворота с металлическими пластинами, задвигаемые мышечными усилиями огромного стражника на входе в европейский каменный замок. Нет, здесь деревянная перекидушка, подобно шлагбауму. С помощью верхней верёвочки поднимают, с помощью нижней опускают. Всего-то... раз и открыл.

Ковалёв толкнул дверь. Жуткое покрякивание несмазанных петель и... слава богу, сегодня светлый день и помещение хорошо просматривается. Наверное, при луне со страху и шагу не ступить... Да, жизнь была здесь очень давно. Сразу – безрадостная картина в прихожей: набросанные тряпки на полу, в углу две кучки, то ли песка, то ли золы, похоже, отходы из печи. Хозяин последние дни уже не заботился о чистоте. Прямо – лестница на второй этаж. Направо – вход в жилые комнаты. Сделал неуверенные шаги. Скрип порожка... Ощущения непрощенного гостя... но это не останавливает – здесь пространство без времени. Оно остановилось тогда.

Ковалёв, когда ему исполнилось два года, с матерью переехал в Вологду. И только в десять лет узнал от сердобольной соседки, что они из "некой деревни у огромного озера". Сначала он пытался всё узнать у матери, но добился только, что отец у него "никчемный человек, вечно витающий в облаках", что они будут жить без него и эта тема должна быть закрыта. В качестве небольшой уступки – название деревни, которое Ковалёв не удержал в памяти.

Печь... источник существования любого жилья, цен-

тральная его часть, в прямом и переносном смысле. От межкомнатных перегородок остались только следы на полу, – можно обойти вокруг печи, вернее сказать, вокруг основательного обогревательного сооружения, так как создаётся впечатление, что здесь поработала человеческая мысль. Каждое помещение получило что-то своё: кухня – основательную русскую печь, часть которой досталась и большой комнате, первая маленькая комната довольствовалась небрежно выложенной "голландкой" в форме небольшого параллелепипеда, вторая маленькая комната отапливалась печью Утермарка, в виде вертикально расположенного металлическом цилиндра.

Ясно одно – зимой здесь холодно. На русском севере не забалуешь. Эту фразу твердил Сергей Назарович – сосед Ковалёва по нарам, когда завершал очередной рассказ о конструкции печей. Ковалёв так и говорил Сергею Назаровичу полушутя: "рассказ", хотя это были серьёзные лекции по печному делу. Буржуйка в торце барака едва справлялась с обогревом, но в тёплые деньки нагревала помещение и до восемнадцати градусов – люди оживлялись и, даже, с каким-то благодушием, пускались в воспоминания. Сергей Назарович же произвольно вскидывал седеющие брови и излагал Ковалёву методики расчёта, выбор конструкций, особенности кладки. Ковалёв вроде и слушал, а вроде и нет, но речь была такая плавная и приятная – неведомые инженерные словечки кажется даже обростали смыслом, складываясь, в во-

ображении, во что-то сложное. Сергей Назарович иногда поглядывал на несколько отрешённого Ковалёва и, тряхнув бородой, замечал: "Да, ты можешь и не реагировать, просто мне нужно кому-то высказывать всё, что знаю. Такой опыт за жизнь накоплен. Скоро помирать, а передать некому". Ковалёв внутренне соглашался, не хотел обижать старика, зная, что, возможно, тот уже никогда и не вернётся в Ленинград и больше не прочитает лекции в институте. И только, когда кто-то не выдерживал и недовольно выкрикивал из темноты: "Да заткнись уже. Спать мешаешь...", Сергей Назарович останавливал разговор и благодушно говорил Ковалёву: "Ну, ладно, потом дорасскажу. Давай спать".

Ковалёв ухмыльнулся, как бы очнулся, медленно пересёк пространство, ранее поделённое на комнаты. Странно, мало, что осталось от жизни бывших хозяев. Очищены стены – добротнo подогнанные брёвна и законопаченные щели, лишь иногда встречаются редкие остатки чего-то похожего на обои. Зачем здесь эта забава городских мещан? Основательный пол из широких толстых досок совершенно не скрипит и не прогибается, хотя видно всего лишь три поперечных бруса, метров десять в длину. Потолок низкий – легко достать руками человеку среднего роста.

В большой комнате угол, вероятно, когда-то был занят иконами – сейчас лишь пара деревянных полочек. Нелепая опустошённость. Кажется неуместным так очищать помещение – как будто готовили под новых жильцов. А может так и

было? Ещё раз прошёлся по кругу. Вот, на границе большой комнаты и кухни, с потолка свисает металлический крюк под люльку. Да, большой крюк. Ковалёв отметил про себя, одним из словечек Сергея Назаровича, – "классический". На картинах художников: хозяйка одной рукой качает люльку, а другой помешивает похлёбку в котле. Может в этой, дорисованной воображением, люльке когда-то помещался и этот, уже седеющий, крупный человек, что стоит напротив и просит память сжалиться и показать картинки младенчества... какого они цвета? Неужели серость и тоска? ...хотя... могло ли то малюсенькое существо что-то запомнить?

На кухне, над местом, которое когда-то занимал умывальник, свисают свернувшиеся от старости остатки клеёнки и малюсенький кусочек разбитого зеркала, чудом оставшийся на стене – прижат головкой декоративного винта.

Вышел в прихожую... или как называется? Городские словечки кажутся чуждыми. Дальше закуток – место под уборную. Да, туалет в доме – вот так роскошь! Аккуратное местечко... возвышается. Выгребных ям в этой местности нет – внизу подставляли бак.

Ковалёв поднял голову. Второй этаж. Залезть на второй этаж? Лестница. Широкая. Снова удивление – совершенно не скрипит. Заходить в дом было боязно, но подниматься по лестнице гораздо страшнее... тем не менее... плавно и нерешительно... стоит осмотреться... похоже, хлев... темно... окон нет... да ну его... туда не надо лезть. На другой сторо-

не светлее. Огромное пустое помещение. Но что это? В центре – вертикальный брус, в него вколочен большой гвоздь, на гвозде висит что-то яркое. Шаг – ближе. Оранжевый цвет на фоне всего серого. Курточка из плотной ткани ... удивительно, оранжевый цвет... почти новая. Как она ярко контрастирует с пустым неживым пространством. Почему она здесь, почему ее не бросили в общую кучу с серым тряпьём? Вот висит себе, и летом, и зимой. Вьюга наносит снег в окна без стёкол, вода осенних дождей просачивается через подгнившую крышу. Всё серо и неприглядно. а оранжевая курточка висит.

Мысли засуетились в голове у Ковалёва. Точно, сразу не домыслил. Внизу ведь валялись какие-то маленькие баночки. Где-то глаз пару раз засекал уже непригодные кисточки и только сейчас... Художник... последняя картина... да, может, именно так и выглядела его последняя картина.

10

Виктор рассеянно смотрел на остатки верхней террасы. Склон изрезан канавками, по которым потоки тёмного меса медленно стекали на железнодорожные пути, проложенные по бечевнику. Люди подхватывали эту кашу лопатами и закидывали на платформы. Из щелей между бортами просачивалась мутная вода. Наконец, погрузка закончилась, и состав тронулся.

Плывун – коварная штука – то ли грунт, то ли жидкость. В него не входит лопата, а если встанешь ногой, то засасывается так, что приходится вытаскивать сначала ногу из сапога, а потом вызволять и сам сапог. Такое месиво – вроде выбе-решь, отвезёшь, а за ночь новая порция натечёт.

Виктор помнил, как зимой, когда плывун замёрз и стал твёрдым, как скала, чего только с ним не делали, и долбили кирками, и рвали аммоналом. Взрывы не давали особого эффекта, под леденистой верхней коркой оставалась жидкая субстанция, которая и гасила силу взрыва, как подушка. Единственным надёжным решением было поймать такое состояние, когда он только начинал подмерзать, густеть, когда становился похожим на печёнку, вот тогда его и брали. Тогда и работали круглосуточно, под слепящими лучами прожекторов. Как же Афанасьев тогда орал на бригадиров, чтобы не упускали ни минуты времени. Ну, конечно, Будасси сказал тогда: "Нельзя упускать ни минуты. Если погода на мороз пойдёт, то встанем надолго". А для Афанасьева Будасси авторитет, может и правильно, – кто этот чекист без такого практика-прагматика? Без него за два года такие объёмы точно не перелопатили бы. Сеть путей и смысв чего стоит. Виктор посмотрел вдаль. Чистовая зачистка склона шла по южной части Глубокой выемки. Да, как и обещал Будасси, за два года сделали. Откуда он знал, что глубже пойдёт, в основном, суглинок и супесь? Геологи убеждали, что будет тяжёлая глина. Тогда уж Будасси попал бы впросак с неработа-

ющим смывом. Там ведь без мощных двигателей для насосов и не спихнуть глину гидромониторами. Откуда у него такая чуйка? Часто говорит: "Опыт, опыт... надо было много спотыкаться, чтобы уверенно ходить". Да, умный человек! Ха, помню вопросик его про изгибы русла, долго не выходил из головы. Правда и ответ не очевиден: возможно, будет разрывать протяжённые прямые стенки при сезонных изменениях температур, вот и надо виражи закладывать – как змейке извиваться.

Внезапно к равномерному стуку колёс удаляющегося состава прибавились отчаянные крики. Люди бежали: те, кто находился на склоне – врассыпную, кто ниже – вдоль бечевника. Виктор запрокинул голову, пытаясь оглядеть склон выше – выяснить причину, и окаменел. Огромный пласт земли отделился и начал смещаться вниз. Гигантская трещина по верхней террасе увеличивалась. Образовавшаяся пустота под нависшим козырьком, как открывающийся зёв огромного чудовища, расширялась. – "Бегите!" – Виктор не узнал свой голос, и через мгновение чудовище захлопнуло пасть. Сначала первая волна скатывающейся глины повалила столбы, порвала провода, сдвинула пути, а затем вторая равномерно всё это засыпала.

Когда шум стих, Виктор опомнился. До обвала успели передать разрешение на проход порожнего состава по бечевнику. Машинисты привыкли к густому угольному дыму, всегда висящему в забоях и, поэтому действовали почти всле-

пую, полагаясь на команды диспетчеров, Обычно, дав предупредительный гудок, они, не особо наблюдали за внешней обстановкой, устанавливали средний ход до точки назначения, будь это забой, станция или разгрузочные тупики.

"Аварийная стрелка метров в пятидесяти отсюда. Успеть бы переставить на ветку к противоположному склону", – Виктор осознавал, что пытается бежать, но нормально бежать по шпалам не удавалось – ноги постоянно сбивались с ритма. Дурацкое расстояние между шпалами не позволяло набрать скорость: он то семенял по каждой, то делал гигантские прыжки через одну, пытаясь попадать на ребро для энергичного толчка, и быстро выдыхался. Наконец, добрался до стрелки, обхватил рукоятку рычага и дернул вниз. Эффекта не последовало. Навалился всем телом – без толку. Только хруст рвущейся материи под мышкой. Взглядом опять скользнул по рельсам. Попробовал перевести стрелку ещё раз. Рычаг не поддавался. Гул подходящего состава нарастал, и Виктор рванулся навстречу, замахал руками. – Стой! Обвал! – срывающийся голос. Паровоз надвигался. "Скорость небольшая, попробую заскочить". – Виктор развернулся, ускорил шаг, дождался, когда паровоз поравнялся с ним, побежал, пытаясь найти лестницу сквозь белый пар. Цап! Правой рукой ухватил поручень, левой – ступеньку. "Подтянуться..." – но сил не хватало, ноги спотыкаясь, перескакивали через шпалы. "Уф..." Удар в бедро и ноги поволокло по земле. В сознании пронеслось: "Об рычаг стрелки

долбанулся..." Виктор рывком перехватился правой рукой за верхнюю перекладину, услышал испуганный крик где-то внутри паровоза: "Егор, гаси машину!" и почувствовал, что его вытягивают наверх.

– Стой... дальше нельзя... обвал... стой..." – Виктор, задышавшись, продолжал кричать, пока не осознал, что паровоз сбавляет ход. И только тогда отключился.

11

Костёр рядом с сараями хозчасти разгорался. Языки пламени лизали разные изображения: буквы и цифры, отстуканные печатной машинкой на ровных листах сероватой бумаги, прямые линии и дуги, нанесённые карандашом на полотна ватмана и кальки, корявые чернильные или, наоборот, аккуратные строки, оставленные на полях старых газет. Горело всё вместе.

– Это последнее, – Архип бросил в огонь небольшую пачку пожелтевших потрёпанных листов.

Иван обрезком арматуры перевероршил новые жертвы огня: "Надо было заранее распотрошить, лучше горели бы".

– Жгём историю, – Архип задумчиво уставился на пламя.

– Да какая там история, старьё всякое, – Иван похлопал прутом арматуры по бумажному рулону. Взметнулись мелкие искорки. Подхватываемые горячим воздушным потоком они поднимались вверх и, пролетев несколько метров, гасли.

– Ну, не скажи, вот, посмотри, – чертёж. Кто-то ведь размышлял: получится – не получится. Сначала неуверенные эскизы, потом более проработанные, и так постепенно шагком за шажками – к чистовому варианту, – Архип шепелявил.

– Так ведь это промежуточное звено – раздумья. Конечный результат останется на земле и всем видно будет: получилось – не получилось. А окончательный чертёж – в архив.

– Останется-то останется, только ведь не видно той дороги, по которой шли... У меня вот внучка. Вчера вместе с ней сидели. Она стихи заучивает в школу... про трактора, преобразующие деревенскую жизнь. Я внимательно слушал. Там каждая строфа оканчивается: "Ударник, скажи своё большевицкое надо!" Спрашиваю внучку: "Надо-то что?", а она: "Не знаю, отвяжись". Вот так, надо и всё. И получается, что дорожку жизни новое поколение заново протаптывает, хотя рядом утоптанная зарастает.

Иван хмыкнул. Замолчали.

– Эй! Тьфу, как там тебя... Лыков, поди сюда. Надо и наши бумаги сжечь, – громкий голос Ващенко заставил Ивана обернуться, отложить арматуру и подняться.

Опять этот, резкий на движения, словоохотливый Ващенко. Опять я им для чего-то нужен. Бумажки вынести ведь и Архип мог бы. Иван следовал за Ващенко в административное здание. Одна из боковых комнат спецотдела. Ващенко указал на две стопы серо-жёлтых обложек, лежащих на сто-

лике у подоконника.

– Вот эти дела. Которые слева – в огонь. Щас верёвку при-
несу.

Дела... Иван издалека скользнул взглядом по картонным
корешкам. Леонов, Джамаров, Капитонов....

– Держи верёвку, – Ващенко вручил пару метров тонкой,
плохо скрученной бечёвки, – нормального мотка нет, огры-
зок нашёл, тебе хватит.

– А что стало с этими людьми? – Иван ткнул пальцем на
дела.

– Чего не знаешь? Досрочно освободили, – Ващенко, с
усмешкой, направился к столу в другой конец комнаты и, не
оборачиваясь, добавил, – пошевеливайся. Макаров вернёт-
ся, а ты здесь. Не очень он тебя жалует.

Иван подошёл к подоконнику, заваленному бумагами,
свёртками, папками. Остановился напротив папок.

Странно, Цыпин – это же Цыпа... его ведь убили. Может
для статистики посчитали досрочно освобождённым?

Нашёл ещё одну знакомую фамилию. Странно, он ведь
давно освобождён. Ладонями подбил с боков корешки, па-
ру раз крест-накрест перехлестнул разлохмаченную верёвку,
затянул незатейливым узелком-бантиком.

– Я понёс, – Иван громко прокомментировал свои дей-
ствия.

– Угу, – Ващенко буркнул, продолжая копаться в старых
бумагах, видимо, подбирал следующую партию для уничто-

жения, – давай, щас выйду проверю.

Только Иван закрыл дверь, как столкнулся в коридоре нос к носу с Макаровым.

– Здравсте, я вот... меня Ващенко просил помочь... – заплетаясь в словах, Иван, зачем-то, начал оправдываться.

– Хорошо, иди-иди.

Прохладный ветерок и слабые сумерки. Сзади слышалось цоканье сапог по деревянному настилу крыльца – звук отчётливо слышимый даже на расстоянии метров двадцати.

Костёр догорал – огню требовалась подпитка. Иван присел на корточки, дёрнул конец верёвки и распотрошил связку. И сразу начал с этой папки.

– Эй, постой? – голос Макарова послышался рядом, в тот момент, когда мелкие искорки разлетелись из-под брошенного в центр костра плотного картона, – ты чего сейчас бросил?

– Я... я бумаги жгу... которые велели... – Иван распрямылся и встал перед Макаровым.

– Бумаги? А случайно не улики уничтожаешь? – Макаров попытался рукой отодвинуть Ивана в сторону, но тот остолбенело стоял, не понимая, что случилось, – отойди! Вторая попытка не увенчалась успехом и рука потянулась к кобуре. Иван мимолётно обернулся на слабый огонь. Удар в затылок ослепил. Он присел и обхватил голову руками, Макаров схватил прут арматуры, выгреб из костра заметно обгоревшую картонную обложку, пару раз похлопал по ней, загасив

остатки пламени. Открыл...

– Так это не деньги? Где деньги? – повторные удары уже прутом арматуры по голове через прижатые к ней ладони не казался таким сильным, но Иван повалился на землю.

– Нет никаких денег, – Иван, сглатывая солёное, еле ворочал языком, не понимая, что происходит.

– А почему так быстро шёл? – Макаров придавил ногой скорчившегося Ивана. Не услышав ответа, снова посмотрел на лист бумаги под картонкой. – Так это... это же... справка на Будасси... Ты чего думал, вправду существует компромат на Будасси? Ну, ты совсем придурок... его же сам Ягода знает.

Иван почувствовал, как ватная ломота окутывает тело. Привкус крови во рту стал ощущаться отчётливее.

– Николай Владимирович, я слышал, вы про деньги кричали, – донёсся дрожащий голос запыхавшегося Ващенко, – так я ж в сейф убрал, от греха подальше.

– Бля, из-за тебя чуть грех на душу не взял! – Макаров шмурыгнув ногой рядом с головой Ивана и повернулся к Ващенко, – вот ведь, захожу в комнату – нет свёртка... и этот в дверях попался. Что ещё подумать? ...Чего с него крови столько? Тащи к Никитишне. Вот и Ковалёв идёт, поможет дотащить.

...Пелена. Красочный калейдоскоп... да, то светлее, то темнее. Пятна... пятна... отчётливее – мутнее... отчётливее – мутнее.

Река сначала имела берега, но постепенно они удалялись, пока не ушли куда-то в бесконечность. Теперь совсем не видны. Не видно их, ни справа, ни слева. Ну и не важно, главное, что впереди... Да, что впереди? Две тёмные точки приближались. Хорошо, что есть подзорная труба. Приставил. Ба, да это два тигра. Точно, тигры! Какая красивая раскраска – оранжево-белые полосы. Конечно, полосы не могут быть одинаковые, но у этих, так аккуратно уложены. Кажется, гармония невозможна при другом расположении. Подзорная труба. Увеличение позволяет видеть отчётливо. Да, приближаются. Надо же, так легко стелятся по глади воды. Неожиданно! Неужели они умеют плавать? Ха, вообще-то, кошки боятся воды. Вот, попробуй на нашего Барсика плесни воды – вмиг шмыгнёт под лавку. А эти... достойно скользят... приближаются. Резкость размываться начала. Покрутить... эх, потерял. Судорожные движения руки: то попадаешь, то промахиваешься. Что же такое? Да просто тигры, наверное, настолько близко, а увеличение гигантское – вот и не поймает. Ну-ка, без трубы... А без трубы их и нет. Снова увеличительную трубочку к глазу. Да вот же они! Только удаляются... удаляются. Эх, так я их и не поглажу. Чего-то испугались, неужели меня? Ведь я так хотел их погладить. Скорее всего, не укусили бы, – они ведь добрые. Ох! Что? Труба вылетела из рук, и около ног ластятся маленькие полосатые зверьки. Суетливые... ой, такие мягкие, тёплые, щекотные...

Послышался приглушённый женский голос: "...знакомые шрамы..."

12

Обвал... обвал...

Ещё вчера ты без оглядки стремился удрать, ускакать, умчаться. Огромные глыбы земли срывались и мчались за нами. Мы убегали.

Обвал... обвал...

Ты кричал, проклинал, матерился. Вчера ты был напуган, вчера ты был подавлен. Ты видел, как в один миг, разрушилось то, что создавалось не один год, то, на что потрачены время, силы, жизни. Ты видел... Ты видел этого парня, как он бежал по шпалам, спотыкался, как развевалась его белая рубаха, как отчаянно он пытался остановить паровоз. Ты видел, как он цеплялся... как он предотвратил беду.

Но это было вчера, а сегодня... сегодня мы возьмём своё, сегодня нас много, сегодня выбор оружия за нами. Мы всё восстановим. Мы первыми идём на штурм. Мы вооружены. Мы взяли самые катучие тачки, самые острые лопаты и кирки, мы взяли лучших людей. Нас много, нас очень много. Мы мстим тебе, стихия! Тебе, а не какому-то наглому урке и не вертухаю с надменной улыбочкой. Берегись, природа, попробуй устоять перед нами! Мы теперь – единое целое, мы, которые оставили здесь частичку себя. Наша частичка в

этом канале... канале, где кусочки разных жизней сплелись в монолит.

Да, вчера на последних зачистках склона мы радовались – вот он результат, вот он – наш труд. Мы стояли и смотрели на этот плавный поворот канала – частичку огромного пути, по которому пойдут пароходы. Мы рассуждали, что не просто так жили, не просто так существовали на земле, что мы не какие-то никчемные людишки. И наши дети будут видеть и чувствовать нас, когда через десятилетия пройдут по этим берегам, по берегам, созданным нашим трудом, по берегам, где нас полегло сотни, тысячи, по берегам, где остались наши силы, наша молодость... где осталась незримая часть нас самих.

А сейчас... сейчас, ты сжал оглобли тачки и толкаешь. Ты толкаешь и, в пылу борьбы, видишь, что у бригадира нагружено больше, чем у тебя, и ты кричишь: "Грузи мне больше... И тебе сыпят, сыпят... Ты видишь – ещё не восстановлены сходни. Плотники не успевают сбивать и ставить трапы. Ты знаешь – будет тяжело, но ты жмёшь, ты в бою, ты выдюжишь. Нам сегодня нужно справиться. Ты знаешь, через несколько дней будет праздник. Ты хочешь этого, потому что ты, как и он... и он... герои, герои этого праздника, потому что победим, победим этот последний оскал природы, этот её подлый удар.

Ты успел заметить, что у порушенного бечевника другая бригада соорудила огромный деревянный кузов, снабдила

его четырьмя колёсами – этакий автомобиль на ручной тяге. Слышится: "Наш фورد уделает вас!" Да, ребята там смекалистые, но они перегрузили свою штуковину – увязла, толкают уже восьмером. Ах... ах ты ж, удалось, вытянули, набирают скорость. Ты кричишь своим: "Васька, Петька, Витька, смотри, они нас уделают, нас – лучших тачечников!" И мы жмём, наша гордость не позволит. Мы, мы – самые стойкие тачечники! Мы ещё молоды, мы соревнуемся между собой.

С другого конца, к завалу, уже прокладывают рельсы – теперь будет проще. Будасси машет руками, указывает, где бросить ветку на дне выемки. Паровоз на взводе, – пар из всех форсунок, – спешит, тащит порожние платформы. И нам всё ближе и ближе откатывать.

Мы даже не заметили, как к нам подтащили большой котёл. Из под его крышки вырывается ароматный пар. Повар, обычно суровый и недружелюбный, сегодня улыбается и зовёт. Мы стекаемся к котлу со всех сторон: кто-то не выпускает из рук лопат, кто-то подтаскивает и тачки. Повар выдал большие железные миски на троих и мы, сгрудившись над ними, счастливо хлебаем. А там: и перловка, и картошка, и морковь и... мясо. Большие куски хорошо проваренного мяса. Наши порции сегодня огромны. Наш аппетит ещё больше. Мы намерены к вечеру восстановить бечевник, разрушенный вчера. И залихватски сдвинув кепку, ты кричишь: "Смогём мы или не смогём?" И, в ответ, слышатся сотни голосов: "Смогём, конечно смогём!"

Мы смеёмся, мы шутим, мы ставим новые цели... мы живём!

13

Ковалёв несколько удивился, когда, проходя по тропинке в учётно-распределительную часть, заметил около сараев костёр и двух человек – один заслонял руками голову, другой – сверху накрывал его ударами, как по наковальне. "Чёрт, драки обычно в тёмных углах происходят, а здесь, на открытом месте, напротив спецчасти. Вольняшки, что ли, чего не поделили?" Сломленный ударами, один повалился, другой стоял над ним, что-то крича. Ковалёв свернул к костру и увидел, спешащего к тем двоим, Ващенко. Немного отлегло. "Ну, наверное, дела спецотдела". Уже не опасался, тем более, что в победителе драки Ковалёв узнал Макарова.

– Эй, Ковалёв, помоги Ващенко зека к безрукой оттащить, – Макаров говорил с одышкой, отрывисто. Взвизгивающие нотки голоса неприятно резали слух.

– ...к однорукой, – Ковалёв вполголоса поправил Макарова, – только она уже в усадьбу ушла. Наклонился к скорчившемуся человеку, покачал за плечо и перевернул на спину.

– Ну, тащите тогда в усадьбу, – Макаров выровнял голос, – вероятно, я чего-то переборщил.

– Ух, да это ж, Ванька! За что вы его так? – Ковалёв, от неожиданности, отпрянул, зло посмотрел на Макарова, – ...

без сознания.

Ващенко подскочил к Ивану, приложил пальцы к шее, облегчённо выдохнул: "Пульс есть".

Спешили. Ващенко забежал в управление, вынес плотное покрывало, теперь тащить неподвижного Ивана стало намного легче. Ващенко суетился, на ходу сбивчиво рассказывал, как Макаров из-за него, просто так, чуть не убил Ивана.

Никитишна действительно оказалась в усадьбе. Она быстро что-то вколола Ивану, велела раздеть догола, осмотрела. Смыли кровь. Раны на голове были неглубокими, но рукам досталось изрядно. Никитишна возмущённо заговорила: "За что же так долбать? Похоже, сотрясение, и неизвестно когда оправится". Сама задумчиво смотрела на старые шрамы вдоль щиколоток ног Ивана. Ковалёв чувствовал, что Никитишна хочет что-то спросить. И, действительно, она большим пальцем чуть сдвинула кожу на шраме, посмотрела на Ковалёва: "Саша, не знаешь, откуда этот парень?" Ковалёв смекнул, что вопрос не о номере барака или отряда. Назвал область и даже вспомнил район, где Ивану вынесла приговор скоропалительная "тройка". Никитишна кивнула, видимо, подтвердила свои внутренние мысли и проговорила: "Да, было дело, когда-то давно два года в городе рядом работала". Ковалёв вопросительно смотрел. Накитишна, с горькой улыбкой, показала на шрамы: "Да вот придумала себе тогда такую штуку – по-особому заканчивать шов..."

Спирт она развела в каком-то сосуде интересной формы,

как только Иван пришёл в сознание. Ковалёв удовлетворённо хмыкнул, опрокинул в себя сразу грамм сто. Сосуд закупорил плотно свёрнутым куском бумаги, прикрыл сложенным покрывалом: "Ну, ладно Никитишна, спасибо, Ващенко чего-то быстро убежал, покрывало забыл, пойду занесу". Никитишна, с сожалением, смотрела в пол: "Саша... ты, в последнее время, уж много пить стал".

Да, не пить он уже не мог. Это стало неотъемлемой частью жизни, как и безысходность, и ненужность существования. Ковалёв знал, что осталось только доживать – не было ни цели, ни смысла. Как ему казалось, он чувствовал такую же безысходность, как у десятков тысяч бедолаг, каждое утро входящих в мрачные забои, вгрызающих лопаты и кирки в пласты земли и падающих на нары каждый вечер от усталости. Он видел эти бледные пятна измождённых лиц, безразлично глядящих в никуда.

Но сегодня... сегодня что-то произошло с этими людьми. Ну да, осыпался берег, ну да, довольно значительный обвал. Неужели так подействовало ожидание того, что вот достроили, вот он конец всем трудностям в их жизни, вот достижение конца, а природная стихия вздумала всё отнять. Это? Что же произошло с людьми? Почему они с таким азартом принялись восстанавливать берег, включились даже те, кто старался работать в меру, а сегодня вдруг ринулись. Даже Афанасьеву не пришлось проводить воодушевляющую агитацию. Он только лишний раз напомнил, что через несколь-

ко дней сдача Глубокой выемки большой комиссии. Но людям-то к чему? Ну, можно было бы размеренно, спокойно выравнять склон, восстанавливать бечевник. Ну, перенесли бы сдачу на неделю. Ну, поругали бы Афанасьева, Будасси, ещё кого-нибудь. Но те, у которых отняли прошлую жизнь, у которых нарушили устои... что заставило их броситься на восстановление откоса?

Или это так отчётливо я заметил только сегодня? Может, всегда так было? только масштабы были маленькими, в пределах одного человека? Ведь каждому человеку хочется быть кому-то нужным. А здесь, тем более... Да, всё отняли, обратной дороги нет, но они ещё молоды. Возможно, с едой и бытом наладится. а вот как умерить желание проявить себя, пусть даже на маленьких участках и вот – о них говорят, пишут в газетах, упоминают в песнях.

Вот я, например, уже почти старик, кому нужен? Ковалёв ходил взад-вперёд по пустому пространству клуба. Эх, опять расчесал душу – теперь зудеть будет. Вспомнил, что есть ещё непечатаемая записка в дальней тумбочке за щитами транспарантов с лозунгами. Ну что ж, сегодня так. Взял бутылку, направился к своему столу.

Махнул полстакана. Достал тетрадку. Вот и заговоздка: а нужно ли было это писать? Не складывается что-то в единое целое, нет здесь однозначной оценки. Где добро, где зло? Каша получается. Всё идёт в разные стороны, но, тем не менее, парадокс – стройка продвигается и результаты видны.

Ковалёв разглагольствовал уже вслух, размахивая руками, спорил с кем-то невидимым, подходил к столу, наливал и заглывал. И так повторялось по кругу.

Вспомнил. Остановился перед шкафом, открыл створки и, даже про себя удивившись, аккуратно вытащил из темноты композицию из трёх фигурок, высотой сантиметров тридцать, на деревянной подставке.

Центральная фигурка – крепкий апостол с большим православным крестом в правой руке. Гордо вышагивает. Чувствуется – уверен в себе. Сильный. Знает, что хочет в жизни. Идёт гордо, подняв подбородок. Полы сутаны развеваются на ветру. Но ветер ему не страшен, да он сам кажется непреодолимой стихией. А за ним, хватаясь за его одежды, не поспевая, семят двое. Один уже отстаёт, падает – маленький, сгорбленный, скукоженный человечек. Схватил апостола за краешек материи, да видно оторвал кусочек и теперь смотрит на этот кусочек... похоже, в слезах... остановился, и знает, что уже не поспеть. Вторая – старуха, ещё пытается успеть, но видно, что не сможет. "Не бросай нас, возьми с собой, Без тебя мы погибнем. Ты знаешь, где свет, ты напорист, ты храбр, ты умён, ты знаешь, где рай. Не отворачивайся от нас, расскажи, чем не угодили тебе, мы исправимся, мы сделаем, как скажешь, мы верим тебе". Ковалёв ухмыльнулся. Как там у Блока: "В белом венчике из роз впереди Иисус Христос". Вот ты какой – из хлебного мякиша.

Махнул очередную. Задумался, ушёл в себя, смотрел в то

одну точку, то медленно блуждал взглядом по предметам на столе и, вдруг, не то оскалился, не то улыбнулся. Задержался на портрете Сталина на первой полосе газеты – вот где истинная затаённая усмешка. Вчера ему понравился этот снимок, он приготовил его для отчётной агитации в местную "Перековку". Теперь же он смотрел на портрет с ненавистью.

Нет... нет, ты не мессия! Ты просто помещик! Твои крепостные что-то хулиганить начали. Надо их приструнить. Ты усмехаешься? Да, Ты уверен, что мы букашки в твоём огромном царстве: захочешь – раздавишь, захочешь – поместишь на самое видное место, в стеклянную банку и будешь подкармливать. Да, ты уверен, что ведёшь... но, знаешь ли, что ведёшь к пропасти? И такими уверенными шагами. Везде, где ты, везде лагеря и смерть. Ты можешь многое, но нет, сегодня не возьмешь меня в свои лапы! Я старался быть самим собой, кажется, это даже удавалось, да немного прогибался, да немного сторонился, но ведь, казалось... казалось, что независим.

Ковалёв потянулся к пачке папирос, вытянул одну. Схватил дрожащей рукой спичку. Чиркнул. Не высек. Повторил. Жёлтый огонь. Наклонил спичку. Посмотрел на ровное пламя и, с удовольствием, подвёл к газетному портрету. Распрямил руку. С ухмылкой наблюдал, как плавится портрет, извивается, скукоживается и постепенно рассыпается, кусочек за кусочком. Казалось, что гнев проходит, и уже осознанно Ковалёв взял за ширмой железное ведро, поставил перед со-

бой.

Теперь огонь заглатывал и мелко исписанные тетрадные листки с рассказами. Ковалёв нещадно отрывал листок за листком. Пробегал взглядом и, кривясь, шептал: "Вот тебе ещё... вот тебе тачки... вот тебе экскаваторы... вот трупы... ешь... вот... меня можешь забрать... Глубокая выемка".

Ковалёв попытался сунуть руки в огонь и одёрнул. Смотрел мутным взором в никуда. Постепенно накрывала пелена, сладкая слабость убаюкивала. "Вроде хочется увидеть будущее, а вроде и нет"

Из памяти всплыли строчки, написанные в молодости.

Скажи, как пробудиться ото сна?

Как отогреть замёрзнувшую душу?

Как панцирную корку изо льда

Мне расколоть и выбраться наружу?

Как мне найти того, кто все поймёт,

Кто знает, где искать источник жизни?

И кто меня с собою уведёт

В тот мир, который я не видел даже в мысли?

Но, незнакомец скажет мне:

"Ты оглянись вокруг, и все поймешь,

Ведь цель, к которой ты идёшь -

Есть мир, в котором ты живёшь!"

Несмотря на резкую боль в шее, Виктор всё же повернул голову к Ивану: "Давай ещё нарежу!". Иван забинтованными ладонями подхватил жёлто-красное яблоко из корзины и передал Виктору. Тот резал тонкими пластинками. Иван аккуратно брал кусочек в рот и, осторожно смыкал припухшую челюсть. На лице попеременно отражались, то оскал от боли, то удовольствие от сладкого вкуса.

– Яблочный спас, не могу же я пропустить, – Иван не пережёвывал, просто надавливал нёбом, и отправлял кусочек дальше, – в деревне всегда до отвала наедался... А ты где взял?

– Егорыч принёс, – Виктор медленно разогнул спину. Тупая боль в правом боку с огромным синячищем мешала сделать это быстро, – Говорит, в этом году хороший урожай, в Мысово у знакомого купил. Виктор подошёл к перилам балкона и, с размаху, левой рукой запустил огрызок яблока. Проследил, как тот пролетел сквозь сочные тёмно-зелёные листья липы.

– Витька, какие там новости? Пять дней провалялся, толком ничего и не знаю, – Иван зажмурился, отправляя в рот кусочек яблока.

– Да, есть новости, – Виктор начал с хорошего, – Макарова перевели в другой район, на повышение. Поговаривают, что крупное дело раскрутил, – большую партию зеков на Север отправляют.

– У-у, – Иван в знак одобрения поджал губы и кивнул.

– Через две недели, вроде на тридцатое августа, назначили сдачу Глубокой выемки высокой комиссии из Москвы, – Виктор нежно потирал ладонью бок.

– Ну, через две недели, я думаю, уже оправлюсь, чувствую, быстро заживёт, – Иван посмотрел на Виктора и усмехнулся, – а ты в этой рубашке на праздник пойдёшь?

Виктор расправил заштопанную в нескольких местах свою любимую рубашку в старых следах угля, земли, крови.

– Эх, когда-то белоснежная была... и досталось же ей... повидала жизнь... – Виктор погладил передок рубашки, встал и подошёл к тумбочке, взял листок "Перековки".

– Свежая? – Иван заинтересовался, – у меня пальцы ещё в бинты замотаны, даже и не помышляю взять.

– Да, вчерашняя, – Виктор посмотрел на дату, прочитал вслух, – от пятнадцатого августа.

– А, ну чего пишут? – Иван скользнул глазами, увидел на одной из фотографий знакомое лицо, – постой, так это ж ты! Ну-ка, ну-ка... "Инженер Соболев, не жалея себя, предотвратил крупную аварию на Глубокой выемке..." Да ты, герой!

Виктор смутился, но всё же дал Ивану дочитать заметку.

– Ладно, я не это хотел показать. Тут рассказ Ковалёва напечатали, – Виктор показал обратную сторону газетного листка, – ...единственный оставшийся... Егорыч говорит, что целиком исписанная тетрадь была... всё сжёг... в тот вечер... когда с тобой случилось.

– Я знаю, – Иван покусал губу, отвёл глаза в сторону, – мне Анька рассказала, на следующее утро он умер. Вышел к умывальнику и упал... сердце остановилось... Говорит, здесь недалеко похоронили.

– Да, на деревенском кладбище, – Виктор кивнул, – родственников у него не было.

Помолчали.

– Вить, знаешь, я чего подумал... ну, вообще, подумал, пока лежал... в этом графском доме удобно думать... тепло, сухо. Вечерами, как королева с балкона смотрю, мысли так и ходят. Короче, меня через месяц досрочно освобождают, – Иван сделал паузу, посмотрел в сторону оконного проёма и быстро продолжил, – но я решил остаться на Строительстве. В Мысово перевезу жену. Никитишна говорит: можно поселиться в деревне, рядом с усадьбой. Потом вроде завод строить начнут. Плотницкое дело – это мое. Главное, чтобы руки зажили... а уж работать я умею.

Виктор улыбнулся, посмотрел в светлые глаза Ивана и приобнял за плечо.

– Эх, Ванька... ещё поработаем... вся жизнь впереди...

– Вить, почитай вслух... – Иван сглотнул, прикрыл глаза.

* * * Записи Ковалёва. Искусственная река. * * *

Стайка ребят, лет десяти, застыла перед витринным стеклом первого этажа административного здания. Уменьшенный макет трассы канала "Москва-Волга", выставленный для

всеобщего обозрения, занимал несколько квадратных метрах пола. Фанерные листы служили основой для масштабной карты местности. Между городом Москва и селом Иваньково, расположенными по углам карты, через возвышенности и низины, пересекая небольшие речушки протянулась извилистая голубая лента канала. Большие водные пространства, – водохранилища, – подпирались дамбами на речках. На самом большом водохранилище, обозначенным, как Иваньковское, стояла гидроэлектростанция. Макет не был плоским, все неровности рельефа, – холмы и впадины, – воссозданы из папье-маше по топографическим картам. Миниатюрные гидросооружения, искусно вырезанные из дерева, выделялись сочным белым цветом.

– Искусственная река... – проговорил с серьёзным видом долговязый паренек, – а вот, те штуки, которые пересекают канал, называются шлюзами.

– Серёжка, а ты откуда знаешь? – девочка, помладше, с двумя беззаботными косичками, прижалась щекой к стеклу.

– Мне папа рассказывал, – долговязый Серёжка продолжал объяснять, повернувшись к остальным ребятам, – Москва находится выше той местности, где протекает Волга, поэтому воду будут закачивать насосами. Чтобы вода обратно не выливалась, нужны дамбы, но не простые, а специальные – ведь ещё и корабли будут ходить. Их называют шлюзы. Смотрите, целых три в районе Дмитрова. Там перепад высот большой. Так вот, это открывающиеся с двух сторон

камеры. Когда корабль идёт в Москву, открывают нижние ворота, корабль заходит, ворота закрывают. Теперь, камеру медленно заполняют водой насосами, корабли поднимаются, потом верхние ворота открываются и корабль идёт дальше. И так по "лесенке" забирается. Понятно? – на лице Серёжки проступила серьёзность.

Егорыч, закончив покраску фасада, внимательно наблюдал за ребятами. Они, водя пальцем по стеклу, продвигались по трассе канала к району Глубокой выемки.

– Вот здесь... здесь наше Хлебниково, – объявила другая шустрая девочка, ликуяще повернувшись к Егорычу, ожидая подтверждения. Он кивнул.

– Серёжка, а что это такое? – лохматый парень в штопаных штанах показал на полукольца белого цвета, немного выдвинутые к воде, расположенные на противоположных берегах друг напротив друга. На одном берегу стояло белое зданье в форме простой четырёхгранной призмы.

– Не знаю, Юрка, – Серёжка задумчиво рассматривал сооружение.

– Это заградворота, – Егорыч, в который раз, любовался участком Глубокой выемки, ему особенно нравился рельеф из папье-маше, – наш художник очень старался, смотрите, как детально проработал...

– А что такое заградворота? – Юрка следил за взглядом Егорыча..

– Это важная штука, – Егорыч, не оборачиваясь, разъ-

яснял, – Канал – сложное гидротехническое сооружение и требует периодического обслуживания: там берег укрепить, там русло подправить, там углубить. Вся трасса разделена на участки. Каждый участок отделяется специальными подъёмными перегородками, которые называются заградворота. Когда надо, воду откачивают только на нужном участке и не надо осушать весь путь.

– Ворота под землёй прячутся? – девочка с косичками нетерпеливо влезла с вопросом.

– Эта штука интересная, называется ферма Томаса. Мы привыкли, ворота – это цельная плоская плита, а здесь, это как бы складная штора. Представьте себе плитки домино, расставьте их вертикально, вплотную друг к другу, лицевая часть к обратной. Плитки настолько гладкие, что и просвета не видно. Теперь, толкните за верхнюю часть самую крайнюю, они все быстро и сложатся. Вот такие подобные плитки, связанные тросами, полулёжа, находятся на дне канала. Натянул трос, плитки встали в ряд, ослабил – плитки легли.

– Классно! – Юрка ухватил суть, – во, точно, Глубокая заградворотами ограничена, вон там и там...

– Да, это место, требующее особого внимания, склон может сползти. Пока строители не знают, как себя почва поведёт, – Егорыч вспомнил опасения Будасси и, глядя на макет, задумался о масштабах проекта.

– А это правда, что на стройке заключенные работают? – Егорыч резко обернулся. Вопрос исходил от белокуро-

го шупленького паренька, самого маленького из ребят.

– Вся страна работает, – Егорыч вздохнул. Странное чувство, не то настороженности, не то обиды. Проскочило, но быстро улетучилось. Взъерошил белокурому мальчугану волосы и, улыбнувшись, обвёл всех взглядом, – да, вся страна работает. Новый мир строится... огромные заводы, фабрики. За техникой – будущее! Вы, молодые, интересуйтесь, учитесь, исследуйте, изобретайте – это теперь ваша жизнь!

Эпилог

Из дневника...

1 мая 1937г. Дмитров.

Протяжные гудки – один, второй, третий... шёл пароход...

Весь берег заполнен людьми, а уж к пристани, так вообще, невозможно протиснуться. Головы, головы, головы... Кепки, кубанки, шляпы, фуражки. Все лица повернуты в сторону канала. А там...

...ослепительно белый красавец-пароход с толпами пассажиров по бортам у поручней. Машут руками, кричат "Ура-а-а!", с берега в ответ тоже машут и кричат. Большая надпись на борту – "Иосиф Сталин". И как брызги, буквы поменьше – имя великого вождя на каждой шлюпке, каждом ведёрке, каждом спасательном поясе.

Часть пассажиров сходила с парохода, часть, наоборот, заходила. Скоро дальнейшее следование к Москве. Передовики из вольнонаёмных ещё вчера уехали в Ивановку на Волгу, чтобы оттуда начать движение по каналу.

Он подошёл ко мне сзади. Я улыбнулся, приветливо поздоровался.

– Поздравляю, знаю, вы в списках награждённых, – я попытался не показать, что заметил его какую-то отрешённость и, в то же время, напряжённое состояние. Но он почувствовал, решил прояснить ситуацию и шепнул:

– Ещё не знаешь...? Фирин арестован, Пузицкий арестован. Говорят, ещё сто двадцать человек...

Я замер в растерянности. Только вчера, во всех газетах большие портреты всей верхушки Строительства, а сегодня... вот как...

– За что? – только и смог произнести нелепое.

– Мало что ли чудес у нас в стране..., – он снял кепку, провёл рукой по гладкой голове, – в основном, ромбов арестовали, всех приближенных к Фирину и Ягоде. Вот так, одних сажают, других награждают, – он потерев ладонью лоб, – награждение в Москве, в Парке культуры и отдыха... ладно, пойду на пароход, сегодня увижу нашу Глубокую с воды.

Я смотрел на людей, думал. Между тем, чувствовалось, что веселье постепенно охладевает – новости распространялись быстро. И почему-то отметил для себя: в толпе, в этот

жаркий день, можно легко узнать награждаемых со спины – они томились в пиджаках, в отличие от остальных, веселящихся в распахнутых лёгких рубашках, а вот сколько там было расконвоированных заключённых и недавно освобождённых, так просто и не определить.

А пароход, по заранее подготовленной программе, грациозно отходил от пристани и держал курс на Москву.